

ISSN 1857-2685

Русь

№ 1 (19), 2010

Общественная ассоциация
«Русь»



По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первоиерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

международный исторический журнал

Русь

2010, № 1 (19)

Кишинев

Общественная ассоциация

«Русь»

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Редакционная коллегия:

доктор истории С. Суляк (Молдавия),

главный редактор

доктор истории П. Шорников (Молдавия),

заместитель главного редактора

кандидат исторических наук Ю. Данилец (Украина),

заместитель главного редактора

М. Алмаший (Украина)

М. Горняк (Сербия)

доктор исторических наук М. Губогло (Россия)

М. Дронов (Россия)

кандидат исторических наук В. Меркулов (Россия)

кандидат филологических наук В. Падяк (Украина)

доктор философии А. Плишкова (Словакия)

кандидат филологических наук Д. Поп (Украина)

доктор лингвистических наук профессор Ю. Рамач (Сербия)

доктор хабилитат истории Н. Руссев (Молдавия)

М. Силадий (Сербия)

доктор истории Н. Тельнов (Молдавия)

протоиерей о. Николай Флоринский (Молдавия)

Р. Шапка (Канада)

Адрес редакции: Республика Молдова, MD 2001, г. Кишинев, ул. М. Когэлничану, 24, кв. 1 А. Республиканская общественная ассоциация «Русь».

Тел.: (+373 22) 28-75-59, факс: 27-15-15. E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Editor's address: Association «Rus'». M. Kogalniceanu Street, 24, ap. 1A, Kishinev, MD 2001, Moldova.

Tel.: (+373 22) 28-75-59, fax 27-15-15. E-mail: journalrusyn@rambler.ru

© Общественная ассоциация «Русь», 2010

© Association «Rus'», 2010

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ИСТОРИЯ РУСИНОВ / HISTORY OF THE RUSINS

Сергей СУЛЯК

«Мстителями возвращаемся мы на молдавскую землю» 7-18

Sergei Suleak

"We return onto the Moldavian land as avengers"

Николай БАБИЛУНГА

«Голосование ногами» населения Бессарабии в 1940 г. – реальный референдум
..... 19-31

Nikolai Babilunga.

"Voting with feet" by the population of Bessarabia in 1940 – a real referendum

Василь МІЩАНИН

Радянізація Закарпаття у другій половині 1940-х рр. 32-43

Vasilii Mishanin

The Sovietization of Transcarpathia in the second half of the 1940's.

Юрій ДАНИЛЕЦЬ

Православна церква в умовах першого року радянської влади на Закарпатті
(1944-1945 рр.) 44-50

Jurii Danilets

Orthodox Church in the first year of Soviet rule in Transcarpathia (1944-1945)

Михаил ЮРАСОВ

К вопросу о дате крещения предков русинов св. Мефодием 51-58

Mikhail Iurasov

The question about the date of the baptism of the ancestors of the Rusins by St. Methodius

Максим ЖИХ

К проблеме этнического самосознания ранних славян: по поводу работы Флорина Курты 59-77

Maksim Zhikh

Concerning the problem of the ethnic self-identity of the early Slavs: according to the work of Florin Kurta

Михаил НЕСИН

Галицкое вече при Ярославе Осмомысле 78-96

Mikhail Nesin

The Galician Assembly under Iaroslav Osmomysl

Игорь БУРКУТ

Первая мировая война в исторической памяти галичан и буковинцев 97-112

Igor Burkut

WWI in the historical memory of Galicians and Bukovinians

Татьяна ПИКОВСКАЯ

Місце Підкарпатського Землеробського Союзу (ПЗС) у політичному житті на Закарпатті (1918-1938) 113-118

Tatiana Pikovskaia

The place of the Sub-Carpathian Agricultural Union (SAU) in the political life of Transcarpathia (1918-1938)

НЕКРОЛОГ / NECROLOGY

Ольга ПЕТУХОВА

Скажите, почему?! 119-122

Olga Petukhova

Say why?!...

Владимир АНИКИН

Сергей Пожар: прерванный полет 123-124

Vladimir Anikin

Sergei Pozhar: interrupted flight

АРХИВ / ARCHIVES

Максим СЕРГИЕВСКИЙ

Топонимия Бессарабии и ее свидетельство о процессе заселения территории 125-148

Maksim Sergievskii

Toponyms of Bessarabia and their evidence in the settlement process of the territory

Русь, Россия, Москва (из богемской газеты «Narodni Listy») 149-160

Rus', Russia, Moscow (from the Bohemian newspaper "Narodni Listy")

РУСИНСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ / RUSIN BIBLIOGRAPHY

Василий СТАТИ

Между страстями и идеосинক্রазией. О книге И. Евсеева «Slavismele românești» 161-163

Stati Vasiliu

Between passions and ideosyncracies. About I. Evseev's book "Slavismele românești"

Георгій КОЖОЛЯНКО, Олександр КОЖОЛЯНКО

Етнополітичні процеси в Україні: минуле і сучасність 164-171

Georgii Kozholianko, Aleksandr Kozholianko

Rusins in the world: examination of ethno-political processes

Максим ЖИХ

К проблеме социально-политического устройства Галицкой и Волынской земель домонгольского времени 172-181

Maksim Zhikh

Concerning the problem of the social-political organization of the Galician and Volynian lands of the pre-Mongol period

Подписка на международный исторический журнал «Русин» 182-183

Subscription to the International Historical Journal «Rusin»

Правила публикации в журнале «Русин» 184

Rules of Publication in the Journal «Rusin»

Сведения об авторах 185-188

Information about the Authors

Summary 189-191

Подписка 2010

На международный исторический журнал

Русин

объявлена подписка в Республике Молдова

Подписной индекс - 31808

Журнал выходит четыре раза в год

Подписаться на журнал можно в любом отделении связи

**Отдельные номера журнала можно приобрести
в Общественной ассоциации «Русь»
(тел. для справок 28-75-59)**

Уважаемые читатели!

Нынешний год для нас – юбилейный. В апреле 2005 г. увидел свет первый номер международного исторического журнала «Русин». В непростой период становления журнала нас духовно поддержал первоиерарх Русской православной церкви за границей, митрополит Восточноамериканский и Нью-Йоркский Лавр, родом русин из Словакии. Его Высокопреосвященство благословил нас на издание журнала: «Сим хочу пожелать Вам Божьей помощи в сем важном деле. Наш русинский народ претерпевал всяческие невзгоды, и, конечно, выяснение исторического положения этого вопроса очень важно. Господь да благословит Вас и да поможет Вам и Вашим сотрудникам послужить нашему многострадальному народу. Бог Вам в помощь!»

Сегодня вы держите в руках девятнадцатый номер издания. С начала выпуска «Русин» рассылается в ведущие университеты, научные центры и библиотеки России, Украины, Молдавии, а также в русинские организации зарубежных стран.

В сегодняшним номере журнала мы разместили ряд материалов, посвящённых присоединению Бессарабии к СССР. Это событие, произошедшее 28 июня 1940 г., а также образование 2 августа 1940 г. Молдавской СССР в последнее время вызывают негативные оценки со стороны ряда политических и околонучных деятелей. «Венцом» т. н. «пересмотра» прошлого стало опубликование Указа и.о. президента Республики Молдова М. Гимпу «Об объявлении дня 28 июня 1940 года Днём советской оккупации». Указ был издан на второй день после Дня памяти и скорби в связи с годовщиной начала Великой Отечественной войны. В преамбуле указа, опубликованного в год 65-летия Победы, говорилось: «...Принимая во внимание Заключение Комиссии Верховного Совета ССР Молдова по политико-юридической оценке Советско-Германского договора о ненападении и Дополнительного секретного протокола от 23 августа 1939 года, а также их последствий для Бессарабии и Северной Буковины, утверждённое Постановлением Парламента № 149-XII от 23 июня 1990 года, в соответствии с которым 28 июня 1940 года СССР оккупировал силой оружия Бессарабию и Северную Буковину вопреки воле населения этого края...».

Конституционный суд Республики Молдова своим Постановлением № 17 от 12 июля 2010 г. признал Указ № 376-V от 24 июня 2010 г. неконституционным. Согласно постановлению Конституционного суда, временно исполняющий обязанности президента превысил свои полномочия. Однако суд не дал политико-правовой оценки этому документу. А ведь своим указом и.о. президента поставил под сомнение законность существования самого государства - Республики Молдова.

Чтобы ещё раз напомнить историю вопроса и показать, произошло ли возвращение Бессарабии в состав России/СССР «вопреки воле населения этого края», мы публикуем ряд исследований по данной тематике.

Сергей СУЛЯК,
главный редактор международного исторического журнала «Русин»

Сергей СУЛЯК

«МСТИТЕЛЯМИ ВОЗВРАЩАЕМСЯ МЫ НА МОЛДАВСКУЮ ЗЕМЛЮ»

В год 65-летия Великой Победы некоторые лица вновь пытаются муссировать тему «советской оккупации» Молдавии. Сам термин «оккупация» означает временное занятие вооружёнными силами территории противника. В межвоенное время большинство населения Бессарабии таковой считало аннексию данной территории Румынией и боролось за воссоединение с Россией. Достаточно вспомнить Хотинское (1919), Бендерское (1919), Татарбунарское (1924) восстания.

Территория Пруто-Днестровского междуречья была передана Турцией России согласно Бухарестскому мирному договору 1812 г. В 1918 г. Румыния, воспользовавшись революцией и начавшейся в России гражданской войной, захватила Бессарабию. Румынское правительство управляло Бессарабией такими методами, что 29 румынских сенаторов и депутатов румынского парламента, представлявших Бессарабию (среди них и бывшие члены «Сфатул Цэрий», стоявшие в своё время за объединение с Румынией), написали в 1924 г. обращение к румынскому королю Фердинанду I, в котором, в частности, говорилось: «Уже шесть лет Бессарабией управляют так, как невозможно сегодня управлять даже чёрными колониями Африки... Нынешний режим в Бессарабии невозможно продолжать! Бессарабия не может, не желает его больше терпеть!»¹.

Несмотря на проводимую в крае насильственную румынизацию, профессор Яского университета О. Гибу в 1936 г. в докладе на имя министра просвещения Румынии И. Петровича признал: «По духу своему Бессарабия теперь несравненно более русская, чем в 1918 г.... И сейчас в городах почти все охотно говорят по-русски и читают чаще всего русскую прессу, всячески препятствующую утверждению румынизма»².

В годы румынской оккупации Бессарабия по показателям смертности среди населения стояла в одном ряду с некоторыми африканскими колониями³. За 22 года Бессарабию покинуло 16,5 % населения. Свыше 100 тыс. чел. бежало в СССР. Во многих странах создавались общества бессарабцев, которые боролись за возвращение Бессарабии в состав России⁴.

Советское государство никогда не признавало аннексию Бессарабии, пыталось решить данный вопрос дипломатическим путём.

26 июня 1940 г. правительство СССР передало королевскому правительству Румынии официальную ноту, в которой предлагало «мирным путём разрешить затянувшийся конфликт между СССР и Румынией». Во второй ноте от 27 июня правительство СССР потребовало от Румынии в четырёхдневный срок, начиная с 14 часов 28 июня очистить территорию Бессарабии от румынских войск и румынской администрации⁵. С середины дня 28 июня части Красной Армии вступили на территорию Бессарабии.

Численность покинувших Бессарабию после 28 июня 1940 г. составила менее 100 тыс. чел. (в основном уроженцы Румынии)⁶. В то же время в Бессарабию возвратилось около 300 тыс. чел., в том числе более 200 тыс. из Румынии. Румынские власти всячески препятствовали репатриации. 30 июня 1940 г. в Галаце произошла расправа над бессарабцами, возвращавшимися на родину. Оцепив площадь перед железнодорожным вокзалом, где собралось свыше двух тысяч репатриантов, румынские жандармы и военные открыли огонь по безоружным людям, убив свыше 600 чел.⁷

После 28 июня солдаты-бессарабцы покидали ряды румынской армии. Из 15-й румынской пехотной дивизии бежало 3 тыс. солдат⁸. По данным румынского генштаба, на 8 июля 1940 г. дезертировало 61970 военнослужащих⁹.



Жители Кишинева встречают Красную Армию.

Оценивая настроения населения, представители румынской администрации, описывая отношение населения северной части Бессарабии (*где компактно проживают русины и их потомки - С.С.*) к Красной Армии, писали: «Правдой является то, что абсолютное большинство населения было охвачено настоящим радостным возбуждением, да ещё и так было охвачено, что встреча с цветами в руках, со знамёнами, оркестрами и угощением не являлась бегло выдуманной информацией, а представляет собой грандиозную и стихийную манифестацию радости по случаю прихода освободителей, которых желали и которых ожидали в течение многих лет». Начальник сигуранцы Хотинского уезда отмечал, что многие торговцы Хотина «симпатизируют советскому режиму»¹⁰.

2 августа 1940 г. на VII сессии Верховного Совета СССР по предложению молдавской делегации, в состав которой входили депутаты Верховного Совета СССР от МАССР и избранные на собраниях представители Бессарабии, был принят Закон об образовании Молдавской Советской Социалистической Республики.

Но мирная жизнь была нарушена войной. В своём приказе по армии от 22 июня 1941 г. руководитель румынского государства генерал Ион Антонеску, объявив эту войну священной, взывал: «...Солдаты! Приказываю вам перейти Прут! Уничтожайте восточного и северного врага. Освободите от красного ига большевизма **наших братьев** (*выделено мною - С.С.*)...»¹¹. Однако уже в июле 1941 г. И. Антонеску говорит: «**Мстителями** (*выделено мною - С.С.*) возвращаемся мы на молдавскую землю Стефана Великого, повсеместно восстанавливая



Диктатор Румынии И. Антонеску подписывает в присутствии Гитлера соглашение с Германией. Берлин. 23 ноября 1940 г.

основы румынизма»¹².

Как видно из документов той поры, с первых дней войны бессарабцы активно боролись против немецко-румынских захватчиков: вступали в истребительные батальоны, отряды народного ополчения, вели борьбу с диверсантами и шпионами. В первые месяцы войны

в городах и районах Молдавии было создано 63 истребительных батальона численностью до 100-200 чел. в каждом. Десятки тысяч бессарабцев работали в фортификационных батальонах¹³. В Красную Армию вступили 38 тысяч солдат-бессарабцев, дезертировавших из румынской армии в июне 1940 г., 18 тысяч рабочих и служащих. К 5 июля 48 тысяч призывников влилось в Красную Армию¹⁴.

Мирное население оказывало посильную помощь пограничникам и красноармейцам. Командование 25-го пограничного отряда сообщало: «... Почти все жители сел не уходили в тыл, рыли окопы для пограничников и красноармейцев..., а в критические моменты боя они брали винтовку и вместе с бойцами громили врага. Так делали жители с. Ваду-луй-Исак, где расположена 15-я застава... В отряд пришли люди, призывной возраст которых не подлежит всеобщей мобилизации. С 22 июня было принято 18 добровольцев»¹⁵. На смену ушедшим на фронт мужчинам на предприятия, в колхозы, совхозы добровольно приходили старики-пенсионеры, дети, жены мобилизованных¹⁶.

В связи с тяжёлым положением на фронте и угрозой оккупации была проведена эвакуация населения и государственного имущества. В восточные районы СССР выехало до 300 тыс. человек¹⁷. В результате мобилизации в Красную Армию и эвакуации население Молдавии сократилось на 500 тыс. чел. и составило 2220 тыс. чел. Население Кишинёва, Тирасполя и уездных центров сократилось почти вдвое (на 230 тыс. чел.)¹⁸.

В конце июля 1941 г. немецко-румынские войска оккупировали Бессарабию, к началу августа - левобережные районы Молдавии. Для управления захваченной территорией были созданы три губернаторства: Бессарабия (центр - г. Кишинёв), Буковина (г. Черновцы) и Транснистрия (с 19 августа до 17 октября 1941 г. - г. Тирасполь, а затем - г. Одесса). В Бессарабии было размещено 9 жандармских легионов. Число жандармов и полицейских в октябре 1941 г. составило 4282 чел.¹⁹

Как относились к своим «братьям» румынские власти, видно из приведённых ниже документов:

Из выступления И. Антонеску на заседании румынского правительства 8 июля 1941 г.: «Рискуя быть непонятым некоторыми традиционалистами, которые, возможно, имеются среди вас, я выступаю за насильственную миграцию всего еврейского элемента Бессарабии и Буковины, его нужно выставить за пределы наших границ. Также я за насильственную миграцию украинского элемента, которому здесь нечего делать в данный момент. Меня не волнует, войдём ли мы в историю как варвары. Римская империя совершила целую серию варварских актов по отношению к современникам, и все же она была

самым величественным политическим устройством. В нашей истории не было более подходящего момента. Если нужно, стреляйте из пулемётов»²⁰.

Из указаний И. Антонеску оккупационной администрации Бельцкого уезда от 17 июля 1941 г.: «Дороги восстановить с помощью населения. Трудовую повинность ввести и на завоёванных территориях. При самом незначительном сопротивлении со стороны населения - расстреливать на месте. Фамилии казнённых опубликовать... Население Бессарабии подвергнуть проверке, подозрительных и тех, которые выступают против нас, нужно уничтожать... Ни один еврей не должен оставаться в сёлах и городах, их следует интернировать в лагерь»²¹.

Из докладной записки Управления пропаганды губернаторства Бессарабия Министерству пропаганды Румынии от 4 июля 1942 г.: «...В первую очередь необходимо внедрять идею о существовании единого румынского государства и единой румынской народности, проживающей на всей территории страны, следовательно, и в Бессарабии... Так как бессарабский крестьянин всегда считал себя молдаванином, а не румыном и смотрел на выходцев из Старого королевства с некоторым пренебрежением, что является следствием того, что он находился в составе великой империи...»²²

Оккупировав Бессарабию, румынские власти изъяли все советские и румынские удостоверения личности. Вместо них выдавались удостоверения трёх цветов: для румын (молдаван) – белого цвета, для национальных меньшинств – жёлтого, для евреев – зелёного. Также были введены специальные цифры, указывавшие на «лояльность» жителей румынскому режиму²³.

Приказом губернаторства Бессарабия от 15 ноября 1941 г. было запрещено разговаривать в публичных местах на нерумынском (*имелось в виду на русском - С.С.*) языке. Разговоры «на языке врагов» карались тюремным заключением сроком от одного месяца до двух лет. Одновременно с тюремным заключением суд мог приговорить «виновного» к крупному денежному штрафу и лишить права занимать государственную должность на шесть лет²⁴.

Однако население продолжало игнорировать распоряжения румынской администрации. Военно-полевые суды были завалены делами «преступников».

Из донесения кишинёвской квестуры полиции областному инспекторату: «Сегодня, 17 мая 1942 г., отношением за № 4205 мы направили в местную прокуратуру военно-полевого суда 3-го армейского корпуса дело с оформленными документами на Иванова Трофима из Кишинёва за то, что вышеназванный 14 мая с. г., в то время как

почётная рота проходила церемониальным маршем перед румынскими и немецкими властями по ул. Сфатул Цэрий, направляясь на кладбище немецких героев, стоял с покрытой головой и руками за спиной и не приветствовал знамя части...»²⁵

Из донесения кишинёвского областного инспектората полиции генеральной дирекции полиции от 22 мая 1942 г.: «Квестура полиции г. Кишинёва отношением № 3511 от 18.V с. г. направила в прокуратуру Лапушнянского трибунала дело с оформленными документами на Краварчука Ефима, проживающего в пригороде Кишинёва, Мелестиу, ул. № 98, д. № 8, за то, что он не подчинился приказу № 6 военного командования 3-го армейского корпуса от 19.VIII. 1941 г., ибо в его доме были обнаружены книги на русском языке»²⁶.

Из донесения оргеевской полиции кишинёвскому областному инспекторату полиции от 29 мая 1942 г.: «В дополнение к нашему донесению за № 11 458 от 2.III.1942 г. честь имеем доложить, что приговором за № 1987 от 19.V.1942 г. кишинёвского военно-полевого суда 3-го армейского корпуса обвиняемый Попушой Андрей, проживающий в Оргееве по ул. Св. Думитру, № 77, по профессии земледелец, был приговорен к трём месяцам исправительного заключения, а на основании ст. 326 военного кодекса к штрафу в 200 лей за то, что говорил на языке врагов, наказан на основании ст. 6 приказа № 5 от 16.XII 1941 3-го армейского корпуса. Просим сообразоваться распорядиться о том, следует ли его включать в список подозрительных лиц»²⁷.

Из сообщения кишинёвского областного инспектората полиции от 5 октября 1942 г.: «Среди русских в последнее время заметна живая тревога, вызванная страхом быть отправленными в Транснистрию. Такое настроение сложилось главным образом в результате осуществления некоторых мероприятий властей, как-то: инвентаризация имущества русского населения и запрещение под угрозой наказания разговаривать по-русски. Тем не менее, это национальное меньшинство в семейном кругу, среди приятелей или знакомых и, что самое опасное, в общественных местах, **не стесняясь, разговаривает по-русски** (выделено мной – С.С.)»²⁸.

Из сообщения бендерской полиции кишинёвскому областному инспекторату полиции от 23 июля 1942 г.: «В связи с внешнеполитическими событиями часть населения не проявляет никакой радости по поводу успехов оси. Некоторые из этой категории тайком выражают оптимизм и уверенность в победе русских. Шепчутся, что сами немцы признают, что если война затянется до зимы, тогда "немцам капут"»²⁹.

Из предписания губернаторства Бессарабия от 6 июня 1942 г.: «Установлено, что с момента отвоевания Бессарабии и до настоящего

времени в школах, государственных учреждениях власти, и к несчастью, в сёлах не отrekliсь ещё от некоторых обычаев и тенденций, которые доказывают полнейшее непонимание духа нынешнего времени и программы всеобщей румызации, выполнение которой занимает первое место в плане сегодняшних наших забот. Эти тенденции проявляются в использовании русских имён учащимися, служащими и даже сельскими жителями, которые заменяют чисто румынские имена их эквивалентами в русском языке. Учащиеся, служащие и некоторые крестьяне продолжают называть себя вместо Думитру, Василе, Ион, Константин, Михай и т. д. - Митя, Вася, Ваня, Костя, Миша и т. д. Но самым печальным и непонятным является то, что эта аномалия отмечается и у большинства чисто молдавских семей, которые по непонятным причинам настойчиво пользуются русскими именами, сохраняя, таким образом, в трезвом и активном состоянии русский дух. Устранение этих дурных привычек является первостепенной и главной задачей при выполнении всеобщей и обязательной румынизации духа, настроения и атмосферы в Бессарабии»³⁰.

В апреле 1942 г. губернатор К. Войкулеску признал, что его распоряжение о запрете разговаривать по-русски игнорируют даже служащие-молдаване: «Мало-помалу возобновилась старая система исключения румынского языка из обращения государственными служащими-уроженцами Бессарабии, использование русского языка вновь становится обычаем. В залах и кабинетах учреждений постоянно слышится русская речь [...]. На улицах, в магазинах, общественных местах русский язык преобладает. Что особенно прискорбно, установлены случаи, когда священники уступают настояниям верующих и проводят службу на русском языке». Губернатор констатировал, что «бессарабцы сохранили подлинную ностальгию по "русским старым времен"»³¹.

В апреле 1942 г. генеральная дирекция полиции Румынии сообщала, что «крестьяне, которые при коммунистическом строе в сельских населённых пунктах Бессарабии были членами сельсоветов, продолжают бросать вызов и угрожать местным властям, утверждая, что они их накажут по возвращении коммунистов в данную область», упоминая при этом 6 фамилий жителей молдавского села Сынжера Лапушнянского уезда, которые «в настоящее время ведут пропаганду в пользу Советов и угрожают властям»³².

Провалилась попытка оккупационных властей провести мобилизацию среди бессарабцев. К началу войны в румынской армии служили 7,8 тыс. уроженцев Бессарабии, преимущественно молдаван, мобилизованных до 28 июня 1940 г. Румынское командование избегало использовать их на фронте. Весной 1943 г. было мобилизовано ещё 8,8

тыс. бессарабцев. Весной 1944 г. приказу о мобилизации подчинились от 2 до 10 % призывников, остальные скрылись³³.

Из приговора военно-полевого суда по делу солдат-молдаван, отказавшихся от присяги румынскому государству от 20 марта 1943 г.: «...солдаты из числа бессарабцев, мобилизованные для обучения и отказавшиеся принять присягу верности, были направлены с оформленными документами кишинёвскому военно-полевому суду 3-го территориального армейского корпуса».

Военно-полевой суд вынес приговор 11 молдаванам из сел Рышканы и Заиканы Бельцкого уезда и одному из с. Мандык Сорокского уезда, осудив их к 25 годам каторжных работ с конфискацией имущества и разжалованию³⁴.

Из донесения губернаторства Бессарабия кабинету министров Румынии от 18 февраля 1944 г.: «1 февраля с.г. со станции Фокшаны отправился отряд 20-го Доробанцкого и 53-го пехотного полков, состоявших из 189 бессарабцев, к месту назначения – Одессе. Отряд был оснащён военным обмундированием, но без оружия. ... До Одессы доехало только 88 человек, а на второй день ещё 71. Отсутствуют в настоящее время 30»³⁵.

В то же время с первых дней оккупации на территории Бессарабии создавались партизанские отряды, подпольные организации, проводились диверсии, разбрасывались листовки, саботировались распоряжения румынского командования. В 1941 г. местное население затаило



Во время депортации в Приднестровье уцелевших после еврейского погрома в Яссах. Румынские военные останавливают поезд, чтобы сбросить тела умерших в пути. Июль 1941 г.

восстановление железной дороги, что помогло Одессе. До конца обороны города противник не мог провезти через Молдавию ни одного эшелона³⁶. К марту 1944 г. в Молдавии действовало 28 подпольных организаций и групп, объ-

единявших более 500 чел., 8 партизанских отрядов и 23 группы численностью 900 чел.³⁷

С первых дней оккупации в 49 населённых пунктах Бессарабии и примерно в 170 на левобережье Днестра были созданы гетто и концлагеря. Осенью 1941 г. в Транснистрию было выселено около 150 тыс. евреев и цыган. Одним из первых в августе-сентябре 1941 г. начал действовать лагерь-гетто в Рыбнице. В нем было заключено около 30000 чел., из которых 2731 были уничтожены: 1297 расстреляны, 240 сожжены заживо, 1194 умерли от голода и истязаний. Среди погибших было 1470 женщин, 350 детей. Перед погребением тела заключенных подвергались ограблению. В лагерях Транснистрии в годы румынской оккупации погибло более 300 тыс. евреев и 50 тыс. цыган. А всего, с учётом уничтоженных летом и осенью 1941 г. на территории Бессарабии и Буковины, число евреев - жертв геноцида составляло не менее 350 тыс. чел.³⁸

Долгое время официальные власти Румынии отказывались признать причастность румын к Холокосту, и только в октябре 2009 г., на церемонии открытия в центре Бухареста Траян Бэсеску заявил, что «признать геноцид периода Второй мировой войны и почтить память 400 тысяч евреев и цыган, погибших в этот период, было долгом Румынии»³⁹.

Война нанесла Молдавии непоправимый ущерб: была полностью разрушена экономика, людские потери превысили 650 тыс. чел. Причём большинство погибших явились жертвами инфекционных и социальных заболеваний, распространение которых было вызвано разрушением экономики, социальной инфраструктуры, системы санитарной безопасности, массовыми насильственными перемещениями населения⁴⁰.



Вид разрушенного во время войны Кишинева.

Из доклада Республиканской комиссии по учёту ущерба об итогах учёта ущерба и расследовании злодеяний немецко-румынских



Вид разрушенного во время войны Кишинёва

**о к к у -
пантов в
Молдав-
ской ССР
(и ю н ь
1944):** Рас-
стреляно и
сожжено в
тюрьмах и
лагерях 37
475 чел.,
умерло от
невыноси-
мых пыток
и истяза-
ний – 22
713 чел.
Всего же

истреблено немецко-румынскими оккупантами ни в чем не повинных мужчин, женщин, стариков и детей 63 849 чел., подвержено истязанию и пыткам 20 345 чел., угнано на работы 47 242 чел. Разрушено 76 % жилого фонда Кишинёва. Такие города и районные центры, как Унгены, Корнешты, местечко Валя-луй-Влад Кишкарёнского района полностью разрушены⁴¹.

Из числа имевшихся к началу войны 427 основных лечебных учреждений 350 (84 %) пострадали полностью или частично. Было повреждено или разрушено 607 школ, 5 научных учреждений, 10 клубов. Уничтожено 3 287 166 экз. книг. Из музеев более ценные экспонаты были вывезены в Румынию, в том числе 91 экспонат-уникум стоимостью 910 тыс. руб., а остальные экспонаты были частью вывезены, уничтожены или разграблены⁴².

После освобождения Молдавии с марта по ноябрь 1944 г. в Красную Армию ушло более 240 тыс. чел.⁴³ В 1944 г. железнодорожники восстановили 18 вокзалов, 241 км путей. К началу июля 1944 г. была восстановлена первая очередь Кишинёвской железной дороги. На севере Молдавии только в Бельцком уезде в строительстве объектов военного назначения приняло участие свыше 42 тыс. человек⁴⁴. В 1941 г. это же население саботировало восстановление железной дороги для нужд румынской армии, тем самым внося свой вклад в победу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Левченко Б.* Ероий Татарбунарулуй ын фаца жудекэций // Комунистул Молдовой, 1970. № 8. П. 30.
2. *Лазарев А.М.* Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев: Карта Молдовеняскэ, 1974. С. 276.
3. Там же. С. 333-334.
4. Там же. С. 328.
5. *Степанюк В.* Государственность молдавского народа. Исторические, политические и правовые аспекты. Кишинев: Tipografia Centrală, 2006. С. 341.
6. *Шорников П.М.* Цена войны. Кризис системы здравоохранения и демографические потери Молдавии в период Великой Отечественной войны. Кишинев, 1994. С. 9.
7. *Лазарев А.М.* Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. С. 471, 469.
8. Там же. С. 472.
9. *Шорников П.М.* Цена войны. С. 10.
10. *Лазарев А.М.* Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. С. 466.
11. Цара. Кишинев. 23 июня 1992 г. С. 6.
12. «Мстителями возвращаемся мы на молдавскую землю Стефана Великого, повсеместно восстанавливая основы румынизма» (И. Антонеску, июль 1941 г.). Источник: Buletinul oficial al provinciei Basarabia. 1941. № 1. P. 4. Цитируется по: *Шорников П.М.* Молдавская самобытность. Тирасполь: Издательство Приднестровского университета, 2007. С. 271.
13. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне советского народа. 1941-1945. Сборник документов и материалов. На фронтах войны и в советском тылу. Т. I. Кишинев: Издательство «Штиинца», 1975. С. 150-154.
14. *Шорников П.М.* Молдавская самобытность. С. 268.
15. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне советского народа. 1941-1945. Сборник документов и материалов. На фронтах войны и в советском тылу. Т. I. С. 126-127.
16. Там же. С. 76-78.
17. Там же. С. 275.
18. *Шорников П.М.* Цена войны. С. 25.
19. *Шорников П.М.* Молдавская самобытность. С. 270.
20. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне советского народа. 1941-1945. Сборник документов и материалов. В тылу врага. Т. II. Кишинев: Издательство «Штиинца», 1976. С. 35.
21. Там же. С. 37.
22. Там же. С. 113-114.
23. Там же. С. 51-53.
24. Там же. С. 82.
25. Там же. С. 112.
26. Там же. С. 112.

27. Там же. С. 113.
 28. Там же. С. 126.
 29. Там же. С. 181.
 30. Там же. С. 114-115.
 31. *Шорников П.М.* Молдавская самобытность. С. 289.
 32. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне советского народа. 1941-1945. Сборник документов и материалов. В тылу врага. Т. II. С. 269.
 33. *Шорников П.М.* Молдавская самобытность. С. 282.
 34. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне советского народа. 1941-1945. Сборник документов и материалов. В тылу врага. Т. II. С. 301.
 35. Там же. С. 294.
 36. *Шорников. П.М.* Молдавская самобытность. Там же. С. 281.
 37. История Республики Молдова. С древнейших времен до наших дней. Кишинев: Elan-Poligraf, 2002. С. 237-238.
 38. *Назария С.* Холокост. Страницы истории (на территории Молдавии и прилегающих областей Украины в годы фашистской оккупации. 1941-1944 гг.). Кишинев, 2005. С. 177, 179, 275.
 39. http://www.jewish.ru/news/world/2005/08/prn_news994223376.php
 40. *Шорников П.М.* Цена войны. С. 102.
 41. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне советского народа. 1941-1945. Сборник документов и материалов. В тылу врага. Т. II. С. 230-231.
 42. Там же. С. 207-208.
 43. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне советского народа. 1941-1945. Сборник документов и материалов. На фронтах войны и в советском тылу. Т. I. С. 9.
 44. *Ретида Л.Е.* Суверенная Молдова. История и современность. Кишинев, 2008. С. 188.

Сайт «Русины Молдавии»

<http://www.rusyn.md>

Русины Молдавии



Односторонняя
организация

РУСИН

На сайте размещены монография «Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии» (pdf), все номера журнала «Русин» (pdf), а также монографии и статьи по истории и культуре русинов Молдавии.

Николай БАБИЛУНГА

«ГОЛОСОВАНИЕ НОГАМИ» НАСЕЛЕНИЯ БЕССАРАБИИ В 1940 г. – РЕАЛЬНЫЙ РЕФЕРЕНДУМ

История, как известно, является наукой, которая в силу ряда присущих ей особенностей играет значительную роль в современном развитии любого общества, особенно в том, что касается гражданственности, сплочения и консолидации нации, формирования и развития институтов ее государственности, управления или манипуляции сознанием целых поколений. Вот почему тот, кто управляет историческим сознанием населения сегодня, тот в значительной степени управляет настоящим и даже будущим того или иного народа, той или иной страны.

Эта многократно доказанная истина особенно хорошо просматривается на примере Республики Молдова, где правящий класс с момента выхода этого государства из состава Советского Союза, и даже несколько раньше, приступил к конструированию своей особой исторической политики, т. е. стал грубо вмешивать свои политические цели и проводимую им политику в понимание исторического процесса. В настоящее время, практически весь период последних двух десятилетий власти Молдовы пытаются утвердить свою государственность не в качестве определенного самобытного историко-политического феномена со своей собственной экономической, правовой, политической и социальной системами, со своей неповторимой историей, культурой, традициями, а в виде некоей неотрывной части какого-то маловразумительного «румынского пространства».

Для реализации этой цели они взяли под полный контроль процесс формирования идеологии государства и общественного сознания, пытаются сконструировать новую для молдаван идентичность – румынскую. Да к этому - и формализовать презентацию Молдовы как части Румынии. И настоящими столпами новой молдовской идеологии в исторической политике стали четыре ключевых событий молдавской истории:

а) 1812 г. трактуется ныне не как освобождение края от ига Османской империи, а как насильственное расчленение не существовавшего в то время Румынского государства и аннексия его части Россией;

б) 1918 г. представляется не как насильственный захват королевской Румынией части территории своей союзницы по Первой миро-

вой войне, а как воссоединение Бессарабии с матерью-родиной, торжество исторических идеалов румынизма;

в) 1940 г. манифестируется в качестве большевистского грабежа и оккупации части мирной независимой страны, а создание государственности молдавского народа союзной Молдавской ССР как незаконное и насильственное;

г) 1941 г. интерпретируются как освобождение Бессарабии от советских оккупантов, а 1945 г. - как новый захват части Румынии Советской армией и установление здесь антинародного большевистского режима¹.

В этом ряду ключевых и поворотных событий на историческом пути молдавского народа 1940 г. стоит на особом месте. По его поводу было даже принято Парламентом Молдовы специальное «Заключение» по политико-юридической оценке советско-германского договора и дополнительного секретного протокола к нему, а также их последствий для Бессарабии и Северной Буковины². В этом примечательном документе, предоставившем Приднестровью наряду с бесспорными историческими, демографическими, экономическими, социально-культурными и прочими аргументами, также и весомые юридические основания для воссоздания своей государственности, имеются среди прочего и такие пассажи: «Настойчивые утверждения советской официальной историографии о том, что в Бессарабии в 1918 году якобы победила советская власть и тем самым она якобы стала составной частью Советского государства, были призваны обосновать экспорт революции и повторную аннексию Бессарабии. Борцам за реализацию так называемых революционных намерений большевиков на этой территории, как и другим борцам за сохранение империи, замаскированным под революционеров, за редким исключением иной этнической принадлежности, были чужды жизненно важные интересы сохранения и процветания целостной румынской нации»³.

Этим по сути своей лживым измышлениям власти Молдовы придают такое огромное значение, что данный тезис повторяется в тех или иных вариациях буквально во всех официальных учебниках по «Истории румын» или так называемой интегрированной истории. Данный тезис фактически стал своего рода «священной коровой» всех «научных», учебных, публицистических изданий официоза кишиневского режима. Он выдается за откровение, которое не требует никаких доказательств и не допускает сомнений в своей истинности, - население Бессарабии жаждало процветать и благоденствовать в составе румынской матери-родины, и только коварство сталинской России в сговоре с гитлеровской Германией разрушило эту идиллию.

Трудно найти в современной Молдове хоть одно издание, которое бы упорно не навязывало бы своим читателям именно такой взгляд на события лета 1940 г. Но фактов, подтверждающих этот тезис, практически нет. И тогда в их поиске доходит до случаев почти анекдотических.

Некий автор из Бендер, известный в городе своими многочисленными воспоминаниями, которыми он делился с согражданами в местной прессе в советские времена и которые захлеб расписывали восторг и ликование местной детворы при входе в город Красной Армии, в 90-е гг. стал писать нечто прямо противоположное; стал писать, что когда другие радовались и кричали от счастья, он сидел дома в одиночестве, удрученно тоскуя о потерянной навсегда румынской родине⁴.

Но вопрос о том, с какими настроениями жители Бессарабии встречали Красную Армию и с какими они провожали уходящих восвояси румын, конечно же, не праздный, тем более, если он играет столь острую политическую роль в современных борениях на общественной арене. Каким образом молодежь Молдовы, родившаяся через пять–шесть десятилетий после тех драматических событий, узнает о правде, когда она так тщательно скрывается властями этого государства? К счастью, в нашем распоряжении имеются не только сомнительные материалы каких-то «очевидцев», готовых услужливо «вспомнить» из конъюнктурных соображений все, что только данным властям будет угодно, но и материалы объективного характера. Они могут очень убедительно показать, каковы были геополитические предпочтения населения Бессарабии, т. е. за кого это население проголосовало. Но проголосовало не на плебисците, не на всенародном опросе, референдуме – в политической практике той эпохи такие опросы были совершенно исключительным явлением, а в условиях разгоравшейся Второй мировой войны так и просто невозможными и бессмысленными. И, тем не менее, практически такой референдум состоялся.

Но это был весьма своеобразный референдум, когда в отсутствии возможностей голосования руками происходило то, что с легкой руки журналистов именуется «голосованием ногами». Уникальные условия последних дней июня 1940 г. предоставили всем жителям Бессарабии право выбора, право самостоятельно решать, с кем связывать свою дальнейшую судьбу, - с фашистской Румынией или Советским Союзом. Каждый житель края имел возможность либо идти в Румынию в конце июня 1940 г., присоединившись к обозам румынских войск, администрации, чиновников и священников, беспрепятственно покидавших Бессарабию, либо оставаться дома, встречая «оккупаци-

онную» Красную Армию многодневными праздниками и весельем. Существовало также огромное количество бессарабцев, покинувших в годы оккупации пределы края по разным причинам. Как «проголосовали» они? Какой выбор сделали, в пользу Румынии или Советского Союза? И есть ли у нас факты, которые позволяли бы оценить результаты этого независимого и достаточно объективного референдума?

Такие материалы в нашем распоряжении есть. И они неплохо известны даже историкам Молдовы, во всяком случае, представителям старшего поколения.

Начнем с того, что теоретически 28 июня 1940 г. Красная Армия в 14 часов пополудни могла бы войти в малонаселенную полупустынную страну, брошенную своими жителями, ибо ничто не мешало населению покинуть ее вместе с румынами, которые начали свое бегство еще с раннего утра 27 июня. Около недели жители края могли сделать свой выбор, «проголосовать ногами», покинув Бессарабию. И действительно, исход был. И даже немалый, что позволяет современным кишиневским историкам писать о массовом бегстве бессарабских румын от «безбожной власти большевиков». Но в том-то и дело, что бежали не какие-то «бессарабские» румыны, а румыны самые что ни на есть настоящие, уроженцы Старого королевства, Мунтении, Олтении, Трансильвании, Баната и проч.

И ведь было кому бежать. После установления монархо-фашистской диктатуры Кароля II в феврале 1938 г. и превращения Румынии в сырьевой придаток агрессивного гитлеровского блока воинственные настроения правящей в стране клики достигли умопомрачительного накала. В апреле 1939 г. министр иностранных дел Румынии Г. Гафенку заверяет немецкого фюрера в том, «что особенно важно, так это не дать распространению влияния России на европейские дела»⁵. А в январе 1940 г. румынский король, инспектируя сооружавшуюся в Бессарабии вдоль Днестра линию военно-стратегических укреплений, заявил в Кишиневе, что его армия настолько сильна, что может дойти и до Южного Буга, и до самой Москвы. Призывая поскорее освободить своих «братьев» в левобережном Приднестровье и на Украине, он поручил своему Генеральному штабу начать конкретные разработки скорейшей реализации этих идей, опираясь, естественно, на необходимую помощь Германии и Японии. Проведенные в течение 1939-1940 гг. мобилизационные мероприятия позволили правящему режиму к июню 1940 г. довести численность румынской армии до 39 пехотных и 4 кавалерийских дивизий, 12 артиллерийских полков, и других воинских подразделений. Из них на территории Бессарабии было сосредоточено 36 дивизий и 2 бригады⁶.

Вот вся эта многотысячная армада (впрочем, не вся, как это мы увидим дальше) вместе присланными из Бухареста чиновниками и их

семьями, с колонистами и переселенцами, скупавшими за бесценок у разоренных крестьян Бессарабии земли, вместе с румынскими попами, коммерсантами, помещиками и любителями легкой наживы хлынула за Прут. При этом, нарушая условия советской ноты от 27 июня, они безнаказанно мародерствовали, грабили жителей края, а подчас убивали и злобно мстили им за симпатии к Советам, как когда-то турки мстили им за симпатии к русским. Много ли их было? И какую часть в этой массе составляли бессарабцы?

Американский историк Л.Ф. Шуман еще в середине прошлого века привел такую цифру: «200 000 румын ушли за новую границу и примерно такое же количество пришло в оккупированные районы из самой Румынии». Интересно, что при этом автор отметил, что в «оккупированные» районы, т. е. в Бессарабию, возвращалось большое количество «румын». Объяснить внятно, почему одни «румыны» бежали из Бессарабии, а другие «румыны» возвращались в «оккупированный» край, автор так и не смог, отметив лишь, что последние, видимо, просто «предпочитали власть Москвы власти Бухареста»⁷. Мы еще вернемся к этим странным «румынам». Но пока зададимся вопросом: а сколько среди них затесалось бессарабцев? Сколько было тех, кто скомпрометировал себя сотрудничеством с оккупантами, т. е. коллаборационистов или белогвардейцев, имевших старые счета с большевиками со времен гражданской войны, или просто богатых местных жителей, спасавших свои капиталы и добро?

Молдавский историк П.М. Шорников обратился к этой проблеме и пришел к интересному выводу. Он обнаружил, что весной 1941 г. по указанию румынского диктатора Иона Антонеску был произведен учет всех беженцев из Бессарабии. Всего зарегистрировали 82 555 человек⁸. Но нельзя не учитывать, что статус беженца давал ряд преимуществ и льгот, и вряд ли бежавшие из Бессарабии румынские служащие, торговцы и прочие переселенцы отказались бы от получения этих льгот. Иными словами, это количество покинувших Бессарабию истинных бессарабцев явно завышено, ибо включает и часть оккупантов, не имевших к краю никакого отношения, кроме временного его грабежа и управления «туземцами». Во всяком случае, американский историк румынского происхождения Г. Чорэнеску в середине 80-х гг. XX в. подсчитал, что всего Бессарабию покинули и переехали в Румынию в 1940-1941 гг., а затем и в 1944-1945 гг. приблизительно 50 000 бессарабцев⁹.

Правда, эта цифра не учитывает бессарабских немцев. Но это особая история. Когда Москва направила в Бухарест ноту от 26 июня 1940 г., германский посол в СССР граф Шуленбург сообщил народному комиссару иностранных дел В.М. Молотову, что «Германия сто-

ит на принципах Московских соглашений и не проявляет интереса к бессарабскому вопросу. Ее интересует лишь судьба 100 000 немцев, проживающих в Бессарабии». Шуленбург к тому же имел инструкции из Берлина информировать правительство Советского Союза, что «его решение явилось полной неожиданностью для германского правительства, и что это сильно затронет германские экономические интересы и приведет к распаду больших немецких поселений в Бессарабии, а также немецких элементов в Буковине»¹⁰. В силу этого 5 сентября 1940 г. Москва и Берлин подписали договор о «репатриации», по которому из Бессарабии выехало в Германию 93 548 человек, проживавших главным образом на юге Бессарабии немцев. Часть из них стала пушечным мясом в войсках СС и Вермахта. Семьями бессарабских немцев нацисты заселяли как колонистами территорию оккупированной Польши¹¹.

Итак, один поток движения населения из Бессарабии на Запад насчитывал приблизительно 200 000 человек, в большинстве своем – румынских военных, полицейских, служащих, священников, чиновников и других категорий временного населения края, прибывшего сюда его колонизировать, им управлять, его румынизировать. Примерно четвертая часть из них (50 000 человек) состояла из жителей края, не пожелавших жить при власти Советов. Но был и другой поток.

«Благодеяния» румынского оккупационного режима имели своим последствием массовое бегство населения из Бессарабии за весь 22-летний период иноземного господства. Только за первые 10 лет оккупации эмиграция из Бессарабии в СССР составила 300 тыс. человек, в страны Западной Европы – 150 тыс., в Южную Америку и США – 50 тыс. человек, где были созданы многочисленные землячества и общества бессарабцев¹². В предвоенное десятилетие количество эмигрантов из Бессарабии несколько сократилось, но насчитывалось десятками тысяч.

Огромная часть жителей края искала спасения от голода и в самом «Старом королевстве»¹³. Румыны превратили Пруто-Днестровское междуречье не только в поставщика дешевого сырья, но и в поставщика дешевой рабочей силы. Как отмечали сами румынские исследователи в 1938 г., «выход за Прут крайне обнищавших сельских пролетариев и полупролетариев Бессарабии принял особенно значительные размеры»¹⁴. А бухарестская газета «Темпо» в эти годы рисовала такую красочную картину: «Ежедневно поезда из Бессарабии выбрасывают на улицы столицы сотни голодающих молдаван, русских, болгар, евреев... В бюро по найму, на улице, на скамейках в общественных местах, в ночлежках, в окраинных трактирах, под мостами столицы – всюду, где скопляются эти несчастные, преобладает

молдавский язык или русский, смешанный с еврейским... Девушки, женщины, мужчины, бросившие на произвол судьбы свои поля и мастерские в Бессарабии, в поисках работы предлагают себя жителям Бухареста за любую сумму, не за нищенское жалование, а только за пищу, хотя бы один раз в день»¹⁵. По сведениям инспектората труда Бессарабии, с 1931 по 1939 г. за пределами края местными биржами труда было трудоустроено более 40 тыс. зарегистрированных ими безработных горожан¹⁶. Понятно, что это лишь верхушка айсберга, ибо безработных и разоренных жителей сельской местности никто и не думал регистрировать.

Эти бывшие жители Бессарабии, оказавшиеся за пределами края к июню 1940 г., также имели свободный выбор на этом своеобразном референдуме, «проголосовать ногами» за Советы, то есть вернуться в Советскую Бессарабию и принять гражданство СССР, или остаться в Румынии, в тех странах, куда их забросила судьба. Уже в день 28 июня 1940 г. в советское посольство в Бухаресте поступило около 250 заявлений от бессарабцев с просьбами о возвращении на родину. А затем со всех концов Румынии в сторону Прута устремились потоки людей, которые желали вернуться домой, несмотря на все препятствия и зверства, чинимые против них румынскими властями.

Американский журналист Уильям Максвелл, будучи очевидцем этих процессов, писал в статье «Бессарабия», что 28 июня 1940 г. «... в самой Румынии начался немедленный выезд из других румынских провинций молдаван, украинцев и особенно евреев в освобожденные Бессарабию и Буковину... Каждая станция вдоль железнодорожных путей, ведущих в Бессарабию, была полна людей, ожидавших поездов. Те, кто не мог найти другого способа, шли пешком, скрываясь днем в лесах во избежание возврата назад». По свидетельствам этого журналиста, поезда по дорогам в Бессарабию подвергались обстрелам из стрелкового оружия, что привело к многочисленным жертвам¹⁷.

Одна из таких безнаказанных расправ произошла в Галаце 30 июня 1940 г., где на площади перед железнодорожным вокзалом собралось свыше двух тысяч докеров, членов их семейств и других выходцев из Бессарабии, ожидавших поезда ни родину. Они были оцеплены румынскими жандармами и солдатами. Их держали скученно на жаре, лишив воды и пищи, превратив это ожидание в пытку и месть за сочувствие столь ненавидимым румынами Советам. А потом по безоружным людям открыли огонь. Было убито около 600 человек и вдвое больше ранено¹⁸. Ветеран труда жительница Бендер Людмила Горенко, участвовавшая 24 июня 2010 г. на заседании круглого стола «Бендеры – форпост Приднестровья в переломные моменты истории» в рамках конференции «Июнь 1940-го: Бессарабия и Северная Букови-

на в составе СССР», была очевидцем этих событий в городе Галац, откуда они с семьей возвращались в тот день на родину. По ее словам, крови невинных жертв было так много, что она буквально ручьями заливала мостовые румынского города. Это злодеяние румынских властей, по своей жестокости и масштабности соответствовавшее самым страшным преступлениям гитлеровцев против человечества, почему-то осталось почти незамеченным современниками и почти забыто потомками. Так не должно быть.

А ведь подобные расправы с репатриантами были не только в Галаце, но и в Яссах, и в других румынских городах, селах пограничных пунктах. В Яссах, например, пять тысяч беженцев, возвращавшихся в Бессарабию, были заперты без пищи и воды в небольшом здании городского вокзала, затем погружены в грязные товарные вагоны из-под угля, которые в пути обстреливались румынами, а на станциях Сокола и Николина - ограблены при полной безнаказанности преступников и попустительстве властей¹⁹. Рабочий Михаил Морозан, насильственно мобилизованный румынами на строительство военных укреплений, а затем вывезенный вместе с другими бессарабцами в Румынию, рассказывал, что, когда они пожелали вернуться к себе по домам и объявили об этом, румынский офицер стал собственноручно расстреливать их команду из пистолета перед воинским строем²⁰. Погибло большинство мобилизованных бессарабцев, вся вина которых состояла лишь в том, что они хотели возвратиться к себе домой и жить в своей стране, а не на чужбине.

Тем не менее, репатрианты возвращались на родину, несмотря на зверства румынских фашистов. Менее чем за месяц в Бессарабию из Румынии вернулось 150 тыс. беженцев, и население региона возросло за месяц на 5 процентов. Но и в последующие месяцы люди возвращались в свои покинутые дома в Бессарабии, причем не только из Румынии, но и из других стран. К концу 1940 г., когда репатриация в основном закончилась, из-за границы на Родину возвратилось примерно 300 тыс. бессарабцев, в том числе из Румынии – 220 тыс. человек. Рост населения края в эти месяцы составил немногим менее 10 процентов его населения. Характерно, что бессарабские эмигранты, возвращавшиеся в родные места из Франции, Италии, Венгрии, Югославии, в своих обращениях к Советскому правительству умоляли ни в коем случае не реэвакуировать их через Румынию, прекрасно понимая, что их там ожидает²¹.

Однако вернемся к тому потоку, который направлялся из Бессарабии за Прут. Помимо румынских чиновников, жандармов, торговцев, священников и прочих выходцев Старого королевства, прекрасно осознававших временный характер своего пребывания в оккупированной

Бессарабии, основной и количественно преобладавший элемент в этом потоке, конечно же, составляли офицеры и солдаты румынской армии. Но было бы ошибочным полагать, что румынские военнослужащие достойно, строем и с развернутыми знаменами, с песнями покидали оккупированный ими край, так и не превращенный ими в удобный плацдарм для готовившегося удара по юго-западным территориям СССР. Они убегали поспешно, разрушая, уничтожая то, что не могли ограбить, отбирали у населения скот, продовольствие, ценности, имущество. Деморализация бегущих войск, по признанию самих румын, была глубокой и широко распространенной. И наиболее явным ее показателем стало массовое дезертирство из румынской армии солдат-бессарабцев.

Как фиксировали агенты сигуранцы, чувства радости и восторга при известии об освобождении Бессарабии и Северной Буковины 28 июня 1940 г. «демонстрировались не только в рядах гражданского населения, но и в рядах армии»²². Массами покидали бессарабцы и буковинцы румынскую армию, скрываясь в лесах, оврагах, плавнях, домах местных жителей, ожидая подхода частей Красной Армии. Многие из них погибли от рук румынских карателей, которые облавами, засадами, расстрелами без суда и следствия пытались остановить массовое бегство бессарабцев из бегущей армии. Но утратить зверскими расправами не желавших уходить в Румынию местных жителей, служавших в румынской армии, было невозможно.

Целые подразделения и даже целые части королевской армии не дошли до Прута, если большинство в них составляли мобилизованные румынами жители Бессарабии. Солдаты просто бросали оружие и расходились по домам. Так перестала существовать как боевая единица 12-я пехотная дивизия румынской армии, ибо большинство солдат этой дивизии составляли местные жители, не пожелавшие уходить с родины и просто разбежавшиеся при начале румынского отступления из Бессарабии. По три тысячи солдат не досчитались 7-я и 15-я пехотные дивизии²³. Причем солдаты артиллерийского полка бросили в поле все вооружение и боеприпасы, разбежавшись по домам. Многие бессарабцы, служившие на территории самой Румынии, также попытались вернуться, за что, как уже говорилось, чаще всего расплачивались своими жизнями. Уже упомянутый американский журналист Уильям Максвелл по этому поводу писал: «Молдавские и украинские солдаты румынской армии убегали при любой возможности. В одной части при перекличке румынский офицер приказал желающим возвратиться в Бессарабию сделать шаг вперед. Надеясь, что они будут отпущены в освобожденную Бессарабию, 60 солдат вышли вперед. Они были расстреляны»²⁴.

Только за 10 дней, с 28 июня по 8 июля 1940 г., по данным румынского генштаба, из румынской армии дезертировало 61970 военнослужащих²⁵, что по праву может быть занесено в качестве рекорда в знаменитую «Книгу Гиннеса». Вряд ли в мирный период, не находясь в состоянии войны, хоть одна армия мира имела такое количество дезертиров в столь малый срок. Возвращаясь к началу нашего повествования, мы вполне можем определенно ответить на загадочный вопрос, перед которым остановился американский историк Шуман и многие другие западные, а ныне – и кишиневские и бухарестские историки.

Что же это за «румыны» такие странные, часть из которых бежала за Прут от Красной Армии, а часть, рискуя своей жизнью, а подчас и отдавая ее, рискуя имуществом и здоровьем, рвалась в освобожденные от оккупации земли Бессарабии и Северной Буковины?! Все, оказывается, достаточно просто и легко объяснимо, если не мутить свои мозги и сознание своих читателей всевозможными побасенками о том, что Бессарабия была и остается неотъемлемой частью своей румынской «матери-родины».

Объективные цифры и исторические факты говорят сами за себя. В подавляющем своем большинстве бессарабцы вовсе не считали себя «румынами», а считали оккупированным и ограбляемым румынами населением. Вот почему, за самым небольшим исключением (местные коллаборационисты, связанные с оккупантами), из Бессарабии в 1940 г. бежали исключительно «рэгецане», жители Старого королевства, пришедшие на эти земли в качестве оккупантов, - чиновники и бюрократия, офицерство и жандармы, колонисты и священники, землевладельцы и банкиры, а также солдаты, введенные в край из самой Румынии. Всем этим людям действительно нечего было делать тут после освобождения края от оккупации. Основная часть населения страны и не думала ее покидать, с ликованием и цветами, фруктами и вином встречая воинов-освободителей. Родину покинула незначительная часть ее уроженцев, которая в совокупности (приплюсовывая к 1940 г. и беженцев 1944 г.) не достигала и 2 процентов населения края.

С другой стороны, десятки и сотни тысяч жителей края, оказавшихся за его пределами к июню 1940 г., возвратились на Родину, в свой освобожденный от ненавистных оккупантов край. Только с июня по декабрь 1940 г. население края увеличилось почти на 10 процентов. И это при том, что из Бессарабии бежали 200 тыс. румын и были репатриированы 100 тыс. немцев! И при том также – это очень важно заметить! – что вплоть до декабря на Днестре оставалась временная демаркационная линия и массовых передвижений населения с левого берега на правый быть не могло. Учет населения, пересекавшего эту

линию, был строгим, а потому его цифры для нас весьма показательны. В течение второго полугодия 1940 г. из других союзных республик в молдавские районы бывшей Бессарабии прибыли 11580 человек, а из Молдавской ССР в другие республики СССР уехали 18703 человек. К этому можно добавить, что по решению правительства Украины в южной части бывшей Бессарабии расселили приблизительно 12 тыс. поляков и столько же украинцев, беженцев из Польши, после того, как Польша была захвачена гитлеровцами²⁶.

Таким образом, наш вывод совершенно очевиден и, более того, - естественен. Официально необъявленный референдум, но, тем не менее, референдум фактически состоявшийся, «голосование ногами», дал совершенно ожидаемые результаты. В абсолютном и подавляющем большинстве своем жители освобожденной Бессарабии и Северной Буковины проявили свои политические предпочтения и сделали свой геополитический выбор. Этот выбор был против оккупантов, против Румынии. Этот выбор был за освободителей, за Молдавию, за Украину. И этот выбор сделал народ. За этот выбор люди часто расплачивались своей кровью.

Ничтожное меньшинство, кучка местных коллаборационистов, землевладельцев и белогвардейцев, имевших с Советской властью старые счеты, сделали другой выбор.

Его можно уважать как право меньшинства, но его опасно вновь и вновь навязывать народу, навязывать большинству. Политика нынешнего и.о. президента Молдовы М. Гимпу и представляемой им коалиции политических сил являет собой классический пример такого навязывания. Гимпу может лично себя относить к проигравшим Вторую мировую войну гитлеровцам или железногвардейцам. Лично для него, как и для остальных коллаборационистов, 1940 г. в истории молдавского народа может представляться как своего рода трагедия. И в этом ничего удивительного нет.

Гораздо удивительнее другое. Республику Молдову (пусть и временно, и случайно!) возглавил человек, который вообще не признает молдавской государственности и стремится к ее ликвидации. Более того, не признает и молдавской нации, молдавской истории, молдавской культуры, языка, самобытности. Его указ об объявлении светлого дня освобождения Бессарабии от румынских оккупантов «днем советской оккупации» вполне объясним особенностями его мировоззрения и психики, его стратегических целей и его политики. Печально, что эти цели и эта политика полностью конфликтуют с миропониманием и менталитетом большинства жителей Молдовы, с этнической и политической идентификацией населения этой республики. А значит, новые трагические катаклизмы, общественное неустройство и граж-

данское противостояние еще ждут Молдову впереди. При полной неопределенности политического будущего.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Галинский И.Н.* Фальсификация современной политической истории Молдовы в контексте проводимой государственной исторической политики // *Общественная мысль Приднестровья*. № 1. Тирасполь, 2010. С. 4.

2. Заключение Комиссии Верховного Совета ССР Молдова... № 41 (28 июня 1990 г.) // *Бессарабский вопрос и образование Приднестровской Молдавской Республики*. Тирасполь, 1993. С. 75-78.

3. Там же. С. 76.

4. Фамилию автора и соответствующие ссылки на его «воспоминания» не приводим из этических соображений.

5. *Брысякин С.К., Сытник М.К.* Торжество исторической справедливости. Кишинев, 1969. С. 136.

6. *Березняков Н.В., Бобейко И.М., Копанский Я.М., Мурзак У.Г., Платон В.П.* Борьба трудящихся Бессарабии за свое освобождение и воссоединение с Светской Родиной (1918-1940 гг.). Кишинев, 1970. С. 710.

7. *Schuman L.F.* Soviet Politics at Home and Abroad. New York. 1947. P. 397. Цит. по: *Лазарев А.М.* Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев, 1974. С. 471.

8. *Шорников П.М.* Сколько было мигрантов в Молдавской ССР в 1940-1941 годах // *Советская Молдавия*. № 50. 15 марта 1991 г.

9. Там же.

10. *Лазарев А.М.* Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев, 1974. С. 443.

11. *Шорников П.М.* Указ. соч.

12. *Шорников П.М.* Молдавская самобытность. Тирасполь, 2007. С. 263.

13. Термин «Старое королевство» («Регатул век») для современного читателя нуждается в некотором пояснении. Так бессарабцы и румынские функционеры в крае называли Румынию в ее исторических границах на 1912 г. Эти границы не включали Южную Добруджу, захваченную румынами в ходе Второй Балканской войны 1913 г., а также Бессарабию, оккупированную румынами в январе 1918 г., Трансильванию (по-румынски – Ардял), Банат и Северную Буковину, полученные Румынией после Первой мировой войны. Румын, уроженцев «Регата», бессарабцы называли «регацанами» (*Шорников П.М.* Бессарабский фронт (1918-1940 гг.). Кишинев, 2010. С. 130).

14. *Зеленчук В.С.* Население Молдавии (демографические процессы и этнический состав). Кишинев. 1973. С. 30.

15. *Бобейко И., Копанский Я.* Двадцать два года героической борьбы. Кишинев, 1966. С. 10-11.

16. *Кустрябова С.Ф.* Положение трудящихся и демографические процессы в городах Бессарабии (1918-1940). Кишинев, 1977. С. 112.

17. *Maxwell W. Bessapabia.* – «Soviet Russia Today»? Vol. 9. № 4. August 1940. Pp. 14, 19. Цит. по: *Лазарев А.М.* Указ соч., С 469.
18. *Лазарев А.М.* Указ соч., С. 469.
19. История Республики Молдова. С древнейших времен до наших дней. Кишинев, 2002. С. 222.
20. История Молдавской ССР. Т. 2. Кишинев, 1968. С. 354.
21. *Лазарев А.М.* Указ. соч. С. 471.
22. Там же. С.472.
23. Очерки истории Коммунистической партии Молдавии. Кишинев, 1968. С. 246.
24. *Maxwell W. Bessapabia.* – «Soviet Russia Today»? P. 19. Цит. по: *Лазарев А.М.* Указ соч., С 473.
25. *Суляк С.Г.* Оккупация или освобождение? // Аргументы и факты – Молдова. № 26 (1547). 30 июня – 6 июля 2010 г. С. 5.
26. *Шорников П.М.* Сколько было мигрантов в Молдавской ССР в 1940-1941 годах // Советская Молдавия. № 50. 15 марта 1991 г.



Единая РУСЬ

<http://www.edrus.org>

Сайт создан в 1999 г. для противостояния ставшей официальной националистической версии истории на Украине. Содержит материалы по истории украинского раскола, создания «мовы» и гонений на общерусский язык, размышления о культуре и геополитике, аналитические статьи и архивные документы.

На сайте можно найти классику полемики с украинофилами (Н. Ульянов, Л. Волконский, князь Трубецкой и др.) и современных критиков украинской идеи (С. Сидоренко).

Василь МІЩАНИН

РАДЯНІЗАЦІЯ ЗАКАРПАТТЯ У ДРУГІЙ ПОЛОВИНІ 1940-х рр.

Формально вважається, що радянська краєва організація розпочалася з підписання між урядами СРСР і ЧСР Договору про Закарпатську Україну 29 червня 1945 р. Насправді цей процес почався значно раніше – з приходом Червоної Армії у жовтні 1944 р. Бо вже тоді радянське воєнно-політичне керівництво на Закарпатті здійснило обмеження діяльності, потім і витіснення за межі краю чехословацької урядової місії на чолі з Ф. Немецом, розгорнуло набір з місцевого населення до Червоної Армії, вживало енергійних і жорстких заходів по «очищенню тилу 4-го Українського фронту від ворожих елементів». Було також запроваджено радянське судочинство, державну символіку, за радянським зразком створено силові структури – міліцію, народну дружину, суди, прокуратуру, службу безпеки, розпочато конфіскацію. На думку деяких дослідників радянська організація краю значно випереджала політико-правове забезпечення даного акту¹. Немаловажні тогочасні події – перша всезакарпатська партійна конференція КПЗУ (19 листопада 1944 р.), перший з'їзд Народних комітетів Закарпатської України (26 листопада), з'їзди вчителів, профспілок, молоді, підписання Маніфесту про воз'єднання Закарпатської України з Радянською Україною, масові мітинги, що відбулися наприкінці 1944 – початку 1945 р., – були пропагандистсько-правовим оформленням того необоротного факту, що Закарпаття повинно стати радянським.

Уже в цей період, за словами сучасних дослідників, у Закарпатській Україні представники СРСР невідкладно вжили декілька воєнно-політичних заходів²:

1) Обмежили діяльність чехословацької урядової місії на чолі з міністром економіки і відбудови Франтішком Немецом тільки слабоборозвинутою гірською південно-західною частиною Закарпаття. Канцелярію урядового уповноваженого Чехословацької Республіки розмістили у місті Хуст. Решта території з містами Ужгород, Мукачево, Берегово оголосили прифронтовою зоною, котрою управляло радянське командування спільно з Народною Радою Закарпатської України. 8 грудня адміністрація Ф. Немеца виїхала за межі краю на територію Східної Словаччини;

2) Було задіяно 520 пунктів набору добровольців у Радянську армію, мобілізувавши у 640 населених пунктах до кінця 1944 р. 15 988

осіб. Із них 689 не пройшли медичну комісію та мандатну перевірку. Мобілізовані у Закарпатті добровольці (15 299 осіб) поповнили ряди 1-ї гвардійської та 18-ї армій;

3) Провели репресивні заходи з «очищення тилу від ворожих елементів». Репресії проти угорців і німців почалися відразу із вступом Червоної армії. Вже в листопаді-грудні 1944 року на підставі постанови № 0036 військової ради 4-го Українського фронту розпочато ізоляцію угорського і німецького населення призовного віку.

4) Запровадили державну символіку, утворили судові та правоохоронні органи за радянським взірцем. Народна Рада Закарпатської України видала декрети про гімн і прапор Закарпатської України, демонстративно запозичені у СРСР. 9 грудня 1944 р. створено добровільні народні дружини, а 18 грудня цього ж року – Спеціальний суд «для боротьби з ворогами нашого народу»;

5) Націоналізували, або взяли під щільний державний контроль промисловість, транспорт, торгівлю, землю. Населенню пообіцяли працю, відпочинок, матеріальну і медичну допомогу, пенсію, освіту рідною мовою.

По суті, всі ці суспільні перетворення, нерідко чисто популістські, стали першим етапом радянізації Закарпаття. Їх провели в стислі терміни задовго до офіційного приєднання Закарпаття до СРСР, всупереч попереднім радянсько-чехословацьким домовленостям. Превентивна радянізація Закарпаття значно випередила формальну зміну державно-правового статусу. Цей процес став символічним початком визначального впливу СРСР на всю післявоєнну Центральну Європу.

Підписаний 29 червня 1945 р. радянсько-чехословацький Договір про Закарпатську Україну круто змінив долю краю. Фактично договором вирішувалося не лише територіальне, але й суспільно-політичне питання.

Двадцять другого листопада 1945 р. на засіданні тимчасових Національних зборів Чехословаччини було ратифіковано Договір³. 27 листопада 1945 р. той же Договір ратифікувала Президія Верховної Ради СРСР.

22 січня 1946 р. Указом Президії Верховної Ради СРСР було затверджено подання Президії Верховної Ради Української РСР про утворення Закарпатської області з центром в м. Ужгороді. Замість попереднього адміністративного поділу, який існував у передвоєнні роки (Підкарпатська Русь поділялася на чотири адміністративні одиниці (жупи): Березьку, Марамороську, Угочанську, Ужгородську), за цим Указом до складу Закарпатської області були включені міста Ужгород і Мукачево та 13 округів. Згодом навіть були пропозиції облвиконкому (І. Туряниця) та обкому партії (І. Компанець) про об'єднання деяких

сіл Тячівського і Рахівського округів, населених етнічними румунами, та Берегівського та Севлюшського округів населених етнічними угорцями в окремі округи для зручності управління.

24 січня 1946 р. прийняла постанову про введення з 25 січня 1946 р. на території Закарпатської області законодавства Української Радянської Соціалістичної Республіки. Тобто в Закарпатті набували чинності Конституція СРСР 1936 р. та Конституція УРСР 1937 р. Тим часом у новоствореній області утворювалися нові радянські органи державної влади і державного управління. У грудні 1945 р. Політбюро ЦК КП(б)У затвердило склад виконкому обласної ради, членами якого були призначені І. Турянця, Г. Пінчук, М. Куц, Д. Тарахонич, С. Вайс, Д. Бондаренко, М. Попович, І. Керча, І. Керечанин. У січні 1946 р. розгорнув діяльність подальшому поглибленню процесу радянзації краю. Так, 9 березня 1946 р. облвиконкомом було прийнято рішення про перейменування сільських народних комітетів у сільські і селищні ради депутатів трудящих. 17 травня 1946 р. було ухвалено постанову «Про перейменування окружних і міських народних комітетів в окружні та міські ради».

Впродовж березня-травня 1946 р. в Закарпатській області були утворені місцеві радянські органи державної влади в особі виконавчих комітетів, їх відділів і управлінь. 21 грудня 1947 р. відбулися вибори до місцевих рад, на яких обрано 7 677 депутатів, в тому числі 1700 комуністів. З того часу почали входити в практику радянські традиційні організаційні форми діяльності місцевих органів державної влади: сесійний порядок їх роботи, почала діяти система постійних комісій, налагоджувалися зв'язки депутатів з виборцями через виборчі округи тощо. Цим завершився процес формування у Закарпатті місцевих органів радянської влади. Одночасно в результаті виборів до Верховної Ради 10 лютого 1946 р. перейшли до Верховної Ради СРСР функції колишньої Народної Ради як вищого органу державної влади в Закарпатській Україні.

У червні 1946 р. розгорнулася робота по «врегулюванню» топонімічної справи та українізація назв населених пунктів. Зокрема, указом Президії Верховної Ради Української РСР було перейменовано Андрашівці на Андріївку, Ряпідь на Бистрицю, Велику Чингаву на Боржавське, Шаркадь на Горбок, Нижню Апшу на Діброву, Требушани на Ділове, Німецьку Мокру на Комсомольськ, Ляховець на Лісковець, Серенчівці на Щасливе⁴. Перейменування населених пунктів «на новий лад» майже півсотні населених пунктів на тому не закінчилося. У 1949 р. пропонувалося Мукачєво перейменувати в Октябрськ, Хуст – на Красногорськ, Іршаву – на Синяву, Рахів – на Комсомологорськ, Тячів – на Шевченкове, Воловець – на Перевал і

відповідно район на Перевальський⁵. Такі акції не завжди відповідали побажанням населення, особливо мешканців угорських, німецьких, румунських населених пунктів.

Значна кількість населення краю постраждала від прикордонного режиму. Закарпаття межує з чотирма державами – Польщею, Чехословаччиною, Угорщиною, Румунією. У повоєнні роки тут були встановлені застави, огорожа з колючого дроту, вишки, пропускна система тощо. Мешканцям Великоберезнянського, Перечинського, Ужгородського, Берегівського, Севлюського, Хустського, Тячівського та Рахівського округів, які опинилися у 800-метровій смузі державного кордону, довелося переселитися з обжитих обійсть. Позначений десь на картах у московських кабінетах державний кордон різав по живому усталені роками етнічні, родинні, господарські, транспортні, культурні, духовні зв'язки між сусідніми населеними пунктами, родинами, окремими людьми. У ряді випадків лінія кордону перетнула села Великий Бичків, Тячево, Павлово та ін.⁶.

Суворість нового, воєнізованого режиму закарпатці відчули, коли органи влади стали рішуче залучати їх до примусової праці на військових об'єктах, а через військкомати розпочалася мобілізація юнаків на шахти Донбасу. Ухилення від цих заходів кваліфікувалося як дезертирство з усіма наслідками, що з цього випливали. 11 квітня 1946 р. в області було введено радянський паспортний режим з обов'язковою пропискою усіх громадян в десятиденний термін⁷.

Ще до офіційного утворення наймолодшої радянської області її жителі поступово залучалися до формування найвищих союзних і республіканських представницьких органів державної влади. У циркулярі Народної Ради Закарпатської України від 30 листопада 1945 р. повідомлялося про наближення виборів до Верховної Ради СРСР призначених на 10 лютого 1946 р. Окреслювалися завдання народної влади на місцях, намічались заходи розгортання широкої агітаційної роботи серед селян, робітників та трудової інтелігенції у підготовці до перших радянських виборів.

До складу 663 виборчих комісій було включено 4 865 чоловік, у тому числі 1351 член єдиної в області Комуністичної партії. Пропагандисти партійних комітетів, лектори, агітатори, склад яких добирався і затверджувався первинними парторганізаціями, розгорнули роз'яснювальну роботу з питань радянської виборчої системи та її переваг над буржуазною. Зусилля агітаційно-пропагандистського активу були спрямовані на нейтралізацію будь-яких опонентів, на викриття «ворожих буржуазних українських і угорських націоналістів» тощо.

На допомогу місцевим партійним і державним органам в організації підготовки до виборів з Москви та Києва було надіслано в Закарпаття

понад 100 працівників. ЦК КП(б)У звернувся до виборців: «Хто хоче, щоб західні Ізмаїльська та Закарпатська області догнали у своєму розвитку інші області Радянської України, хто хоче, щоб трудящі України жили культурним і заможним життям, той голосуватиме за кандидатів блоку комуністів і безпартійних»⁸. До передвиборної кампанії було залучено майже 12 тисяч активістів. Внаслідок проведеної організаційної і агітаційної роботи вибори до Верховної Ради СРСР 10 лютого 1946 р. «пройшли організовано і на високому політичному рівні». У них взяло участь 99,95 % усіх виборців. За кандидатів до Ради Союзу Верховної Ради СРСР проголосували 95,8 %, до Ради Національностей – 92,1 %⁹. Депутатами Верховної Ради СРСР від Закарпатської області були обрані І. Туряниця – в минулому один з лідерів профспілкового руху і крайової комуністичної організації, голова Народної Ради Закарпатської України, І. Ваш – активний діяч комуністичної організації, начальник комітету державної безпеки Закарпатської України, В. Русин – командир партизанського з'єднання, голова Вищого суду Закарпатської України, Г. Петрище – колишня наймичка, активістка молодіжного руху, жінорг Волівського окружкому партії.

У серпні 1946 р. восьма сесія Верховної Ради Української РСР першого скликання прийняла Закон «Про доповнення ст. 18 Конституції Української РСР» у зв'язку із створенням Херсонської та Закарпатської областей. Перші вибори до Верховної Ради УРСР у Закарпатті були призначені на 9 лютого 1947 р. Зрозуміло, що і цього разу висування кандидатів, як і самі вибори, проходили на безальтернативній основі. Велика підготовча робота партійних, радянських та громадських організацій дала свої результати. Закарпатці на виборах до вищого органу державної влади республіки в переважній своїй більшості продемонстрували підтримку нової влади. На виборчі дільниці прийшли 99,97 % виборців (по республіці – 99,96 %). 98,58 % виборців віддали голоси за кандидатів «блоку комуністів і безпартійних»¹⁰. До парламенту республіки було обрано дев'ять чоловік: А. Білусяка, І. Дьомшина, С. Микуланиця, Г. Пінчука, І. Петрушака, Д. Поповича, Г. Селянчину, І. Туряницю, В. Черничка. Вони представляли партійні, радянські, профспілкові організації, робітничі і сільські колективи, армію.

Загалом вибори до Верховних Рад СРСР та УРСР, проведені в перші два роки на Закарпатті, показали підтримку радянського державного ладу з боку більшості населення. Хоча частина виборців ностальгічно згадувала місцеві (комунальні) чи загальнодержавні вибори 20-30-х рр., які проводилися в демократичних умовах багатопартійності, ставилася з острахом, недовірою, а часом і вороже до нової влади, її заходів у різних сферах суспільно-політичного життя.

Процес утвердження соціалістичного ладу на Закарпатті, на жаль, розпочався в умовах сталінського тоталітарного режиму.

Ядром радянської політичної системи, керівною і направляючою силою була Комуністична партія (ВКП(б)-КПРС), яка визначала діяльність державних (радянських), громадських і профспілкових, молодіжних, творчих і т. п. організацій.

У свій час комуністична організація Підкарпатської Русі (утворена у 1920 р.), яка у міжвоєнні роки за умов чехословацької політичної системи виступала опозиційно до влади, в роки угорської окупації як організатор антифашистської боротьби, а з листопада 1944 р. по грудень 1945 р. – як провідна політична організація в умовах перехідного періоду, була належно оцінена московським і київським політичним керівництвом. 15 грудня 1945 р. ЦК ВКП(б) прийняв рішення про можливість прийняти Комуністичну партію Закарпатської України до складу Всесоюзної Комуністичної партії (більшовиків) і перевести членів Комуністичної партії Закарпатської України у члени ВКП(б). Переведення членів з однієї партії в іншу, що почалося в другій половині 1945 р. і закінчилося в серпня 1946 р. перетворилося у справжню чистку сталінського зразка. Із 4 249 членів Комуністичної партії Закарпатської України квитки членів та кандидатів Всесоюзної Комуністичної партії (більшовиків) отримали лише 2 634, або 38 % усього складу колишньої організації закарпатських комуністів. Мотивація була різна¹¹.

Вищезгаданим рішенням від 15 грудня 1945 р. було створено Закарпатський обком КП(б)У, два міськоми – Ужгородський і Мукачівський та 13 окружкомів партії. Незабаром, 5 січня 1946 р., Політбюро ЦК КП(б)У затвердило бюро Закарпатського обкому партії, до складу якого увійшли І. Ваш, П. Варга, Д. Тараконич, Я. Карпенко, Г. Пінчук, І. Петрущак, М. Повзик, П. Супруненко. Отже, серед призначених у Києві членів бюро і обкому уродженців краю було лише половина. За такою пропорцією в лютому-березні 1946 р. відбулося формування міських та окружних комітетів партії. В організаційному зміцненні обласної парторганізації значну роль відіграла кампанія звітно-виборних зборів, проведених у першій половині 1946 р. у 546 первинних організаціях.

На порядку денному стояло питання кількісного зростання обласної парторганізації. Поповнення партійних рядів відбулося насамперед за рахунок закарпатських добровольців Червоної Армії, колишніх партизанів, учасників підпільної антифашистської боротьби. Результати підсумків даної кампанії було одержано 26 листопада 1946 р. на зборах обласного партійного активу, який розглядав питання «Про зростання партії і заходи по посиленню партійно-організаційної робо-

ти з тими, хто вступили до лав партії». Другим етапом стало направлення в область «досвідчених партійних і радянських працівників» із всього СРСР. За деякими даними протягом 1944-1946 рр. у Закарпаття прибуло 3 125 спеціалістів, серед них понад 500 комуністів¹². За їх участю було підготовлено і висунуто на керівну партійну, державну, господарську та громадську роботу понад тисячу чоловік з-поміж місцевого населення.

Першочергове значення надавалося зміцненню партійного про шарку у всіх сферах життя. Станом на 1 січня 1947 р. обласна організація комуністів налічувала 546 первинних, 11 кандидатських, 15 партійно-комсомольських груп, на обліку яких знаходилося 5 816 членів і кандидатів у члени ВКП(б). У сфері матеріального виробництва, в тому числі у промисловості, на транспорті, на підприємствах зв'язку, в кооперації, торгівлі налічувалося 125 первинних партійних організацій, в яких було 1120 комуністів, у 238 сільських територіальних парторганізаціях – близько двох тисяч¹³.

Очевидно, авторитет Комуністичної партії серед закарпатців у ті часи був невисокий. Про це свідчать дані, наведені першим секретарем обкому КП(б)У І. Компанцем на обласній партконференції у лютому 1948 р.: «За період з листопада 1946 року до цього часу прийнято в члени ВКП(б) 255 чоловік...» Хоча за цей період чисельність комуністів зросла майже втричі і складала 6,5 тисячі чоловік, зрозуміло, що за рахунок приїжджих кадрів¹⁴.

У вирішенні найважливіших питань життя провідну роль відігравали партійні організації, які зростали кількісно і загартовувались ідейно. За 1946-1950 рр. їх склад збільшився майже на три тисячі чоловік і становив 9 012 комуністів¹⁵, щоправда серед них корінних закарпатців налічувалося близько чотирьох тисяч чоловік, тобто менше половини обласної партійної організації.

Проведення організаторської та політичної роботи серед трудящих значною мірою залежало від теоретичної підготовки або, як тоді говорилося, марксистсько-ленінського загартування комуністів. З цією метою на початку 1948 р. в області працювали обласна радянсько-партійна школа, 15 вечірніх партшкіл, 109 політшкіл при первинних організаціях, 272 гуртки по вивченню «Короткого курсу ВКП(б)». При Ужгородському міськкомі партії діяв вечірній університет марксизму-ленінізму, де навчалося 280 комуністів, розпочав роботу постійно діючий семінар обласного партійного активу по вивченню праць класиків марксизму-ленінізму. У деяких округах були створені лекторії для інтелігенції та інші форми політичного навчання.

Немаловажну роль в ідейно-політичному вихованні трудящих відігравали партійні періодичні видання, кількість назв яких порівняно з 20-30-ми роками, набагато зменшилася, зате за своєю

спрямованістю вони «били в одну точку». Починаючи з 1946 р., обласні газети виходили українською – «Закарпатська правда» та 13 окружних газет, російською – «Закарпатская Украина» (пізніше «Советское Закарпатье») та угорською «Карпат Ігоз со». На угорську мову дублювалися також обласна молодіжна газета «Молодь Закарпаття» і дві окружні (ужгородська і берегівська). Всього в області видавалося 16 газет загальним тиражем 67 500 примірників¹⁶.

Як усі сфери життя, так і діяльність партійних організацій наймолодшої області була в полі зору союзних та республіканських політичних органів. Підраховано, що за роки четвертої п'ятирічки (1946-1950) з різних питань розвитку Закарпаття було прийнято чотири постанови ЦК ВКП(б) і дев'ятнадцять постанов ЦК КП(б)У¹⁷. Прийняття кожної з них неодмінно супроводжувалось критичною оцінкою та заходами посиленої допомоги, «організаційними висновками», тобто кадровими змінами, посиленням контролю.

Важлива роль покладалася на закарпатські профспілки. За рішенням Всесоюзної Центральної Ради профспілок (ВЦРПС СРСР), від 6 грудня 1945 р. професійні організації Закарпатської України були прийняті до складу радянських профспілок. За їх зразком протягом 1946 р. в області створено десять галузевих обкомів профспілок, окремо райком профспілки залізничників, відтак сформовано обласну раду профспілок. Мережа профспілкових організацій активно зростала. Якщо на період першого з'їзду профспілок Закарпатської України (21 січня 1945 р.) налічувалось 14 первинних організацій з 809 членами, то в 1950 р. кількість профорганізацій зросла до 1764, а їх членів – до 80 тисяч, що складало 90,3 % працюючих¹⁸. Навколо профорганізацій формувався актив, що налічував 32 440 членів фабрично-заводських комітетів, різних комісій, громадських контролерів. Головним у діяльності профспілок була організація соціалістичного змагання. Уже у 1946-1947 рр. у провідних галузях промисловості рухом було охоплено 70-77 % робітників¹⁹.

Радикально перебудовувалась діяльність молодіжних організацій, насамперед комсомолу. Союз молоді Закарпатської України виник як широка і відкрита молодіжна організація, до якої горнулася молодь різних ідейно-політичних орієнтацій, що виступала за возз'єднання з Україною. Були тут колишні члени Спілки працюючої молоді, близькі до компартії, українські пластуни, русофільські скаути, навіть члени греко-католицької християнської організації²⁰. На час проведення першої обласної комсомольської конференції, яка відбулася 5-6 жовтня 1946 р., було завершено обмін членських квитків, створення комсомольських організацій та їх керівних органів. На 1 січня 1947 р. в області налічувалося 8 781 член комсомолу, діяла 701 первинна організація²¹.

Як свідчили ветерани молодіжного руху, в обласній комсомольській організації замість живої організаційно-виховної роботи дедали більше енергії витрачалося на проведення різних зборів, засідань бюро, комітетів, конференцій, складання резолюцій, постанов, на формально-бюрократичну писанину. Проте комсомол розширював свої ряди. Про зростання комсомольських організацій свідчать такі дані: з 1946 р. по 1950 р. кількість членів ВЛКСМ зросла майже в чотири рази – з 8 771 до 32 393²². Посилювався вплив комсомольських організацій на різні категорії молоді, їх залучали до всіх політичних заходів. На долю закарпатського комсомолу перших радянських років випало направлення молоді на відбудову шахт у Донбасі, промислових підприємств, залізниць, мостів, а згодом – у новостворені колгоспи. У гірських районах молодь залучалася до озброєних груп самозахисту від «бандерівців та їх місцевих пособників»²³.

В активізації суспільно-політичного життя важлива роль відводилася роботі серед жінок, яка вже мала власні традиції, бо ще в дорадянські роки крайова комуністична організація проводила активну організаційну роботу серед жінок. З перших радянських років на підприємствах, в установах, селах створювалися жінради з досить широким активом, в обов'язки яких входило розв'язання питань культурно-побутового, оздоровчого, шкільного життя. На селі жінради залучалися до роботи в земельних, кооперативно-торговельних та інших організаціях. Вони брали на себе почесні, але й нелегкі завдання «боротьби за ліквідацію політичної і культурної відсталості жінок, залучення їх до соціалістичного будівництва»²⁴. Як розгортався жіночий рух, вірніше, як зростала кількість жіночих організацій у ті повоєнні роки, свідчать такі порівняння: якщо в квітні 1946 р. в області діяло 169 делегатських зборів, 180 жінрад, у яких нараховувалося 3 425 жінок-делегаток, то влітку 1949 р. вже працювало 596 делегатських зборів, 630 жінрад (1 528 жінок-делегаток)²⁵.

Суспільно-політичне та громадське життя наповнювалося виникненням і діяльністю зовсім нових, раніше не відомих організацій, таких, як Добровільне товариство сприяння армії, авіації і флоту (ДТСААФ), Асовіахім, різні спортивні об'єднання, творчі спілки та ін. Усі вони, як зазначали дослідники, полегшували зв'язок партії з масами, сприяли вихованню їх «у душі соціалістичної свідомості»²⁶.

Визначальним чинником утвердження нового суспільно-політичного ладу була зміна форми власності, її усупільнення, одержавлення. Розпочата Народною Радою Закарпатської України націоналізація промисловості, транспорту, зв'язку і т. п. продовжувалася і в першому радянському році. 13 серпня 1946 р. були ліквідовані Підкарпатський банк, Ужгородський торговельний банк, Поужансь-

кий банк, Берегово-Марамороський банк, Людовий (народний) банк, три відділення Об'єднаного гірсько-угорського банку, відділення Словенського загально-кредитного банку та ін.²⁷. Замість них запроваджувався єдиний державний банк в обласному центрі і його філіали в районах.

Оскільки край був аграрним, головні події з «ліквідації феодално-кріпосницьких пережитків» розгорнулися в процесі колективізації краю²⁸.

Закарпаття в найкоротші строки пройти весь нелегкий шлях побудови соціалізму. 1946 р. пройшов під знаком пропаганди і практичного запровадження «Закону про п'ятирічний план відбудови і розвитку народного господарства СРСР на 1946-1950 роки». Для реалізації цього плану в області в перший рік першої п'ятирічки було затрачено 9,4 мільйона карбованців, а всього за п'ятирічку – 60 мільйонів²⁹. Такі капіталовкладення обумовили початок динамічного розвитку промисловості, почала поступово вирішуватися проблема зайнятості населення.

На освітньо-культурній ниві за радянською системою навчання відкривалися школи – початкові, семирічні та середні. У першому 1946/47 н.р. була створена така мережа шкіл: 607 – початкових, 184 – семирічних, 31 – середня, до яких було залучено 122 474 учні, тобто в десять разів більше, ніж в 1943/44 н. р. Кількість середніх шкіл (колишніх гімназій) зросла з семи до тридцяти однієї. До них було залучено в 4,6 раза більше молоді, ніж у дорадянські роки³⁰. Навчання велося українською, російською, румунською та (в одній школі) словацькою мовами. Кількість шкіл (денних, вечірніх, заочних) дедалі збільшувалась. Розпочав навчальну та науково-дослідну роботу Ужгородський державний університет, створювалася мережа культурно-освітніх закладів, починаючи від хат-читалень у присілках, сільських клубів до окружних будинків культури, бібліотек, розгорталися стаціонарна і пересувна кінофікація, проводове мовлення (радіомережа). Хоча культурно-освітні заклади розташовувалися здебільшого у непристосованих спорудах, але функції свої виконували.

Свої перші кроки робили заклади охорони здоров'я, відкривалися санаторії, медичний факультет УжДУ прийняв перших студентів, закарпатські спортсмени вийшли на республіканські і союзні рубежі. Інтенсивно розгорталася всеохоплююча мережа партійно-політичної освіти, почали формуватися творчі спілки письменників, художників, журналістів, лекторських бюро, здійснювалася переорієнтація роботи книжкових видавництв тощо.

Цілком очевидно, що, ступивши на шлях соціалістичного (радянського типу) розвитку, наймолодша область могла з успіхом використати загальні (загальнорадянські, загальноукраїнські) позитивні надбання з оптимальним врахуванням особливостей свого історичного, геополітичного, етнокультурного розвитку. У деяких сферах життя такий підхід витримувався. Однак далось взнаки прагнення Центру за будьяку ціну форсувати процес радянзації краю, знівелювати його з іншими регіонами республіки в питаннях господарського, культурно-освітнього й особливо духовного розвитку без врахування історико-культурних, етнонаціональних, релігійних та інших особливостей.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ ТА ЛІТЕРАТУРИ

1. *Гранчак І.М., Пон І.І.* Закарпаття в чехословацько-радянських відносинах періоду Другої світової війни // Карпатика. Вип. 2. Ужгород, 1993. С.223-236; *Макара М.П.* Закарпатська Україна: шлях до возз'єднання, досвід розвитку (жовтень 1944 - січень 1946 рр.). Ужгород, 1995. 108 с. *Макара М.П.* Встановлення на Закарпатті радянської політичної системи. Формування органів влади на місцях. Вибори до Верховних Рад СРСР та УРСР // Нариси історії Закарпаття Т.ІІІ. (1946-1991) / Кер. авторського колективу М.М.Болдижар. Ужгород: Госпрозрахунковий редакційно-виданичий відділ Закарпатського обласного управління по пресі, 2003. С. 35-43; *Пон І.* Советская украинизация и ее последствия // Энциклопедия Подкарпатской Руси / Карпаторусский этнологический исследовательский центр США. Ужгород: Изд-во В. Падяка, 2001. С. 48-54.

2. *Офіцинський Р.* Превентивна радянська Закарпатської України (осінь 1944 р. – весна 1945 р.) // Закарпатська Україна: перспективи та реалії розвитку. Матеріали Всеукраїнської наукової конференції, присвяченої 65-й річниці возз'єднання Закарпатської України з Радянською Україною (Ужгород, 24 червня 2010 р.). Ужгород: Видавництво «ТІМПАНИ», 2010. С. 108-110.

3. Шляхом Жовтня. Визволення Радянською Армією Закарпатської України і возз'єднання її з Радянською Україною. Збірник документів. Т. VI. VIII-1944 р. - I-1946 р. Ужгород: Карпати, 1965. С. 376.

4. Закарпатська область. Адміністративно-територіальний поділ. – Видання третє. Ужгород. 1996. С. 63-67.

5. Молодь України. 1994. 3 листопада.

6. Остання вулиця України // Старий замок. 1998. 20 серпня.

7. *Макара М.П.* Сільрада не заперечує... // Закарпатська правда. 1988. 26 січня.

8. Народ Закарпаття голосує за кандидатів непорушного блоку комуністів і безпартійних // Закарпатська правда. 1946. 10 лютого. С. 6.

9. Нариси історії Закарпатської обласної партійної організації. Ужгород, 1980. С. 151.

10. *Макара М.П.* Встановлення на Закарпатті радянської політичної системи. С. 40.
11. Там же. С. 43.
12. Нариси історії Закарпатської обласної партійної організації. С. 150.
13. Там же. С. 151.
14. *Лемак В.* Колективізація на Закарпатті: як це було // *Новини Закарпаття.* 1993. 6 травня.
15. *Кірсанова О. А.* До питання про суспільно-політичне життя на Закарпатті в роки соціалістичних перетворень (1946-1950 рр.) // Великий Жовтень і розквіт возз'єднаного Закарпаття. Матеріали наукової сесії, присвяченої 50-річчю ВЖСР (29 червня – 2 липня 1967 р.). Ужгород, 1970. С. 396.
16. *Макара М.П.* Встановлення на Закарпатті радянської політичної системи. С. 47.
17. *Бахматова Л.М.* Діяльність Закарпатської партійної організації з політичного виховання жінок-селянок (1945-1950 рр.) // Великий Жовтень і розквіт возз'єднаного Закарпаття: матеріали наук. сесії, присвяченої 50-річчю Великої Жовтневої соціалістичної революції, 29 червня – 2 липня 1967 р. Ужгород: Карпати, 1970. С. 434-444.
18. *Кірсанова О.А.* До питання про суспільно-політичне життя на Закарпатті в роки соціалістичних перетворень. С. 400-401.
19. Весна відродженого краю. Ужгород, 1974. С. 127.
20. *Бабидорич М.* Відшуміли, братці, відшуміли ... / До 50-річчя з'їзду Молоді Закарпатської України // *Закарпатська правда.* 1994. 17 грудня. С. 1-2.
21. Нариси історії Закарпатської обласної партійної організації. С. 153.
22. Державний архів Закарпатської області (далі – ДАЗО), Ф. 93: Закарпатський обком ЛКСМУ. Оп. 2. Спр. 28. Арк. 15.
23. *Кірсанова О. А.* До питання про суспільно-політичне життя на Закарпатті в роки соціалістичних перетворень. С. 404.
24. *Бахматова Л.М.* Діяльність Закарпатської партійної організації з політичного виховання жінок-селянок (1945-1950 рр.) // Великий Жовтень і розквіт возз'єднаного Закарпаття: Матеріали наук. сесії, присвяченої 50-річчю Великої Жовтневої соціалістичної революції, 29 червня – 2 липня 1967 р. Ужгород: Карпати, 1970. С. 437.
25. *Макара М.П.* Встановлення на Закарпатті радянської політичної системи. С. 50.
26. *Кірсанова О.А.* До питання про суспільно-політичне життя на Закарпатті в роки соціалістичних перетворень. С. 405.
27. ДАЗО. Ф. Р 195. Закарпатський обласний виконавчий комітет. Оп. 14. Спр. 42. Арк. 17.
28. Детальніше див: *Мищанин В.В.* Аграрна політика на Закарпатті (1944-1950 рр.). Ужгород: Закарпаття, 2000. 138 с.
29. *Льницький Ю.* Двадцять радянських років. Ужгород: Карпати, 1965. С. 28.
30. *Макара М.П.* Встановлення на Закарпатті радянської політичної системи. С. 59.

Юрій ДАНИЛЕЦЬ

ПРАВОСЛАВНА ЦЕРКВА В УМОВАХ ПЕРШОГО РОКУ РАДЯНСЬКОЇ ВЛАДИ НА ЗАКАРПАТТІ (1944-1945 РР.).

Розвиток православної церкви на Закарпатті у першій половині ХХ ст. тісно переплітався з історією Сербської (далі СПЦ), Константинопольської, Російської (далі РПЦ) церков. Вивчення православної церкви на Закарпатті важливе також із-за того фактору, що до 1945 р. ця територія входила до складу іноземних держав: Угорщини, Австро-Угорщини, Чехословаччини. Політика урядів цих країн щодо православ'я, безперечно, відрізнялася.

Необхідно зауважити, що незважаючи на важливість досліджуваної проблеми та її актуальність у зв'язку з новою можливістю вивчення архівів, тема діяльності православної церкви в Закарпатській Україні залишається малодослідженою. На теперішній час відсутні окремі наукові статті або монографічні видання, де розглядалася б окреслена нами проблема. Однак, деякі автори розглядаючи питання соціально-економічного, політичного та конфесійного життя Закарпаття частково торкалися цієї теми. Серед них слід відзначити праці церковних істориків ігумена Гавриїла (Кризини)¹, священника Ласло Пушкаша². Окремі аспекти досліджуваної проблеми відображені в публікаціях істориків Миколи Макари³, Богдана Боцюрківа⁴, Володимира Пашенка⁵, Володимира Фенича⁶.

У даному повідомленні автор поставив перед собою ряд завдань. Зокрема, розкрити політику уряду Закарпатської України щодо православних; показати вплив офіційної політики нової влади на становище православної і греко-католицьких церков.

Православне духовенство, на відміну від греко-католицького, висловлювало свою лояльність до нової влади. 26 листопада 1944 р. відбувся перший з'їзд народних комітетів у Мукачеві, що прийняв Маніфест про возз'єднання Закарпаття з Україною. З'їзд обрав вищий орган державної влади – Народну Раду Закарпатської України (НРЗУ) у складі 17 чоловік⁷. Священники православної церкви брали участь у роботі народних комітетів, були делегатами Першого з'їзду й підписалися під Маніфестом.

У доповіді начальника політуправління 4-го Українського фронту Михайла Проніна вказувалося, що з приходом Червоної армії свяще-

ники православної церкви прийняли активну участь у возз'єдначому рухові⁸. Чимало представників православного духовенства було обрано до сільських та окружних органів влади. Секретар єпархіального управління протоієрей Іван Кополович був обраний членом НРЗУ та очолював «комісію по розслідуванню звірств окупантів»⁹. Таким чином, влада Закарпатської України, підтримувана військовим керівництвом 4-го Українського фронту, стала відкрито підтримувати православну церкву. Однією із причин цього явища було також те, що греко-католицька церква на чолі з єпископом Теодором (Ромжею) зайняла нейтральну позицію до нової влади.

За свідченням о. Л. Пушкаша, на початку грудня 1944 р. в околицях Хуста, де більшість населення перейшла з греко-католицизму в православ'я, православні, з допомогою червоноармійців, займали греко-католицькі церкви, а священників разом з їхніми сім'ями викидали на вулицю з парафіяльних будинків. Такі події дійсно мали місце в Нижньому Селищі, Липчі, Нанкові, Лисичові, Вучковому, Олександрівці, Кошельові, Кушниці, Крайникові, Новобарові, Терєблі, Вільхівцях. Як наслідок на початку 1945 р. до православних перейшли церкви в таких населених пунктах: Вишні Ясіня-Струків, Горінчово, Завидово, Червенево, Канора, Крива, Чумальово, Луково, Нижній Бистрий, Широкий Луг, Калини. Православні відібрали у греко-католиків також церкви і парафіяльний будинок у Бедевлі¹¹. Внаслідок цілеспрямованої політики місцевої влади наприкінці 1945 р. до складу православної єпархії влилося понад 60 греко-католицьких громад¹².

У архівних збірнях Державного архівував Закарпатської області (ДАЗО) виявлено ряд листів представників Мукачівсько-Пряшівської єпархії до керівництва НРЗУ, які свідчать про їх тісну співпрацю. 25 січня 1945 р. єпархіальне управління Мукачево-Пряшівської православної єпархії звернулося до НРЗУ з проханням надати православному духовенству позачергову грошову допомогу в розмірі 42 500 пенге (угорська валюта)¹³. Після переконливих слів лояльності, що були висловлені у листі, 16 березня 1945 р. НРЗУ виділила єпархіальному управлінню православної церкви грошову субвенцію в розмірі 35 000 пенге¹⁴.

У 1945 р. НРЗУ видала ряд декретів та постанов, які регулювали релігійні відносини. 5 квітня 1945 р. було прийнято постанову НРЗУ «Про вільну зміну релігії», згідно якої «кожному повнолітньому громадянину Закарпатської України надавалося право вільно змінити свою релігію або вийти з числа віруючих зовсім і залишитися без віросповідання»¹⁵. На думку В. Фенича, названа постанова та декрети НРЗУ «Про користування церковним майном» та «Про здер-

жавлення школи» від 20 квітня 1945 р. були спрямовані проти греко-католицької церкви¹⁶. Декрет НРЗУ «Про користування церковним майном» передавав все рухоме й нерухоме церковне майно із розпорядження єпархій до окремих церковних громад. «При вирішенні питань про долю церковного майна мають брати участь і ті громадяни, які раніше належали до церковної общини, але перейшли до другої релігії, або вийшли із числа вірників»¹⁷. Декрет про відокремлення школи від церкви призвів до ліквідації всіх церковних шкіл, з учительських посад були звільнені всі дяковчителі і жінки священників; усім учителям було заборонено ходити до церкви; у школах було заборонено навчання катехізису та молитов¹⁸. Значний вплив на фінансове становище церкви, особливо греко-католицької, мав декрет НРЗУ «Про скасування патронатних обов'язків» від 20 квітня 1945 р.¹⁹.

20 квітня 1945 р. було прийнято ще один декрет – «Про утворення управління в справах культів». Декрет мав наступні положення: 1) При Народній Раді Закарпатської України утворювалося управління в справах культів на правах ресорту (відділу); 2) Начальника управління в справах культів призначала НРЗУ, а інших службовців управління призначав голова НРЗУ за поданням начальника управління в справах культів. Начальник та інші службовці управління в справах культів оголошувалися державними службовцями. В своїй діяльності начальник управління в справах культів підпорядковувався НРЗУ. 3) До компетенції управління в справах культів належали всі справи церковні та релігійні, включно упорядкування справ про майно церковних (релігійних) общин та вирішення майнових спорів між ними на території Закарпатської України. 4) Начальник президіяльного відділу НРЗУ разом з начальником управління в справах культів зобов'язувався опрацювати і представити Народній Раді на затвердження установчі документи організації і штати управління в справах культів²⁰. Уповноваженим у справах культів було призначено Петра Лінтура.

23 травня 1945 р. НРЗУ прийняла постанову «Про похорони та користування кладовищами». Вказувалося, що представники церковної громади можуть відмовити в похованні померлого, який не був їх вірником, тільки в тих випадках, коли в селі знаходиться сільське кладовище, або кладовище тої церкви, до якої належав померлий²¹. Ця постанова, на нашу думку, мала позитивне значення. 25 липня 1945 р. НРЗУ прийняла постанову «Про відміну вживання назви "греко-восточний" і затвердження правильної назви "православний" та про дійсність заяв про зміну релігії, поданих за чехословацького та мадярського режиму»²².

У 1944-1945 рр. в Закарпатській Україні поновилася релігійна боротьба між православними та греко-католицькими вірниками за

храми та церковне майно. У протоколі засідання голів сільських народних комітетів та сільських секретарів Мукачівського округу від 26 січня 1945 р. вказувалося, що «уніати і православні межі собою ведуть роздори і перебирають один від другого церковні маетки»²³. Збори прийняли рішення не допускати майнових конфліктів між представниками різних релігійних культур та керуватися постанови та декретами НРЗУ.

Спостерігався також добровільний перехід до православної церкви представників інших релігійних вірувань. Так, 29 грудня 1944 р. до окружного народного комітету в Хусті надійшли звернення про перехід у православ'я від жителів Велятина Г. Іліяша та З. Буреха. Названі особи висловлювали бажання покинути єврейське віросповідання та змінити свої прізвища²⁴. 6 лютого 1945 р. настоятель православної церкви у Велятині ієромонах Дорофей (Філіп), повідомив окружний народний комітет у Хусті, що до нього у питанні зміни релігії зверталися греко-католики П. Дем'ян та І. Тарканій²⁵.

Однак, виконання постанов НРЗУ щодо релігійних культур реалізовувалися не завжди з дотриманням законодавства, зустрічалися ряд зловживань з боку обласного та окружного керівництва. На думку істориків о. Л. Пушкаша та В. Фенича, голова управління у справах культур П. Лінтур упереджено ставився до греко-католицької церкви та робив все можливе, щоб послабити її вплив. Вони стверджують, що у селах збирали підписи про виділення земельних наділів, а потім дописували на них прохання про перехід у православ'я²⁶. У такий спосіб від греко-католиків були відібрані церкви у сс. Ярок, Тросник, Ільниця, Осій, Сокирниця, Нересниця, Ракошино, Стеблівка²⁷. Нам не вдалося виявити архівні матеріали, які б могли спростувати або підтвердити вищенаведену гіпотезу.

Про планомірний наступ на греко-католицьку церкву свідчать доповідні записки П. Лінтура від під назвою «Опасность роста католической агитации в Закарпатской Украине» (26 вересня 1945 р.) та «Положение церквей в Закарпатской области» (травень 1946 р.). У першому документі П. Лінтур писав про нібито антинародну діяльність греко-католицьких вірників у селах Білки, Стеблівка, Богдан, Старе Давидково. У Стеблівці, наприклад, група уніатських вірників силою відібрала від православного священика ключі від церкви, у Богдані православному священику було кинуте у будинок гранату²⁸. П. Лінтур наголошував, що голови окружних народних комітетів в Хусті (Сикура), в Мукачеві (Ледней), в Рахові (Штефанець) негативно ставляться до православних і підпільно підтримують греко-католиків²⁹. У другому документі він вказує, що перехід на Закарпатті у православ'я призупинився. Причиною цього явища, на думку П. Лінтура, була

підпільна діяльність греко-католицької церкви, яку підтримували декотрі державні органи³⁰. «Неправильну роботу щодо православної церкви проводили окремі сільські народні комітети. Наприклад, у с. Горінчево Хустського району в жовтні 1945 р. місцевий народний комітет примусово відібрав приходський будинок від православного священика. Після проведення перевірки виявилось, що у цьому не було жодної потреби, так як школа і сільська рада повністю забезпечені приміщеннями».

П. Лінтур стверджував, що причиною незаконних дій народного комітету був вплив боротьби греко-католицького та православного населення в селі³¹. У січні 1946 р. за рішенням сільського народного комітету православний священик знову був змушений залишити церковний будинок, який передали працівникам лісового управління³².

Згідно декрету НРЗУ за №54/1945 церква в с. Данилово Хустського району була передана від греко-католиків православної громаді. У відповідь на це, Хустський окружний народний комітет прийняв рішення від 11 травня 1945 р. за №2819/1945, за яким заборонив сільській владі в Данилові виселяти з церковного будинку греко-католицького священика³³. Аналогічна ситуація з греко-католицьким майном склалася в селах Липча, Велятино, Стеблівка Хустського району. Всю вину за ігнорування політики уряду П. Лінтур покладав на голову Хустського ОНК Юрія Сикуру³⁴. У висновках до доповідної записки П. Лінтур стверджував, що для того, щоб відновити перехід у православ'я, необхідно вжити надзвичайні заходи. Він вимагав «... негайно вилучити від уніатської церкви церковні землі і розподілити їх між населенням, щоб цим кроком підірвати її господарську базу; вжити різких заходів проти деяких партійних керівників та працівників комітетів, які проводять злочинну діяльність; вжити рішучі заходи проти греко-католицької єпархії і уніатського духовенства, яка продовжує проводити підривну роботу, спрямовану проти Радянської держави, заборонити агітацію проти православної церкви...»³⁵.

22 листопада 1945 р. радянсько-чехословацький договір про Закарпатську Україну був ратифікований тимчасовими зборами ЧСР, а 27 листопада – Президією Верховної Ради СРСР. Указом Президії Верховної Ради СРСР від 22 січня 1946 р. у складі УРСР була утворена Закарпатська область³⁶.

У доповідній записці від 7 лютого 1946 р. на ім'я уповноваженого ради по справам православної церкви при Раді Міністрів СРСР по УРСР П. Ходченка, уповноважений ради по справам православної церкви при Раді Міністрів СРСР по Закарпатській області П. Лінтура вказувалося, що в області діяло 135 православних приходів, 136 священиків, 4 чоловічих і 3 жіночих монастирів та 5 чоловічих і 6

жіночих скитів³⁷. Загальна кількість вірників складала 142 000 чол.³⁸. Вже через чотири місяці, 20 травня 1946 р., заступник уповноваженого ради по справам православної церкви при Раді Міністрів СРСР по УРСР Г. Катутін у звіті вказував, що в Закарпатській області діяло 152 православні громади. У цих громадах служив 141 священник, з того числа лише троє закінчили вищі теологічні студії, а двадцять чотири – духовні семінарії³⁹. Він помилково стверджував, що 114 священиків взагалі не мали жодної богословської освіти, а 59 із них закінчили лише початкову чотирикласну школу⁴⁰. Всі священники Мукачівсько-Пряшівської православної єпархії навчалися на пастирсько-богословських курсах, що проводилися у 1933 р., 1935 р., 1937 р. під керівництвом сербських богословів⁴¹.

29 червня 1945 р. між урядами ЧСР та СРСР був підписаний договір про Закарпатську Україну, який передбачав включення Закарпаття до складу Української РСР⁴².

Після визволення Закарпаття православна церква розвивалася у руслі входження під юрисдикцію РПЦ. Офіційна церковна політика НРЗУ, що складалася переважно з місцевих комуністів, була направлена на обмеження греко-католицької церкви та фаворитизацію православ'я. Однак, ні місцеве керівництво, ні церковна влада не могли проводити самостійну політику і контролювалися радянськими військовими 4-го Українського фронту.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ ТА ЛІТЕРАТУРИ:

1. *Гавриш (Кризина), игумен*. Православная церковь на Закарпатье (век XX). К., 1999. 200 с.
2. *Пушкаш Л., о.* Кир Теодор Ромжа: життя і смерть. – Львів: Ін-т Історії Церкви Львівської Богословської Академії, 2001. 244 с.
3. *Макара М.* Закарпатська Україна: шлях до возз'єднання, досвід розвитку (жовтень 1944 – січень 1946 рр.). Ужгород, 1995. 108 с.
4. *Боцюрків Б.* Українська Греко-Католицька Церква і Радянська держава (1939-1950) / переклад з англійської Наталії Кочан, за редакцією Олега Турія. – Львів: Видавництво Українського Католицького Університету, 2005. 268 с.
5. *Пащенко В.* Ліквідація греко-католицької церкви в Закарпатті мовою фактів // Філософські обрії. 2002. № 7. С. 223-244.
6. *Фенич В.* Греко-католики, православні і влада на Закарпатті (осінь 1944 – зима 1946 рр.) // Carpatica-Карпатика. Вип. 35. Європейські цінності та конфесійно-національна ідентичність населення Українських Карпат, 2006. С. 232-246.
7. *Макара М.* Закарпатська Україна. С. 33.
8. Із доповіді начальника політуправління 4-го Українського фронту генерал-лейтенанта М.М. Проніна начальнику Головного політуправління

Червоної армії // Возз'єднання: Збірник архівних документів та матеріалів (травень 1944 – січень 1946 рр.) / Упор. та передмова О.Д. Довганича, А.М. Шекети; ред. колегія В.І. Балога, М.В. Делеган, О.Д. Довганич та ін. Ужгород: Закарпаття, 1999. С. 230.

9. *Фенич В.* Греко-католики, православні і влада на Закарпатті. С. 233.
10. *Пушкаш Л., о.* Кир Теодор Ромжа: життя і смерть. С. 87.
11. Там же. С. 89.
12. *Пащенко В.* Ліквідація греко-католицької церкви в Закарпатті мовою фактів. С. 225.
13. Державний архів Закарпатської області (далі ДАЗО). Ф. Р 14. Оп. 1. Спр. 665. Арк. 3.
14. Там же. Арк. 10.
15. Вісник НРЗУ. 1945. 15 квітня. С. 90.
16. *Фенич В.* Греко-католики, православні і влада на Закарпатті. С. 236.
17. Вісник НРЗУ. 1945. 1 травня. С. 113.
18. *Фенич В.* Греко-католики, православні і влада на Закарпатті. С. 237.
19. ДАЗО. Ф. Р 14. Оп. 1. Спр. 658. Арк. 6.
20. ДАЗО. Ф. Р 14. Оп. 1. Спр. 657. Арк. 4.
21. Вісник НРЗУ. 1945. 1 травня. С. 120.
22. ДАЗО. Ф. Р 14. Оп. 1. Спр. 661. Арк. 4.
23. ДАЗО. Ф. Р 377. Оп. 1. Спр. 4. Арк. 7.
24. ДАЗО. Ф. Р 108. Хустський окружний народний комітет, м.Хуст. Оп. 1. Спр. 16. Арк 4; 6.
25. ДАЗО. Ф. Р 108. Хустський окружний народний комітет, м. Хуст. Оп. 1. Спр. 71. Арк 5-6.
26. *Пушкаш Л., о.* Кир Теодор Ромжа. С. 90; *Фенич В.* Греко-католики, православні і влада на Закарпатті. С. 236.
27. *Пушкаш Л., о.* Кир Теодор Ромжа. С. 90.
28. ДАЗО. Ф. Р 14. Оп. 1. Спр. 662. Арк. 1.
29. Там же. Арк. 2.
30. ДАЗО. Ф. Р 544. Оп. 2. Спр. 1. Арк. 3.
31. Там же. Арк. 4.
32. Там же.
33. Там же. Арк. 5.
34. Там же.
35. Там же. Арк. 8.
36. *Макара М.* Закарпатська Україна. С. 51.
37. ДАЗО. Ф. Р 544. Оп. 2. Спр. 2. Арк. 1.
38. Там же. Арк. 2.
39. *Боцюрків Б.* Українська Греко-Католицька Церква і Радянська держава. С. 191.
40. Там же.
41. *Гавришл (Кризина), игумен.* Православная церковь на Закарпатье (век XX). С. 71.
42. *Болдижар М., Болдижар С.* Державність на Закарпатті. Події, факти, оцінки. Ужгород, 2003. С. 76.

Михаил ЮРАСОВ

К ВОПРОСУ О ДАТЕ КРЕЩЕНИЯ ПРЕДКОВ РУСИНОВ СВ. МЕФОДИЕМ

Мне уже приходилось писать в международном историческом журнале «Русин» о том, какие косвенные данные позволяют высказать предположение, что предки русинского народа, скорее всего, были крещены св. Мефодием или его учениками¹. Хотя в названии той моей статьи есть словосочетание «новые данные», правильнее было бы назвать их «хорошо забытыми старыми», поскольку уже в XIX в. польские и чешские историки поставили проблему достоверности известий средневековых источников о распространении власти великоморавского князя Святоплука I (870–894), в том числе на часть русов, а также о существовании в X в. в Чехии групп христиан «русского обряда», сведения о которых привлекались мной при написании вышеупомянутой статьи. Некоторые из этих данных привел в своей статье, опубликованной в № 4 (18) журнала «Русин» за 2009 г., Д.И. Поп².

Не так давно в научный оборот были введены действительно новые данные о времени крещения одной из групп русов, которые поставили перед исследователями проблему локализации этой этнической группы. Согласно установившейся историографической традиции, рассматривать в качестве вероятного ареала проживания части русского населения, первой принявшей Христову веру, бассейн Верхней Тисы или Карпато-Дунайский регион никто не решился, а Среднее Поднепровье как раз в то время переживало эпоху расцвета славянского язычества.

Речь в данном случае идет о «вновь обнаруженной» П. Шрайнером византийской рукописи, получившей условное название cod. Par. gr. 2303³. Хотя сама по себе эта рукопись была составлена во второй половине XV в.⁴, она сохранила следы точного цитирования более раннего текста, относящегося ко времени не позднее X в. Причем как раз написание этника «русь» и выявляет эти следы.

Информация рассматриваемой рукописи о крещении «народа рос» крайне скупа и составляет всего лишь одну фразу на листе 5 об. Привожу ее полностью по статье П. Шрайнера:

Ἐπὶ τῆς βασιλεί[ας] Βασιλείου τοῦ Μακεδώνος περὶ τὸ 5τῆς ἔτος τὸ γένος τῶν Ῥῶς ἐβαπτίσθη.

(«в правление Василия Македонянина, в 6390 г., был крещен народ Русь»)⁵. В связи с тем, что в раннесредневековой Византии употребля-

лись разные системы счета лет, время крещения части древних русов, согласно цитированной рукописи, следует датировать либо между 1 сентября 881 г. – 31 августа 882 г. (византийская эра), либо между 1 сентября 897 г. – 31 августа 898 г. (александрийская эра). Вторая дата должна быть отклонена, поскольку Василий I умер в 886 г., на что указал П. Шрайнер⁶. К этому следует добавить, что и в случае перевода 6390 г. из антиохийской эры на современное летосчисление получается период между 1 сентября 889 г. – 31 августа 890 г., что также выходит за хронологические рамки правления Василия I.

П. Шрайнер обратил внимание на форму написания этника, обозначающего народ, который был приобщен к Христовой вере в 881/882 гг. В эпоху Константина Багрянородного (первая половина X в.) в византийской литературе закрепились формы $\rho\omega\varsigma$ – с обложенным ударением, но в более ранних текстах ударение в этом слове было острым (в словарной форме) или тупым (в предложениях, если это слово не было последним). В приведенном отрывке этникон «рос» имеет тупое ударение, что свидетельствует о древности первоисточника, из которого была скопирована эта фраза.

Таким образом, вряд ли стоит сомневаться в том, что в рассматриваемой парижской рукописи до нас дошло свидетельство современника описываемых событий, а значит, мы должны признать факт крещения в 881/882 гг. какой-то группы не просто восточных славян, а тех, на которых уже в то время распространялся этноним «русь». Согласно господствовавшей в советской и сохранившей свои позиции в современной российской исторической науке концепции М.Н. Тихомирова – А.Н. Насонова о границах Русской земли («в узком смысле»), применительно к IX в. можно говорить о распространении этнонима «русь» лишь на жителей Среднего Поднепровья, а в географическом отношении – на территории будущих Киевского, Черниговского и Переяславского княжеств⁷.

Если признать это утверждение единственно возможным, то свидетельство парижской рукописи *cod. Par. gr. 2303* не находит никаких параллелей с известиями русских летописей и других дошедших до нас письменных источников. Хотя само по себе начало распространения христианства на русские земли датируется исследователями временем после набега «народа рос» на Константинополь 860 г.⁸, у нас нет никаких данных о том, что какая-то часть Руси была крещена до времени правления в Киеве Владимира Святославича (978/80–1015). Вряд ли подлежит сомнению факт пребывания в Южной Руси в последней трети IX в. христианских миссионеров, присланных из Византии, однако результаты их деятельности были весьма скромными. В лучшем случае им удавалось крестить часть знати отдельных племен, но говорить о

крещении большой этнической группы, проживавшей на территории Русской земли «в узком смысле», у нас нет никаких оснований.

О том, что какая-то часть «народа рос» была крещена в царствование Василия I Македонянина (867–886), свидетельствуют (без указания точной даты) собрание хроник Иоанна Скилицы (после 1040 – после 1100)⁹, а также хроника Продолжателя Феофана¹⁰. Исследователи датируют эти свидетельства временем ок. 874 г.¹¹ Впрочем, об этом знали и русские книжники XVI в., составители «Хронографа западнорусской редакции 1512 г.» и Никоновской летописи, «тексты которых почти идентичны»¹².

Если мы вспомним известные нам факты древнерусской истории рубежа 70–80-х гг. IX в., то, согласно весьма приблизительной хронологии «Повести временных лет», как раз в 6390 г. состоялся знаменитый поход Олега из Новгорода вдоль пути «из варяг в греки», результатом которого стали убийство княживших в Киеве Аскольда и Дира и объявление Олегом Киева «матерью городов русских», т. е. новым политическим центром Древней Руси. При этом летописное прозвище Олега – Вещий – и характер сохранившейся летописной информации о нем делают невозможным выдвижение гипотезы о том, что в 6390 г. (который, при переводе древнерусского летосчисления на современное, соответствует 882/3 г.) были крещены русы, жившие в Среднем Поднепровье.

Вышеназванные летописные источники XVI в. содержат сказание о том, что первыми из киевских князей приняли Христову веру Аскольд и Дир. Казалось бы, эта версия вполне соотносится с рассматриваемым известием парижской рукописи, однако ни П. Шрайнер, ни М. В. Бибииков, анализирувавшие это свидетельство, не подкрепляют его ссылками на летописный рассказ о крещении Аскольда и Дира, поскольку он выглядит явным сочинением книжников XVI в.

Советские исследователи связывали первые попытки крещения Руси с набегами полянских (киевских) князей на Византию. По мнению Б. А. Рыбакова, таких походов было три: в 860, 866 и 874 гг. Хотя сам академик выражался очень осторожно, называя свои датировки предположительными¹³, О. М. Рапов заявил о том, что «Б. А. Рыбакову удалось неопровержимо доказать», что русы предприняли именно в эти годы три крупных похода на Византию, первый из которых был удачным, а остальные неудачными¹⁴. Сам О. М. Рапов приводит в своей монографии относительно датированные (по годам правления василевсов) известия византийских источников, которые также, по его мнению, указывают на даты, предложенные Б. А. Рыбаковым¹⁵. Однако, судя по результатам исследований последующего времени, историки признают неоспоримым фактом лишь поход 860 г., о котором сохранилось более десятка свидетельств в различных источниках того времени¹⁶.

Так или иначе, но изданный П. Шрайнером источник дает нам совершенно другую дату крещения «народа рос», которая не укладывается в те, что вычислены Б.А. Рыбаковым и О.М. Раповым. Это обстоятельство несколько смущает австрийского исследователя, поэтому он предположил, что автор рукописи *Par.gr.* 2303 и Иоанн Скилица могли пользоваться общим протографом, из которого они взяли рассматриваемое известие. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что в парижской рукописи стоит ошибочная дата, и вслед за О.М. Раповым «притянуть» (опираясь на Скилицу и один из греческих манускриптов XVIII в.) содержащуюся в ней датировку к 873 или 874 г.¹⁷

Однако указанная в парижской рукописи дата естественным образом вписывается в хронологическую канву жизни и деятельности св. Мефодия. Конец 70-х – начало 80-х гг. IX в. были для Мефодия и его учеников временем сложным, когда ему приходилось доказывать свою правоту в споре с немецким духовенством, также занимавшимся активной миссионерской деятельностью в Моравии. Глава немецкого клира Моравии священник Вихинг, претендовавший на епископскую кафедру в Нитре, обвинял Мефодия в том, что тот, несмотря на папский запрет, продолжал совершать богослужение на славянском языке. Весной 880 г. Мефодий и Вихинг по приказу папы Иоанна VIII приехали в Рим, где оба они оказались невольными участниками борьбы между папой и его политическими противниками – восточнофранкским королем Арнульфом и только что коронованным королем Италии Карлом Толстым. Оба короля были недовольны стремлением Иоанна VIII к сближению с Византией¹⁸.

Окружению Иоанна VIII удалось убедить Вихинга в том, что папа целиком на его стороне, однако в посланной в том же 880 г. великоморавскому князю Святоплуку I папской булле было высказано одобрение деятельности Мефодия¹⁹. Вскоре после этого, скорее всего, в 881 г., Мефодий был вызван в Константинополь. Описанию поездки первоучителя славян к василевсу Василию I посвящена глава XIII Жития св. Мефодия²⁰, а в главе XVI этого агиографического сочинения рассказывается о том, что «пришел в дунайские края король венгерский, захотел увидеть» Мефодия²¹.

Неопределенность выражения «дунайские края» не могла не вызвать дискуссию историков по поводу того, какой именно участок бассейна великой европейской реки имеет в виду агиограф. А. Брюкнер предположил, что в первоначальном варианте текста Жития св. Мефодия речь шла о неизвестном короле, а позднее, когда Среднее Подунавье было захвачено венграми, редактор Жития добавил к слову «король» определение «венгерский». На самом же деле, по мнению А. Брюкнера и его последователей, Мефодий встречался с франкским королем

Карлом III Толстым²². При этом немецкий историк ссылается на свидетельство Регенсбургского продолжения Фульдских анналов о встрече в 884 г. Святоплука I и Карла III у реки Тульн на горе Куменберг²³.

Хотя чешский историк В. Вавжинек попытался доказать, что глава XVI построена по обычной схеме, проявляющейся и в других главах Жития св. Мефодия, и в ней закономерно должен был присутствовать некий «король»²⁴, который по ошибке назван был венгерским (в эпоху, когда у венгров еще не было королей), венгерские историки не приняли точку зрения своего чешского коллеги. Более того, в венгерской историографии закрепилась традиция датировать встречу венгерского «короля» 882 г. и называть местом этой встречи район Нижнего Дуная²⁵.

Таким образом, есть основания предполагать, что св. Мефодий в 881–882 гг. совершил путешествие из Моравии в Константинополь и обратно, проходя, в том числе, через земли, населенные самыми западными группами восточного славянства. Вполне возможно, что во время этого путешествия славянский первоучитель крестил какую-то часть восточнославянского этноса, на которую распространялся этноним «русь». Поскольку путь Мефодия явно пролегал вдали от Днепровской Руси, скорее всего, новообращенными христианами стали предки современных русинов, причем ими могли быть как жители бассейна Верхней Тисы, так восточнославянское население, проживавшее к северу от Нижнего Дуная – по Пруту и Сирету. Поскольку сведения о крещении «народа рос» содержатся в древней византийской хронике, представляется более вероятным, что эта часть восточного славянства приняла Христову веру во время путешествия Мефодия из Моравии в Константинополь, а не на обратном пути, о чем Мефодий сообщил императору и высшему клиру православной церкви по прибытии в византийскую столицу.

Исследователи уже давно обратили внимание на сохранявшуюся в западнославянском мире на всем протяжении эпохи Средневековья традицию признания св. Мефодия этническим русином. Среди дошедших до нас средневековых письменных источников впервые об этом свидетельствует неизвестный чешский хронист начала XIV в. (которого принято называть Далимиллом), написавший рифмованную Болеславскую хронику. Здесь можно найти такое высказывание о св. Мефодии: «Ten arcibiskup Rusin bieše, mši slovensky služěše» («Тот архиепископ русин был, мессы славянские служил»)²⁶. Безусловно, братья Константин (Кирилл) и Мефодий не были этническими русинами, но легенда об их русинском происхождении возникла явно не под пером средневекового книжника: он лишь записал то, что осталось в народной памяти средневековых чехов.

Историки давно пытаются найти ответ на вопрос, почему в начале XIV в., когда русские земли не представляли собой политического един-

ства и фактически были разделены между Золотой Ордой и Великим княжеством Литовским, чешскому хронисту нужно было приписать св. Мефодию русинское происхождение. Выдвигались точки зрения о том, что под русинами в средневековой Европе понимались самые разные этносы, в том числе неславянские, а также о том, что понятие «русин» в Центральной и Западной Европе того времени было вовсе не этническим, а религиозным, причем означало оно некую особую разновидность христианства, отличную как от западного, так и от восточного христианства, но мало чем отличавшуюся от арианства²⁷. Высказывалась также точка зрения о том, что древние русины, как особая группа христиан, пользовались глаголицей в качестве некоего «тайного письма» для религиозных целей, в то время как более простая кириллица выполняла функции общедоступного алфавита²⁸.

Возможно, в XIV в., когда в Чехии, борющейся против культурной экспансии немцев, отмечается рост интереса к своему историческому прошлому, глаголицу действительно воспринимали как некие тайные славянские знаки, которыми пользовались древние чехи. Недаром ими увлекался самый выдающийся чешский король Карел I (1346–1378). Однако утверждение о том, что глаголица являлась одним из атрибутов особого славянского течения в христианстве, представляется весьма сомнительным, поскольку дошедшие до нас глаголические надписи далеко не все связаны с Христовой верой.

В последнее время среди т.н. «антинорманистов» популярна идея, согласно которой русинами (рутенами, ругами) в раннесредневековой Европе назывались различные славянские этнические группы, проживавшие, в том числе, в Прибалтике (самый популярный пример – о. Рюген), на Верхнем Дунае и в других регионах Центральной Европы²⁹. В связи с этим «антинорманисты» считают в данном контексте этникон «русь», встречающийся в различных модификациях в средневековых европейских письменных источниках и относящийся главным образом к славянским этническим группам, ярким свидетельством того, что этот этникон никак не мог относиться к варягам³⁰.

Оставляя в стороне споры по поводу того, где возникло название «русь» – на скандинавском севере или в славянской среде, хочу обратить внимание на то, что сохранение в народной памяти средневековых чехов убеждения в том, что св. Мефодий был русином, скорее всего, отражает не только факт крещения соседивших с Великоморавским княжеством предков современных русинов, но и факт сохранения жителями Подкарпатской Руси этой христианской веры с богослужением на славянском языке и славянской азбукой. Как известно, чехам, ставшим подданными императора Священной Римской империи, не удалось сохранить эту веру, которую они переменяли на католичество.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Юрасов М.К. Новые данные о крещении предков русинов св. Мефодием или его учениками // Международный исторический журнал «Русин» [Кишинев], 2005, № 2 (2). С. 46–54.

2. Поп Дмитрій. Начало християнізації Подкарпатської Русі и місіонери угорорусини в Києвській Русі // Международный исторический журнал «Русин» [Кишинев]. 2009, № 4 (18). С. 15–22.

3. Schreiner P. Die byzantinischen Kleinchroniken = Chronica Byzantina breviora. Bd. II. Wien, 1976. S. 605 (Appendix I. Chron. No. 2); Schreiner P. Ein wiederaufgefundener Text der Narratio de Russorum conversione und einige Bemerkungen zur Christianisierung der Russen in byzantinischen Quellen // Byzantinobulgarica. 1978. T. 5. S. 300–301; Шрайнер П. Miscellanea Byzantino-Russica // Византийский временник. 52 (1991). С. 151–160.

4. Большая часть рукописи (происходящей, по-видимому, из Венеции) написана известным греческим ученым гуманистом Михаилом Апостолисом, которому, возможно, принадлежит и данная заметка (Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы: 2000 г.: Проблемы источниковедения / Отв. ред. Л.В.Стоярова. М., 2003. С. 157).

5. Там же. С. 156.

6. Там же.

7. Наиболее полно это обосновано в кн.: Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: историко-географическое исследование. М., 1951. С. 28–68 (Главы II–IV).

8. По мнению О.М. Рапова, «первое массовое крещение русов следует датировать летом или ранней осенью 866 г.» (Рапов О.М. Русская церковь в с. 79–87, см. обзор мнений о датировке этого события).

9. Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum. Berlin, 1973. P. 165.13–15.

10. Theophanis Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus. Vonnae, 1838. P. 344. В русском переводе: Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей / Пер. Я.Н. Любарского. М., 1992. С. 143.

11. Рапов О.М. Указ. соч. С. 92–93; Бибииков М.В. Византийские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Под ред. Е.А.Мельниковой. М., 1999. С. 104.

12. Рапов О.М. Указ. соч. С. 93.

13. Рыбаков Б.А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 164–169. Осторожность ученого объясняется тем, что он строил свои предположения на основании уникальных известий Никоновской летописи (см.: Полное собрание русских летописей. Т. IX. М., 2000 [Репр. изд. 1862 г.]. С. 9).

14. Рапов О.М. Указ. соч. С. 82.

15. Там же. С. 81, 82, 93.

16. Недавно была издана сводка всех свидетельств о нашествии руси на Константинополь на языках оригиналов с переводами на русский язык и на-

учными комментариями. См.: Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы: 2000 г. : Проблемы источниковедения / Отв. ред. Л.В. Столярова. М., 2003. С. 3–172.

17. Подробнее об этом см.: Рапов О.М. Указ. соч. С. 92–93.

18. Сказания о начале славянской письменности. Отв. ред. В.Д. Королюк. М., 1981. С. 164.

19. О публичном прочтении текста этой буллы моравянам повествуется в главе XII Жития св. Мефодия (там же. С. 100).

20. Там же.

21. Там же. С. 101.

22. Обзор мнений см.: там же. С. 170–171.

23. Continuatio Annalium Fuldensium Ratisponensis // Magnae Moraviae Fontes Historici (далее: ММФН). Т. I. Praga, Brno, 1966. S. 116.

24. Подробнее об этом см.: Сказания о начале славянской письменности. С. 170–171.

25. Magyarország történeti kronológiája. I. köt. A kezdetektől 1526-ig. Főszerk. Benda K. 3. kiad. Budapest, 1986. 66. 1.; Magyarország története tíz kötetben. I. Előzmények és a magyar történet 1242-ig. 2. kiad. Budapest, 1987. 527, 1489. 1.

26. Dalimil. Kronyka Boleslawská // ММФН. Т. I. P. 274.

27. Обзор мнений см.: Кузьмин А.Г. Западные традиции в русском христианстве // Введение христианства на Руси. Отв. ред. А.Д. Сухов. М., 1987. С. 42–45.

28. В Реймском евангелии 1347 г., подаренном Карлом IV пражскому Еммаускому монастырю, глаголица названа и «русским письмом», и «русским законом», т. е. определенным вероучением (Кузьмин А.Г. Западные традиции... С. 42).

29. Одним из первых написал об этом А.Г. Кузьмин, ставший впоследствии одним из самых активных борцов с современным «норманизмом». См.: Кузьмин А.Г. Западные традиции... С. 43–45.

30. См. об этом: Кузьмин А.Г. Два вида руссов в Юго-Восточной Прибалтике // Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). «Антинорманизм». Под ред. А.Г. Кузьмина. М., 2003. С. 192–213.

Журнал консервативной мысли

«Золотой Лев»:

www.zlev.ru

Максим ЖИХ

К ПРОБЛЕМЕ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ РАННИХ СЛАВЯН: ПО ПОВОДУ РАБОТЫ ФЛОРИНА КУРТЫ¹

Как известно, славяне впервые достоверно (под собственным именем) упоминаются лишь в источниках VI в. н. э.² При этом, как минимум, [пра]славянский язык существовал, по данным лингвистики, самое позднее (об этом у нас еще пойдет речь) – с середины I тыс. до н. э. – на целое тысячелетие раньше. Вопрос о соотношении этнического сознания и языка сложен. На наш взгляд, до утверждения за этнической общностью единого самоназвания, которое является верным индикатором наличия у нее этнического самосознания³, нельзя в строгом смысле говорить о ее существовании⁴. Другое дело, что мы не знаем даже приблизительно того времени, когда славяне стали называть себя «славянами»⁵. Да и смена этносом в силу неких причин своего самоназвания также дело довольно обычное. Вопрос о древних самоназваниях славян, предшествовавших собственно имени «славяне», является открытым. Необходимо также учитывать то, что славяне даже на самых ранних этапах своей истории не составляли какой-то монолитной общности с абсолютно единым языком и этническим сознанием⁶. Вероятно, их история, предшествовавшая выходу на историческую арену под именем «славяне» в VI в., была полна как этноязыковых схождений (друг с другом и с соседними этносами), так и расхождений⁷. Учитывая все сказанное, на наш взгляд, в эпоху, предшествовавшую утверждению единого для всех славян имени «славяне», следует говорить не о «славянах», а о «праславянах» – людях, говоривших на [пра]славянском языке (языках), но еще не называвших себя «славянами» и, соответственно, не осознававших себя таковыми, а осознававших и называвших как-то иначе. Вопрос о том, где и с какого времени проводить черту между славянами и праславянами, открыт. Ясно одно: на Дунай в VI в. славяне выходят в качестве уже сформированной этнической общности, обладающей и самосознанием, и самоназванием.

Такая ситуация привела ученых к созданию ряда гипотетических конструкций славянской «предыстории»⁸. Ученые обычно объясняли вышеуказанное противоречие тем, что славяне в эпоху, предшествовавшую великому переселению народов, жили вдали от центров античной цивилизации и потому просто не попали в ее поле зрения

(ситуация достаточно типичная: многие этносы существовали столетиями и даже тысячелетиями, но в соприкосновение с «письменными» цивилизациями входили поздно и, соответственно, поздно появлялись на страницах исторических источников), либо тем, что в источниках предшествующего времени они по каким-то причинам фигурируют под другими именами.

С другой стороны, в последнее время в науке стал распространяться определенный скептицизм относительно возможностей изучения истории славян до их столкновения с Византией в VI в., что привело к тому, что многие современные ученые начинают изложение истории славянства лишь с этого времени, ограничиваясь, в сущности, простой констатацией того, что предыдущая его история неясна⁹. В.Н. Топоров пошел дальше и предложил ученым при изучении раннеславянской истории сознательно ограничить выход за пределы VI в.¹⁰

Еще более радикально, хотя и явно развивая названный тезис¹¹, подошел к этой проблеме известный американский славист Флорин Курта. По мнению ученого, славяне... до VI в. вообще не существовали: «в согласии с теми, кто считает, что славянская история начинается в VI в., я утверждаю, что славяне – изобретение VI в.»¹² Их «создали» византийцы, выдумавшие новый этноним¹³ для систематизации сложной структуры варварского общества к северу от Дуная. Со временем и сами эти варвары усвоили придуманный для них византийцами этноним и «славянское» самосознание, которое впервые достоверно фиксируется в древнейших славянских нарративах XI–XII вв. (в первую очередь, в «Повести временных лет»¹⁴), создание которых знаменовало собой, по мнению Ф. Курты, окончание процесса «создания славян» и начало использования этой конструкции «в национальных целях с их обращениями к историческим корням». Таким образом, славяне, согласно Ф. Курте, сформировались «в тени Юстиниановых крепостей, а не в Припятских болотах»¹⁵. Их возникновение (по Ф. Курте «создание» – making¹⁶) «было результатом не столько этногенеза, сколько изобретения, выдумывания и навешивания ярлыков со стороны византийских писателей»¹⁷. Консолидация варваров, проживавших к северу от Дуная, явилась следствием агрессивной политики Византии при Юстиниане и подражания со стороны местной элиты («бигменов») правителям соседей (гепидов, гуннов, аваров, болгар и т. д.), археологическим отражением которого являются разнообразные «престижные предметы», например, женские фибулы, изготовленные из серебра¹⁸. Основой власти «бигменов» стали социальные институты типа потлача, с которыми связано сложение новых идентичностей и форм социальной организации местного населения, в основу которой легла система сегментированных линиджей¹⁹. Это привело к резкому

усложнению этнополитической структуры варварского общества к северу от Дуная, для систематизации и объяснения которого византийцы и придумали новый этноним. Прорыва славянами дунайского лимеса, согласно Ф. Курте, не было: империя сама оставила его в VII в.²⁰, после чего на Балканах началось постепенное распространение славянской идентичности. Консолидирующую роль языка в процессе славянского этногенеза Ф. Курта при этом отрицает: «Славяне стали славянами не потому, что говорили по-славянски, а потому, что их так называли другие»²¹. Такова вкратце суть концепции славянского «этногенеза» (применительно к вышеописанным построениям это слово логично заключить в кавычки) Ф. Курты. Его работы вызвали активную полемику в мировом и отечественном славяноведении и встретили как критику, так и поддержку²². В этой связи мы решились изложить некоторые свои соображения на сей счет. Преимущественно те, которые не были еще сформулированы в обсуждении его работ, либо сформулированы не достаточно четко. Как нам представляется, многие критики подхода Ф. Курты, а равно и его сторонники, не достаточно акцентировали свое внимание на некоторых немаловажных вещах.

Начнем с одного принципиального момента – мы не возражаем против построений Ф. Курты в принципе. Многие из них являются вполне здравыми и обоснованными. Только есть одно большое но: они являются, а точнее, явились бы обоснованными не сами по себе, а как одна из частей целого. Любой процесс (в нашем случае этногенез славян, равно как и любой другой этногенез) имеет много составляющих – много граней, если сравнить его с граненым стаканом. И проблема начинается тогда, когда исследователь вместо того, чтобы изучать все целое в его совокупности, начинает рассматривать какую-то часть целого как нечто замкнутое и самодовлеющее. Безусловно, такое явление, как «славянский этногенез», включало в себя много составляющих и было многогранно. Одной из его граней и было то, что Ф. Курта назвал «созданием славян». Проблема в том, что он одну из частей целого стал рассматривать как целое и попытался ею все это целое подменить. А попытка подменить целое одной из многих его частей никогда не приводит (и по определению не может привести) ни к каким положительным результатам. Курта взял одну из граней многогранного процесса славянского этногенеза, выпятил ее и довел до полного абсурда.

Именно пытаясь подменить целое его частью, Ф. Курта не замечает простых вопросов, с очевидностью встающих перед его концепцией в том виде, в каком он ее представил, и рушащих его построения. Как, например, объяснить то, что термин «славяне», если его придумали хитрые византийцы, вдруг разом практически одновременно появляется

в источниках, написанных далеко друг от друга и принадлежащих к разным традициям (византийской, латинской, арабской и т. д.)²³? Каков был механизм восприятия выдуманного для них византийцами имени самими славянами? А ведь они себя называли именно так с раннего проникновения на страницы источников: именно от самих славян и антов узнал (а не выдумал и передал им!) их соответствующие самоназвания (и легенду об общем происхождении) Прокопий Кесарийский²⁴, от славян же его узнали и некоторые ирландские миссионеры VII в. (Колумбан, Аманд и Бонифаций²⁵), которые «уж в чем не были замечены, так это в знакомстве с византийской культурой, языком или тем паче геополитическими изысками», как констатирует С.А. Иванов²⁶.

Не менее существенным является и вопрос о том, каким образом славянская идентичность и само имя славян (придуманное для них византийцами!) распространились на огромных территориях от Адриатики до Балтики, жители которых практически не имели каких-либо контактов с Византией. А между тем распространиться на этой огромной территории они должны в исключительно короткие сроки, ибо именно так («славянами») называли себя уже в конце VI в. славяне, жившие на побережье Балтийского моря, что следует из знаменитого рассказа Феофилакта Симокатты о славянских посланцах: в ходе похода императора Маврикия в 592 г. против аваров около города Цурула «телохранителями императора были захвачены три человека, родом славяне, не имевшие при себе ничего железного и никакого оружия: единственной их ношей были кифары, и ничего другого они не несли... *Они отвечали, что по племени они славяне и живут у оконечности Западного океана; что хаган отправил послов вплоть до тамошних [племен], чтобы собрать воинские силы, и прельщал старейшин богатыми дарами. Но те, приняв дары, отказали ему в союзе, уверяя, что препятствием для них служит длительность пути, и послали к хагану их, захваченных [императором], с извинениями: ведь дорога занимает пятнадцать месяцев...* А кифары они, мол, несут потому, что не обучены носить на теле оружие: ведь их страна не знает железа, что делает их жизнь мирной и невозмутимой... *(выделено мной – М.Ж.)*»²⁷. На то, что «славянская» идентичность в эпоху, традиционно называемую периодом славянского расселения (VI-VII вв.), существовала, причем в «общеславянском» масштабе, указывает тот факт, что названия, производные от общего самоназвания славян, были распространены по всему славянскому миру и в особенности на его границах (подобная ситуация, при которой древнее общее имя народа сохраняется на окраинах его расселения, достаточно типична): *словаки, словенцы, словене ильменские, словинцы-кашубы* на побережье Балтики, *славонцы* в хорватской Славонии²⁸. Весьма веро-

ятно, что аналогичным образом называли себя и славяне – носители именьковской археологической культуры в Среднем Поволжье²⁹. Как объяснить и факт того, что многие этнонимы неоднократно повторяются в разных частях славянского мира: *другувиты* и *кривитеины*, известные византийским источникам на Балканах, и *дреговичи*, *кривичи* Восточной Европы, *ободриты* на Дунае и в Полабье, *сербы лужицкие* и *сербы балканские*, *поляне* в Среднем Поднепровье и в Малой Польше, *северяне* на Десне и *северы* на Балканах и т. д. и т. п.? Только тем, что все это – осколки древних праславянских этнополитических объединений, распавшихся в ходе славянского расселения³⁰.

Наконец, какова была механика распространения на огромных территориях Центральной, Восточной и Южной Европы славянских языков, несомненно, имеющих общее происхождение³¹? На этот вопрос у Ф. Курты также нет ответа. Да и едва ли он возможен в рамках почти полного отрицания миграций, которое отстаивает наш автор³². Если «смену идентичности» еще как-то можно объяснить влиянием соседей (и то лишь в непосредственной близости от этих соседей), то распространение на огромных территориях языка – нет. Для распространения языка необходима миграция [хотя бы небольшой] группы его носителей, которая сможет со временем в условиях благоприятной конъюнктуры навязать его автохтонам либо вытеснить их. Ф. Курта полагает, что славянский язык стал со временем чем-то вроде *lingua franca* в Аварском каганате³³, однако фундаментальный вопрос о его генезисе обходит стороной. Каким образом вообще возник язык группы, которую условно выделили в своей системе координат византийцы? И какова была механика его распространения? Непонятно и то, как совместить утверждение Ф. Курты о славянском языке как *lingua franca* Аварского каганата с его же положением о том, что в VII в. славяне представляли собой лишь «разрозненные анклавные территории в разных районах Балкан, к тому же переживавшие существенный демографический упадок»? Каким образом население этих небольших и находившихся в состоянии демографического упадка анклавов, которое было, к тому же, объединено под одним общим именем лишь под пером византийских авторов, сумело навязать свой невесь откуда взявшийся язык всему населению Аварского каганата и сопредельных территорий? И каким образом он распространился на иные территории, находившиеся вдали от Паннонии и сопредельных регионов? Думается, все тут гораздо проще, и распространение славянского языка к северу от Дуная в качестве *lingua franca* началось гораздо раньше – как минимум еще в гуннские времена: судя по приводимым Приском Паннийским (*medos* – «мед») ³⁴ и Иорданом (*strava* – «страва») ³⁵ славянским словам, некие «скифы», составлявшие, видимо, немалую часть населения гуннской державы,

говорили по-славянски³⁶. О том же говорит и ряд сохранившихся в позднеантичных источниках (в частности, Тиса у Приска) форм названий гидронимов и топонимов этого региона, в которых отразились их славянские имена³⁷.

Нельзя не отметить и того, что подобное «создание народов» было для византийской традиции совершенно нетипичным. Как справедливо указывает С.А. Иванов, «греко-римские авторы вообще никогда не выдумывали этнонимы: они охотно навешивали уже имеющиеся ярлыки на вновь появившиеся на их горизонте племена»³⁸, то есть называли «новые» для них народы именами «старых» – хорошо известных и вписанных уже в традиционную картину мира: скифов, гуннов, тавров и т. д. Никаких примеров «создания народа» византийцами (да еще чтобы сам этот народ стал со временем называть и ощущать себя так) у нас нет. И само название «склавины» не могло быть выдумано византийцами уже хотя бы потому, что противоречит нормам греческого языка³⁹, да и не значит оно ничего на греческом, а на славянском, напротив, имеет смысл: **Slověne* – «славяне» первоначально означало «владеющие понятной речью», «ясно говорящие»⁴⁰ и противопоставляющие себя «немцам» – «немым, говорящим на непонятном языке» и «чуди» – «чужим, говорящим на чужом языке»⁴¹, что типично для многих этнонимов⁴². Например, «арабы в VII–VIII вв. называли все прочие народы, не понимавшие их языка, аджамами, т. е. неарабами, буквально немыми, бессловными (немцами). Позже такой термин стал применяться исключительно к иранцам»⁴³, в Мексике жило индейское племя, именовавшееся *Tojolabal*, что означало «ясная речь», «ясные слова»⁴⁴.

Непонятно и то, кто именно впервые выдумал это имя, которое практически одновременно начало употребляться разными авторами в разных регионах Европы. Вопрос о том, что VI в. – это просто первая фиксация славян в письменных источниках и ничего более (сами славяне могли существовать и называться, кстати, именно «славянами» не только за много веков, но и тысячелетий до этого), Ф. Курта вообще игнорирует. Да и с первой фиксацией имени славян в источниках тоже далеко не все так просто: у Птолемея во II в. упоминается некий народ *Σοοβήροι*⁴⁵. Такая форма могла представлять собой как искаженное «словене», так и передавать более древнее самоназвание славян, связанное с обозначением «племени свободных людей», которое со временем развилось в понятия «свой», «говорящий ясно на своем языке»⁴⁶.

Возвращаясь к проблеме «миграционизма» и «автохтонизма», можно отметить, что представления об их соотношении в процессе этногенеза напоминают маятник – предпочтение ученых склоняется то в одну, то в другую сторону. Видимо, и та и другая парадигмы имеют

рациональное зерно, и описать действительность при помощи лишь одной из них едва ли возможно. С одной стороны, как писал в свое время А.Н. Толстой, «движение народных масс подобно морским волнам – кажется, что они бегут издалека и разбиваются о берег, но вода неподвижна, лишь одна волна вызывает взлет и падение другой. Так и народы в своей массе обычно неподвижны, за редким исключением; проносятся тысячелетия над страной, проходят отряды завоевателей, меняются экономические условия, общественные отношения, племена смешиваются с племенами, изменяется самый язык, но основная масса народа остается верной своей родине»⁴⁷; с другой, как указывал В.В. Мавродин, «нет никакой необходимости в отрицании переселений и передвижений племен и народов, расхождений и схождений языков и культур. «Переселение народа» – не жупел, которым можно пугать»⁴⁸. Многие миграции нам хорошо известны и бесспорны⁴⁹, например, миграция венгров из Приуралья в Паннонию и болгар из Приазовья в Подунавье. Вопреки тезису Ф. Курты, археологически миграции, по крайней мере, в некоторых случаях, вполне возможно проследить⁵⁰. Археологически прослеживается и распространение славян в Европе в VI–IX вв.⁵¹ Очевидно, что с распространением славян распространялись по Европе и славянские языки, и этническая самоидентификация, которая, впрочем, имела несколько уровней, из которых в источниках VI–VII вв. отразились два (более мелкие, увы, не нашли в них отражения): уровень общеславянской идентичности и уровень осознания своей принадлежности к конкретному славянскому этнополитическому союзу. Именно это обстоятельство ввело Ф. Курту в заблуждение: он решил, что высшая («общеславянская») идентичность есть византийский конструкт⁵².

Построения Курты наглядно показывают, что социальный конструктивизм на доиндустриальном материале практически не работает⁵³. Любопытно, что автор теории [являющейся в значительной мере детищем постмодерна] «воображаемых сообществ» (под которыми он понимал в том числе и этнические общности), перекликающейся во многом с идеями Ф. Курты, Бенедикт Андерсон⁵⁴ вел о них речь преимущественно применительно к Новому времени, когда сложились условия для быстрого распространения информации и, соответственно, конструирования «воображаемых сообществ». В раннем средневековье такие механизмы отсутствовали, и самосознание человеческих сообществ, в том числе и этническое, конституировалось на принципиально иных основах, которые нам еще во многом неясны.

Весьма любопытно и очевидное сходство построений Ф. Курты с идеями Н.Я. Марра⁵⁵. У Марра были «превращения» и «революционные» одних этнических общностей в другие, у Ф. Курты – «смена

идентичностей». Словесное оформление тут чуть отличается, но суть одна. Состоит она в практически полном отрицании миграций и «превращении» одной этнической общности в другую.

В этой схеме опять-таки непонятно одно: как менялся (*и столь радикально!*) язык. Н.Я. Марр пытался это объяснить с точки зрения филологии. Как мы теперь знаем, неудачно. Ф. Курта этого вообще никак не объясняет, а между тем вопрос напрашивается: если славян придумали-де ушлые византийцы, то как вообще возник их язык и как он стремительно распространился на огромные территории? Ответа на этот вопрос у Курты нет (да и не видит он самого вопроса). Его умозрительная теория противоречит всем лингвистическим реконструкциям ранней истории славян. Как признающим, так и отрицающим балто-славянское единство – даже по мнению признающих его ученых, [пра]славянский язык выделился около середины I тыс. до н. э.⁵⁶ – за добрую тысячу (!) лет до того, как хитрые византийцы выдумали славян. А если обратиться к работам их оппонентов, считающих, что сближение балтских и славянских языков имело вторичный характер (мнение которых, естественно, не интересует Ф. Курту), то [пра]славянский язык можно удревнить еще на одну-две тысячи лет (хотя и некоторые сторонники гипотезы балто-славянской общности также датируют выделение [пра]славянского этим же временем, сдвигая ее существование к III тыс. до н. э.)⁵⁷.

При этом мы не отрицаем того, что в идеях Н.Я. Марра и Ф. Курты о «превращениях»/«смене идентичностей» есть определенное рациональное зерно, но опять-таки: это явление – лишь часть сложного и многогранного процесса этногенеза. Не стоит подменять им весь этот процесс.

Касаюсь вопроса о методологии работ Ф. Курты, нельзя не сказать о том, что в основе их лежит философия постмодерна. Что же она собой представляет применительно к истории (археологии, этнологии и т. д.)? Все просто: источники, по мнению постмодернистов, отражают не реалии прошлого, а только лишь некие интеллектуальные конструкции своих авторов и потому едва ли могут быть адекватно поняты современным исследователем. История в рамках постмодернистской парадигмы предстает не более чем проекцией вербального вымысла, а историк из исследователя реальности прошлых эпох превращается в их создателя. Собственно, такой абрис задал еще основоположник и один из главных теоретиков исторического постмодерна Х. Уайт⁵⁸. Одним словом, историк превращается из реконструктора реальности прошлого в эдакого «собираателя мозаики», компоненты которой он может сложить в любой последовательности на свой вкус, а что не вписывается в красивую теорию никак – вообще выкинуть.

Применительно к Ф. Курте мы как раз это и видим. Источники никак не работают на его умозрительную концепцию, и он вынужден, как говорил когда-то в аналогичном случае А.Л. Шлецер, «ломать их на дыбе»⁵⁹, подгоняя под свои построения. Работа Ф. Курты с источниками – это нередко сплошные натяжки: он не анализирует источники, он «собирает мозаику».

Все то, о чем сказано выше, связано с тем, что Ф. Курта упорно хочет навязать источникам свой взгляд и показать, что в «варварском» обществе раннего средневековья (в традиционном, «примордиалистском» понимании) практически не существовало категории «этничности» и каких-то особых представлений о ней. Собственно, подобного рода «инструменталистские» построения (в частности, на германском материале) начали распространяться в науке о раннем средневековье (куда они попали из ориентированной на постмодерн социально-политической антропологии⁶⁰) уже достаточно давно⁶¹. Ф. Курта просто несколько радикализировал их и впервые столь четко и последовательно применил к славянам. Хотя отдельные попытки такого рода предпринимались и ранее, но они носили более корректный и взвешенный характер⁶². Ныне один из первопроходцев в «инструменталистском» подходе к проблеме раннеславянской этничности С.А. Иванов справедливо назвал построения Ф. Курты «своего рода *reductio ad absurdum* инструменталистского подхода», которые «решительно противоречат логике»⁶³.

Сложность тут, однако, в том, что даже если последовательно смотреть на источники с позиций постмодернизма и рассматривать их сугубо как отражение неких интеллектуальных конструкторов своих авторов, то «отменить» этничность не получится: для всех авторов античных и раннесредневековых источников «этничность» – категория вполне реальная (хотя и понималась она ими, вероятно, несколько иначе, чем ныне). Это их общая «нарративная стратегия» (если использовать постмодернистские термины). Стало быть, как минимум на ментальном уровне средневековой интеллектуальной элиты (а только ее представления нам и известны – самосознание основной массы раннесредневекового населения практически не отразилось в известных нам источниках) она существовала.

Но Ф. Курта идет тут по пути «от концепции к источнику» и придумывает ясным свидетельствам источников всякие натянутые объяснения, лишь бы обосновать свою идею о «создании славян» византийцами. Там, где источники ясно говорят о том, что славяне уже в VI-VII вв. широко расселились на Балканском полуострове (Исидор Севильский: «[в годы правления Ираклия (610-641)] славяне захватили у ромеев Грецию»⁶⁴, армянский географ Анания Ширакаци: «Земля Фракии содержит 7 малых областей и одну крупную, в которой обитают 25 племен

склавонов»⁶⁵ и т. д.), Ф. Курта видит лишь «разрозненные анклавные территории в разных районах Балкан, к тому же переживавшие существенный демографический упадок». Свидетельства источников о многочисленных военных вторжениях славян на Балканы, об их нападениях на Фессалонику и Константинополь и т. д. Ф. Курта фактически игнорирует или переставляет с ног на голову⁶⁶. Вопреки Ф. Курте, современники видели в славянах не конгломерат незначительных анклавов, объединенных условно на страницах трактатов византийских «геополитиков», а сильных воинственных варваров, которые «свирепствуют повсюду»⁶⁷ и «сильно угрожают»⁶⁸ своим соседям. По мнению Ф. Курты, которое решительно противоречит всем источникам, массовое продвижение славян на юг началось лишь в VIII в.⁶⁹, т. е. в период, который как раз значительно хуже освещен письменными свидетельствами.

Обратимся теперь к трактовке Ф. Куртой археологического материала, связанного с падением дунайского лимеса и славянской колонизацией Балканского полуострова⁷⁰. Тут, как и в случае с анализом письменных источников, многие положения Ф. Курты вызывают откровенное недоумение. Ярким примером может быть его объяснение мощного укрепления дунайского лимеса при Юстиниане, которое традиционно считалось и считается свидетельством мощной опасности для империи со стороны славян. Но Ф. Курта, исходя из своей априорной концепции, таковую опасность отрицает: по его мнению, «никакой серьезной опасности» для Византии на этом направлении не было⁷¹. Но зачем же тогда византийцам было укреплять лимес? Казалось бы, Ф. Курта должен серьезно объяснить это, выдвинуть какие-то веские контрдоводы традиционной концепции, но, увы, ученый априорно заявляет, что славянская опасность никакого отношения к укреплению лимеса не имела, а зачем укрепляли лимес – непонятно. Полное отсутствие логики в этом построении удивительно: идет грандиозное укрепление лимеса, подорвавшее, по мнению Ф. Курты, экономику Византии (!),⁷² и это в то время, когда она вела войны и на Западе, и на Востоке (!), а опасности ей со стороны Дуная будто бы никакой не было. Падение лимеса Ф. Курта объясняет опять-таки не боевыми действиями славян и кочевников (авар, болгар и т. д.), а кризисом в Империи, вызванным... огромными затратами на строительство лимеса, которое, как мы помним, было ничем не мотивировано. Обосновывает это положение Ф. Курта большим количеством кладов рассматриваемого времени, найденных на Балканском полуострове. Однако его попытка таковой их интерпретации основана на ряде ошибочных положений, что показал П.В. Шувалов⁷³, и традиционный взгляд, связывающий тезаврацию большого количества сокровищ с варварскими (в первую очередь, славянскими) вторжениями остается непоколебленным, как непоколе-

бленным остается и тот факт, что строительство Юстинианом грандиозного дунайского лимеса было вызвано соответствующей опасностью, нависшей над Империей с севера. Равно как и падение лимеса было в немалой мере обусловлено военными действиями славян и живших в регионе кочевников. Ф. Курта не отрицает того, что на ряде византийских укреплений археологи нашли следы их военного разгрома. В то же время нельзя отрицать и того, что многие из них были оставлены по каким-то причинам византийцами самостоятельно. Ученый делает на этом особый акцент⁷⁴ и заключает из этого, что лимес был оставлен византийцами по каким-то «внутренним» причинам. Однако как тогда быть с теми укреплениями, которые были уничтожены именно в ходе боев (это обстоятельство Ф. Курта старается затушевать)? Видимо, после разгрома варварами ряда византийских укреплений оставшиеся стало просто невозможно удерживать, и они были покинуты.

Таким образом, традиционные объяснения причин строительства Византией лимеса и причин его падения куда логичнее, и нет никаких серьезных оснований их пересматривать⁷⁵ (что, впрочем, не означает того, что падению лимеса не способствовали какие-то процессы, протекавшие в самой Византии, но объяснить все только ими, как то попытался сделать Ф. Курта, совершенно невозможно). Г. Шрамм справедливо назвал вторжение славян на Балканы «прорывом плотины» (*Ein Damm bricht*)⁷⁶. При этом не будем забывать о расселении славян и в других направлениях, о чем выше уже говорилось.

Подытоживая сказанное, можно отметить, что работы Ф. Курты построены зачастую по принципу «от [априорной] концепции к источнику». Источники для него нередко оказываются лишь иллюстрацией к его заранее сложившимся установкам. А иллюстрации, как известно, и привлекают лишь иллюстративно. Но даже если привлекать источники иллюстративно и по всем канонам постмодерна, они все равно не дают достаточных оснований для построений Курты и «отмены» раннеславянской этничности и этнического самосознания ранних славян, с которым они вышли на дунайский лимес и которое нашло отражение у авторов Восточного Рима, а вовсе не было ими сконструировано. Вопросы о времени его становления, о выделении в нем самосознаний отдельных «племен», о соотношении раннеславянской этничности с языковой принадлежностью ее носителей, о наименовании (как внешними наблюдателями, так и самими носителями) праславян другими именами, разумеется, остаются открытыми и выходят далеко за рамки настоящего очерка, но, увы, книга Ф. Курты не только не приближает их адекватного решения, но и зачастую отдаляет его. Это касается и проблемы влияния византийских (и западноевропейских) книжных конструкторов на реальное самосознание славянского общества, которая

нуждается в серьезном всестороннем изучении, вместо которого мы в рассматриваемой работе находим скорее лишь постановку такой проблемы при крайне тенденциозной попытке ее решения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Curta F.* The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, с. 500–700. (Cambridge Studies in Medieval Life and Thought, Fourth Series). Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2001.

2. В.Я. Петрухин справедливо отмечает, что «под своим именем *славяне* стали известны греческим авторам в VI в. на Дунае, и игнорировать этот факт невозможно (*выделено В.Я. Петрухиным – М.Ж.*)» (*Петрухин В.Я.* Древняя Русь. Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры: Т. 1 (Древняя Русь). М., 2000. С. 42).

3. По мнению современных исследователей, «говорить о сложении той или иной этнической общности можно только тогда, когда у этой общности появляется самоназвание» (*Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 2004. С. 151), а словообразовательная структура этнонима «отражает его историю, зашифровано повествует о его происхождении» (*Карпенко Ю.А.* История этимологического метода в отечественной топонимике // Развитие методов топонимических исследований. М., 1970. С. 13).

4. С.А. Иванов верно, на наш взгляд, отмечает, что «этничность, в отличие от языка, – не *феномен*, а *ноумен*. Человек может не знать, что он говорит, допустим, на праславянском языке, – достаточно, чтобы это «за него» знал лингвист. А вот с этнической идентичностью не так: если человек не знает про себя, что он славянин, то он и не славянин. Никакого на самом деле тут быть не может. Другое дело, что это знание у бесписьменного народа может не сразу стать известным народам письменным и тем самым оказывается зафиксированным несколько позже, чем возникает, а насколько позже – мы не знаем (*выделено С.А. Ивановым – М.Ж.*)» (*Иванов С.А.* «В тени Юстиниановых крепостей»? Ф. Курта и парадоксы раннеславянской этничности // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2008. № 2 (4). С. 5-6).

5. Можно согласиться с А.П. Новосельцевым в том, что «*термин «славяне» возник не сразу и не вдруг стал общеупотребительным.* Возможно, древнейшее название было все-таки венеды: именно так именовали славян их древнейшие соседи с запада – германцы и, кажется, восточные балты. Но так могла называться и часть предков славян, тогда как другие могли носить иные наименования. *И только позже (в V-VI вв.?) утвердилось общее название «славяне» (словене) (выделено мной – М.Ж.)»* (*Новосельцев А.П.* Восточные славяне и образование древнерусского государства // История России с древнейших времён до конца XVII в. / Отв. ред. А.Н. Сахаров, А.П. Новосельцев. М., 2000. С. 51).

6. *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян: лингвистические исследования. М., 2002.

7. В этой связи представляет существенный интерес реконструкция славянской «предыстории», предложенная Б.А. Рыбаковым (*Рыбаков Б.А.* 1) Исторические судьбы праславян // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1978. С. 182-196; 2) Геродотова Скифия. М., 1979. С. 195-238; 3) Язычество древних славян. М., 1981. С. 214-230 и сл.; 4) Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1982. С. 11-55; 5) Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 8-72 и сл.). Интерес прежде всего в методологическом плане: Б. А. Рыбаков попытался наметить контуры довольно сложной истории праславян, в которой периоды сближения между различными их группировками сменялись периодами их отдаления друг от друга. Вопрос об исторической достоверности всех построений Б.А. Рыбакова, разумеется, открыт.

8. См., например: *Лер-Сплавинский Т.О.* О происхождении и прародине славян // Вопросы истории. 1946. № 10. С. 82-85; *Горнунг Б.В.* Из предыстории образования общеславянского языкового единства. М., 1963; *Петров В.П.* Этногенез славян: джерела, етапи розвитку і проблематика. Київ, 1972; *Филин Ф.П.* К проблеме происхождения славянских языков // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973; *Кобычев В.П.* В поисках прародины славян. М., 1973; *Алексеева Т.И.* Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973; *Hensel W.* 1) From Studies of the Ethnogenesis of Slavs // *Ethnologia Slavica*. Bratislava. 1975. T. 7; 2) *Skąd przyszli Słowianie*. Wrocław, 1984; *Мачинский Д.А., Туханова М.А.* О местах обитания и направлениях движения славян I-VII вв. по письменным и археологическим источникам // *Acta archaeologica Carpatica*. T. XVI. 1976; *Udolph J.* Studien zu slavischen Gewässernamen und Gewässerbezeichnungen. Ein Beitrag zur Frage nach der Urheimat der Slaven. Winter, Heidelberg 1979; *Третьяков П.Н.* По следам древних славянских племен. М., 1982; *Рыбаков Б.А.* 1) Исторические судьбы праславян; 2) Геродотова Скифия. С. 195-238; 3) Язычество древних славян. С. 214-230 и сл.; 4) Киевская Русь... С. 11-55; 5) Язычество Древней Руси. С. 8-72 и сл.; *Седов В.В.* 1) Происхождение и ранняя история славян. М., 1979; 2) Славяне в древности. М., 1994; 3) Славяне в раннем средневековье. М., 1995; 4) Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002; *Mańczak W.* *Praojczyzna Słowian*. Wrocław, 1981; *Váňa Z.* *Svet давnych Slovanů*. Praha, 1983; *Struve K.-W.* 1) Die Ethnogenese der Slaven aus der Sicht der Vor- und Frühgeschichte // *Ethnogenese europäischer Völker*. Aus der Sicht der Anthropologie und Vor- und Frühgeschichte. Stuttgart; New York, 1986; 2) Zur Ethnogenese der Slaven // *Starigard – Oldenburg*. Neumünster, 1991; *Топоров В.Н.* К реконструкции древнейшего состояния праславянского языка // X Международный съезд славистов: славянское языкознание. М., 1988. С. 264-292; Славяне. Этногенез и этническая история (междисциплинарный сборник). Л., 1989; *Pleterski A.* *Etnogenesa Slovanov*. *Obris trenutnega stanja arheoloških raziskov*. Ljubljana, 1990; *Goehrke C.* *Frühzeit des Ostslaventums*. Darmstadt, 1992; Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э. – первой половине I тыс. н.э. М., 1993; *Щукин М.Б.* 1) На рубеже эр: опыт историко-археологической реконструкции политических событий VI в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994; 2) Рождение славян // *Стратум: Структуры и катастрофы: Сборник символической индоевропейской истории: Археологический сборник*. М., 1994. С. 10-15.

логия, источниковедение, лингвистика, философия истории. СПб, 1997. С. 110-147; Баран В.Д. 1) Славяне в середине I тыс. н. э. // Проблемы этногенеза славян. Киев, 1978; 2) Венеди, склавѣни, та анти у свѣтлі археологічких джерел // Проблемы славянской археологии (Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. I. М., 1997; 3) Давні слов'яни. Київ, 1998; Трубачев О.Н. Этногенез и культура...

9. См., например, Петрухин В.Я. 1) Начало этнокультурной истории Руси. Смоленск; М., 1995. С. 7-25; 2) Древняя Русь... С. 29-57; Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX – XII вв.): курс лекций. М., 1999. С. 26-38; Горский А.А. Русь: от славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 9-10; Пузанов В.В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007. С. 52-54.

10. Топоров В.Н. К реконструкции древнейшего состояния... С. 266-283 и др. Убедительную критику такого взгляда см.: Трубачев О.Н. Этногенез и культура... С. 245-278.

11. П.В. Шувалов, который примыкает к вышеназванному «скептическому» направлению в изучении проблемы славянской предистории, констатирует, что «Ф. Курта, суммировав многие достижения своих предшественников и используя то, что уже «носилось в воздухе», не остановился на обобщении достигнутых наукой успехов. Он попытался единым махом разубить гордиев узел раннего славянства» (Шувалов П.В. Изобретение проблемы (по поводу книги Флорина Курты) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 2 (4). С. 14-15).

12. *Curta F. The Making of the Slavs...* P. 335.

13. При этом утверждения Ф. Курты на сей счет немного противоречивы. В одном месте он осторожно пишет о том, что «возможно, первоначально «склавины» были самоназванием определенной этнической группы. Однако в более точном смысле «склави́нская этни́чность» – это византийское изобретение» (*Curta F. The Making of the Slavs...* P. 119), однако перед этим решительно заявляет, что «название «склавины» было чисто византийской конструкцией, имевшей целью осмыслить сложную этническую обстановку по другую сторону лимеса».

14. *Curta F. The Making of the Slavs...* P. 350.

15. *Ibid.* P. 350.

16. Символично, что Ф. Курта говорит именно о «создании» либо «изобретении» (*making*) славян; перевод названия книги Н.И. Петровым как «Становление славян» (Петров Н.И. Этничность древних славян: историческая реальность или инвенция византийцев? Обзор монографии Флорина Курты «Становление славян» // Университетский историк. Альманах. Вып. 2. СПб., 2003. С. 193-196) неверен – тогда было бы другое слово: *ethnogenesis, emergence, appearance* и т. д. Видимо, российским ученым, привычным к «примордиалистской» традиции в изучении этногенеза, не до конца понятен радикальный «инструментализм» Ф. Курты. И в книге Ф. Курта неоднократно говорит именно о «создании»/«изобретении» славян, но не об их «возникновении» или «становлении». Например, на с. 119 он утверждает, что «славянская этничность» – это

«византийское изобретение» или «создание» (invention). См. также, например, на с. 118, 335, 349-350 и др.

17. *Curta F. The Making of the Slavs...* P. 349.

18. По мнению Ф. Курты, вообще в этот период именно женщины стали своеобразным «двигателем создания социальных идентичностей» (*Curta F. The Making of the Slavs...* P. 309).

19. *Curta F. The Making of the Slavs...* P. 319.

20. *Ibid.* P. 106, 189.

21. *Ibid.* P. 346.

22. См., например, обсуждение этой книги в № 2 (4) за 2008 г. в журнале *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, в котором представлены как сторонники, так и противники предложенного Ф. Куртой подхода. См. также: *Петров Н.И. Этничность древних славян...*

23. Если быстрое распространение его в византийской традиции с большой натяжкой еще как-то можно представить, а проникновение в арабскую традицию объяснить византийским влиянием, то как быть с тем, что он практически в то же время появляется и в европейских источниках, например, у Иордана?

24. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. / Сост. Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин. М., 1994. С. 185. Любопытно, что сам Ф. Курта этого обстоятельства, в принципе, не отрицает (*Curta F. The Making of the Slavs...* P. 38), но старается преуменьшить его значение, сведя все к «константинопольской перспективе» Прокопия.

25. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. / Сост. С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин, В.К. Ронин. М., 1995. С. 361, 407, 415-417.

26. *Иванов С.А. «В тени Юстиниановых крепостей?»...* С. 10.

27. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. С. 15-17.

28. *Иванов В.В., Топоров В.Н. О древних славянских этнонимах (основные проблемы и перспективы) // Из истории русской культуры: Т. 1 (Древняя Русь). С. 415.*

29. Хазарский царь Иосиф в своем знаменитом ответе Хасдаю Ибн-Шафруту помещает где-то в Среднем Поволжье некий народ *сливион* (*Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 98*), т. е. «славян», которыми, по всей видимости, были потомки именьковцев: *Галкина Е.С. 1) Данники Хазарского каганата в письме царя Иосифа // Сборник Русского исторического общества. Т. 10 (158). Россия и Крым. М., 2006. С. 378-382; 2) Номады Восточной Европы: этносы, социум, власть (I тыс. н. э). М., 2006. С. 339-345; Жих М.И. Проблема локализации «Славянской реки» арабской историко-географической литературы раннего средневековья и вопрос о расселении славян в Поволжье в VI-IX вв. // Ключевские чтения – 2008. Отечественная история и культура: единое пространство в прошлом, настоящем и будущем: Материалы межвузовской научной конференции. Сборник научных трудов. М., 2008. С. 144.*

30. *Трубачев О.Н. Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. № 6.*

31. Формирование западно-, восточно- и южнославянских языков лингвисты датируют VII-VIII вв.: *Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. М., 1972. С. 6-30.*

32. По словам Ф. Курты, «археологические культуры не мигрируют» (*Curta F. The Making of the Slavs...* P. 307).
33. *Curta F. The Making of the Slavs...* P. 345.
34. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. С. 87.
35. О принадлежности этого слова славянской языковой среде см.: *Гиндин Л.А.* Обряд погребения Аттилы и «гризна» Ольги по Игорю // Советское славяноведение. 1990. № 2. С. 65 и сл.; *Этимологический словарь славянских языков. Пра斯拉вянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 9. М., 1983. С. 81; Трубачев О.Н.* Этногенез и культура... С. 89, 316.
36. См., например: *Niderle L. Slovanské starožitnosti. T. II. Del. I. Praha. 1906. S. 138; Варишић Ф.* Приск как извор за најстарију историју Јужних Словена // Зборник радова Византолошког Института. Кн. I. Београд, 1958. С. 58-59; *Popović J.* Quele était le peuple pannonien qui parlait medos et Strava // Там же. Кн. 7. 1961. С. 198 и сл.; *Kurnatowska Z. Słowiańszczyzna południowa. Wrocław. 1977. S. 25; Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. С. 93; Трубачев О.Н.* Этногенез и культура... С. 88-93, 315-330, 370-390.
37. См.: *Варишић Ф.* Приск как извор за најстарију историју... С. 53-59; *Гиндин Л.А.* 1) К вопросу о характере славянизации Карпато-Балканского пространства (по лингвистическим и филологическим данным) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 64-68; 2) К вопросу о хронологии начальных этапов славянской колонизации Балкан (по лингво-филологическим данным) // Балканско езикознание. Т. 26. София, 1983. С. 29-31; *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура... С. 41-45, 92-93.
38. *Иванов С.А.* «В тени Юстиниановых крепостей?»... С. 8.
39. С.А. Иванов констатирует: «если бы Прокопий взялся за выдумывание несуществующего имени, такое как «славяне» пришло бы ему в голову в самую последнюю очередь: византийскому греку невозможно было произнести плавный консонант «Л» после сибиллянта «С» (недаром все античные авторы вставляют «К» или «th» в имена вроде Вислы). Само имя «склавины», которым Прокопий пользуется, звучало столь экзотично, что никто не сочтет его порождением греческой языковой фантазии. Кстати говоря, первым признаком «интериоризации», освоения этого этнонима, безусловно воспринимавшегося греками как чуждый и режущий слух, стало его лингвистическое «переразложение». Возникает сокращенная форма «склавы», свидетельствующая о том, что из первоначального слова была вычтена та часть, которую греческое языковое сознание осмыслило как суффикс, по аналогии с «бактрами», получившимися из «бактрианов». Но характерно, что сокращенная форма «склавы» возникает не у тех авторов, которые сообщили о новом народе, – Прокопия или Иордана, а у тех, кто писал чуть позже, – Агафия и Малаль» (*Иванов С.А.* «В тени Юстиниановых крепостей?»... С. 8).
40. См.: *Maher J.P.* The ethnonym of the Slavs – Common Slavic **Slověne* // The journal of Indo-European studies. 1974. № 2. P. 143; *Иванов В.В., Топоров В.Н.* О древних славянских этнонимах... С. 415-419; *Трубачев О.Н.* 1) Из исследований по праславянскому словообразованию: генезис модели на *-ěpъlъ*, **-janъlъ* // Этимология. 1980. М., 1982. С. 13; 2) Этногенез и культура... С. 93-94.

41. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* О древних славянских этнонимах... С. 417-418.
42. В этой связи нам представляется совершенно некорректным предположение С.А. Иванова, согласно которому «вероятно, что имя славян возникло впервые среди славофонов, но применительно к какому-то другому, не славофонному, населению. Возможно, что первыми «славянами» были какие-нибудь ирано- или германоязычные группы» (*Иванов С.А.* «В тени Юстиниановых крепостей?»... С. 11).
43. *Новосельцев А.П.* Восточные славяне... С. 50.
44. *Maher J.P.* The ethnonym of the Slavs... P. 154.
45. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* О древних славянских этнонимах... С. 415.
46. Там же. С. 416-417.
47. Цит. по: *Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 7.
48. *Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства. С. 8. Соображения В.В. Мавродина о соотношении «автохтонного» и «миграционного» начал в процессе этногенеза, на наш взгляд, не утратили своего значения и по сей день: там же. С. 6-10.
49. Там же. С. 8.
50. *Клейн Л.С.* 1) Археологические признаки миграций (IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук, Чикаго. Доклады советской делегации). М., 1973; 2) Миграция: археологические признаки // *Stratum plus*. 1999. № 1. С. 52-71.
51. *Седов В.В.* 1) Славяне в раннем средневековье. С. 5-386; 2) Славяне. С. 199-574.
52. Такой вывод Ф. Курта сделал на основании того, что «склавинами» византийцы называли разные славянские общности, названия которых отразились в источниках (*Curta F.* The Making of the Slavs... P. 119). По его мнению, это говорит о том, что это имя было лишь обобщающим византийским названием для них, но не самоназванием их носителей. В конце книги ученый вновь возвращается к этой проблеме, однако прежняя двойственность в его утверждениях сохраняется: то он говорит о том, что «по-видимому, останется неизвестно, называли ли себя «склавинами» или «антами» какие-либо группы, жившие в поселениях того времени, исследованных румынскими археологами» (*Ibid.* P. 337), то, по его утверждению, «никакие «славяне» не называли себя этим именем» (*Ibid.* P. 349).
53. Выражаю признательность Е.С. Галкиной, акцентировавшей мое внимание на это обстоятельство.
54. *Anderson B.* Imagined communities: Reflections on the origins and spread of nationalism. London, 1983. Русский перевод: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Пер. В.Г. Николаева. М., 2001.
55. *Mapp Н.Я.* Этно- и глоттогония Восточной Европы. М.; Л., 1935.
56. С некоторыми расхождениями в определении конкретной даты выделения [пра]славянского языка первым тыс. до н. э. его возникновение датируют многие ученые (среди которых как сторонники, так и противники гипотезы

об исходном балто-славянском единстве). См., например: *Lehr-Splawiński T.* Szkic dziejów języka prasłowiańskiego // *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej.* Warszawa, 1958. № 3. S. 243-265; *Arumaa P.* Urslavische Grammatik: Einführung in das vergleichende Studium der Slavischen Sprachen. T. I. Heidelberg, 1964; *Senn A.* 1) The Relationships of Baltic and Slavic // *Ancient indo-european dialects.* Proceeding of the Conference on indo-european linguistics. Berkeley; Los-Angeles, 1966. P. 139-151; 2) Slavic and Baltic linguistic relations // *Donum Balticum.* The professor Christian S. Stang in the occasion of his seventeenth birthday. Stockholm, 1970. P. 485-494; *Birnbaum H.* Zur Problematik der zeitlichen Abgrenzung der Urslavischen. Über die Relativität der Begriffe Balto-Slavisch (Frühslavisch bzw. Spätgemeinslavischer Dialekt) Ureinzelslavine // *Zeitschrift für slavische Philologie.* 1970. № 35. S. 1-62; *Vasmer M.* Schriften zur slavischen Altertumkunde und Namenkunde. Wiesbaden, 1971. S. 73-99; *Филин Ф.П.* К проблеме происхождения славянских языков. С. 381 и сл.; *Lemprecht A.* 1) Praslovanština a její chronologické členění // *Československé přednášky pro VIII. Mezinárodní sjezd slavistů v Zahřebu.* Pr., 1978. S. 150 и сл.; 2) Praslovanština. Brno, 1987; *Golqb Z.* The Ethnogenesis of the Slavs in the Light of Linguistics // *American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists.* T. I. Linguistics. Colombus, 1983. P. 131-146.

57. См., например: *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951. С. 14 и сл., 38, 395; *Георгиев В.И.* 1) Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. Родственные отношения индоевропейских языков. М., 1958; 2) Пра-славянский и индоевропейские языки // *Славянская филология.* София, 1963; *Горнунг Б.В.* Из предьистории образования...; *Shevelov G.* Prahistory of Slavis. New York, 1965; *Бернштейн С.Б.* Некоторые вопросы методики изучения проблем этногенеза славян // *Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья.* М., 1984. С. 16 и сл.; *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура... С. 12-170.

58. См.: *White H.* 1) *Metahistory. The Historical Imagination in Nineteenth Century Europe.* Baltimore and London, 1973 (русский перевод: *Хейден Ваум.* Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002); 2) *The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation.* Baltimore, 1987.

59. По словам А.Л. Шлецера, слово «поднимают на этимологическую дыбу и мучают до тех пор, пока оно как будто от боли не издаст из себя стона или крика такого, какого хочет жестокий словопроизводитель» (*Шлецер А.Л.* Не-стор. Ч. II. СПб., 1816. С. 114-115). Эти слова звучат как никогда актуально и с полным основанием могут быть применены к современным постмодернистам и сторонникам разнообразных «деконструкторских» методик.

60. *Barth F.* Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries* / Ed. by F. Barth. Bergen, 1969. P. 9-38 (русский перевод: *Барт Ф.* Введение // *Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / Под редакцией Ф. Барта; Перевод И. Пищальникова.* М., 2006. С. 9-48); *Cohen A.* Custom and politics in urban Africa: A study of Hausa migrants in Yoruba towns. London, 1969; *Anderson B.* Imagined communities...; *The anthropology of ethnicity: Beyond 'Ethnic groups and boundaries'* / Ed. by H. Vermeulen, C. Govers. Amsterdam; Hague, 1994; *Jenkins R.* Rethinking ethnicity: Identity, categorization

and power // *Ethnic and Racial Studies*. London; New York. 1993. Vol. 17. № 2. P. 197-223; *Скворцова Н.Г.* Проблемы этничности в социальной антропологии. СПб., 1997.

61. См., например, *Wolfram H.* Das Reich und die Germanen: Zwischen Antike und Mittelalter, Das Reich und die Deutschen. Berlin, 1990; *Pohl W.* 1) Conception of Ethnicity in Early Medieval Studies // *Debating the Middle Ages: Issues and Readings*, Blackwell Publishers, 1998. P. 13-24; 2) Die Volkerwanderung: Eroberung und Integration. Stuttgart; Berlin; Köln, 2002; Aux origins d'une Europe ethnique. Transformations d'identités entre Antiquité et Moyen Age // *Annales: Histoire, sciences sociales*. 2005. T. 60. P. 183-208.

62. См., например: *Иванов С.А.* 1) Откуда начинать этническую историю славян? // *Советское славяноведение*. 1991. № 5. С. 3-13; 2) Славянская этничность как методологическая проблема // *Славяноведение*. 1993. № 2. С. 23-26.

63. *Иванов С.А.* «В тени Юстиниановых крепостей?»... С. 8.

64. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. С. 355.

65. Цит. по: *Иванов С.А.* «В тени Юстиниановых крепостей?»... С. 7.

66. См., например, его трактовку сведений «Чудес святого Димитрия Солунского» (Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. С. 97-181) о многочисленных нападениях славян на этот город, которые Ф. Курта отрицает: *Curta F.* The Making of the Slavs... P. 54.

67. *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Вступительная статья, перевод и комментарии Е. Ч. Скржинской. СПб., 2001. С. 84.

68. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. С. 351.

69. *Curta F.* The Making of the Slavs... P. 308.

70. О расселении славян на Балканах см.: *Седов В.В.* 1) Славяне в раннем средневековье. С. 148-169; 2) Славяне. С. 403-430.

71. *Curta F.* The Making of the Slavs... P. 339.

72. Более подробное, чем в рассматриваемой книге, обоснование этого тезиса содержится в статье Ф. Курты: *Curta F.* Invasion or inflation? Sixth- to seventh-century Byzantine coin hoards in Eastern and Southeastern Europe // *Annali dell'Istituto Italiano di Numismatica*. 1996. № 43. P. 65-224.

73. *Шувалов П.В.* Изобретение проблемы... С. 16-18.

74. *Curta F.* The Making of the Slavs... P. 189.

75. Тем не менее, *отдельные* наблюдения Ф. Курты весьма любопытны и заслуживают серьезного внимания. Например, его вывод о том, что лимес не погиб окончательно в самом начале VII в. и Империя защищала его до 620 г. (*Curta F.* The Making of the Slavs... P. 106, 189).

76. *Shramm G.* Ein Damm bricht: Die römische Donaugrenze und die Invasionen des 5-7. Jahrhunderts im Lichte von Namen und Wörtern. München, 1977.

Михаил НЕСИН

ГАЛИЦКОЕ ВЕЧЕ ПРИ ЯРОСЛАВЕ ОСМОМЫСЛЕ

Взаимоотношения галицкого веча с местным князем Ярославом Владимировичем Осмомыслом (1153-1187) являют собой одну из ярчайших страниц истории галицкой вечевой жизни и важны для понимания взаимодействия княжеской и вечевой властей в домонгольской Руси в целом.

Например, в событиях 6695 (1187) г., связанных с утверждением завещания умирающего князя, весьма четко проявляется городской и светский характер галицкого веча, наличие у него прочного права распоряжения местным княжеским столом. Однако ввиду того, что этот сюжет нами был недавно специально рассмотрен¹, в этой статье мы преимущественно обратимся к более ранним известиям о социальной активности галицких вечников в период княжения Ярослава Осмомысла. В них как нельзя лучше отразились взаимоотношения галицкого веча с князем, без понимания которых трудно адекватно понять как сущность тех прав, которыми обладали вечники, так и их самосознание в системе других органов власти земли.

В первый же год княжения Ярослава в феврале 6661 (1154) г.², перед боем с киевлянами под галицким пригородом Требовлем «Галичский же мужи почаша молвити князю своему Ярославу: ты еси молодежь, а поеди прочь и нас не позоруй како ны будеть отец твой кормиль и любиль, а хочемь за отца твоего честь и за твою головы свои сложити. И реша князю своему: ты еси у нас князь одинь, оже са тебе што учинить, то што намь деяти, а поеди, княже, к городу, ать мы ся бьем сами съ Изяславомь, а кто нас будеть живь, а прибегнеть к тебе, а тогда ся затворимь в городе с тобою» и тако послаша князя своего прочь, а сами поехаша биться»³.

Правда, в Лаврентьевской летописи выступление галичан в 1154 г. указано как дружинное: «Здумаша бояре Володимерковича и реша князю своему: ты еси оу нась князь одинь: оже тебе ся что створить, то что нам деяти, а поеди, княже к городу, ать мы беемся сами со Изяславомь, а кто нас будеть живь, а прибегнеть к тебе, когда ся затворим в городе с тобою»⁴.

Но показания источников в данном случае лишь дополняют друг друга. Княжьи бояре и «галицкие мужи» всех слоев относились к разным социальным категориям. Многозначность древнерусского слова

«боярин» (обозначавшего также княжских дружинников⁵) не отменяла разделения на княжских и вечевых бояр, как и вообще вечников всех слоев и дружины⁶. Разделение земских страт и дружины у восточных славян восходит к глубокой древности⁷, поэтому нет оснований приравнять галицких мужей из Ипатьевской летописи к дружине князя. Правда, П.С. Стефанович указал, что ниже в том же известии говорится о «галичанах», значит, галичане и княжьи бояре якобы в данном случае были тождественны⁸. Но «галичане» тут, скорее, указаны не в социальном плане, а в противовес киевлянам⁹. Примечательны, однако, «лутшие мужи», которых, по Ипатьевской летописи, киевляне подвергли особым условиям плена, явно в связи с их особым положением в обществе¹⁰. Притом в Лаврентьевской летописи лучшие мужи значатся как часть «их»¹¹ (*галицких «мужей», которых Изяслав пленил и посадил в колодки – М.Н.*). Рассказ о пленении галицких мужей и заточении их в колодки слово в слово читаем и в Ипатьевской летописи¹². Галицкие мужи здесь включают в себя и городской плебс, а лучшие (знатные) мужи – лишь часть их¹³. А.В. Майоров не приравнивает всех галицких мужей к дружине¹⁴, хотя, на мой взгляд, не стоит вслед за ним считать дружину вечевого знатью¹⁵. Дружина и вечники всех слоев просто были заодно, поэтому в одном списке сделали упор на одних, в другом – на других, выразив от их лица общий вердикт. Сходное явление находим и в других древнерусских источниках. Так, в преамбуле жалованной грамоты Смоленской епископии 1150 г. упомянуты лишь князь Ростислав Мстиславич с «людми своими»¹⁶, дружинниками¹⁷. В то же время т. н. «Похвала князю Ростиславу» XII в.¹⁸ гласит, что «князь сдума с бояры своими и людьми», с дружинниками и вечниками¹⁹. Но одно не исключало другого: концовка жалованной грамоты особо запрещала нарушать договор как князю, так и «людю»²⁰, вечу²¹, прочно считавшемуся способным распоряжаться землей²² (значит, его едва ли обошли и в столь важном государственном шаге).

Грубое невнимание к вечу в управлении волостью кончалось в то время для князей плохо²³). Русским князьям было присуще выносить на утверждение веча вопросы, постановку которых они предварительно обсуждали с дружиной, при этом функции веча и дружины не ущемляли друг друга²⁴. Отсутствие связующих советов князя с дружиной как раз грубо нарушало вечевого законность²⁵. Так что не удивительно, что в одной летописи упомянуты лишь галицкие дружинники, а в другой – вече. Особая роль галицкого веча в военном совете не случайна: для него было нормой при случае самому быстро формировать свои боевые «полки»²⁶. Дружина же, помимо роли княжских советников, в военную пору играла и роль профессиональ-

ных воинов. Важно, что мощь галицкого веча, его стремление проводить свою линию здесь неразрывно сочетались с неотъемлемым признанием им княжеского стола в системе органов местной власти, стремлением сохранить местную княжескую ветвь. Правда, согласно расхожему мнению, галичане зло оскорбили князя²⁷. Но, как показал А.В. Майоров, галичане искренне берегли Ярослава, даже желая при случае доверить ему руководство важной боевой операцией. Ученый подкрепил свои взгляды яркими примерами из древнерусской боевой практики²⁸. Сходные взгляды высказывал еще Н.П. Дашкевич²⁹. О том же убедительно писал и П.С. Стефанович, приведя дополнительную аналогию из древнерусской истории³⁰. Список таких аналогий можно продолжить³¹. Страх за молодого князя неразрывно сочетался как у веча, так и у дружины со страхом за свое дальнейшее существование без него («оже тебе ся что створить, то что нам деяти» / «оже са тебе што учинить, то што намъ деяти»)³². Вечники в добавок особо требовали, чтобы молодой князь не срамил их на поле боя, и особо подчеркнули его родство с его отцом, который «их кормиль и любиль»³³. Впрочем, галичане наряду с жителями других русских городов не мыслили себя без князя и в более позднее время³⁴. Стоит помнить и об архаичной традиции наследственного характера княжеской власти, которая не иссякла и со сравнительно поздним насаждением из Киева власти Рюриковичей³⁵. Вечники, в отличие от сравнительно мобильной дружины, были более кровно связаны с родной местностью, поэтому острее дружины воспринимали наследственность княжеской власти применительно к своему городу и сильнее боялись за репутацию своей земли и своего князя. Кроме того, несмотря на старую распрю с отцом Ярослава³⁶, имя его было для них неразрывно связано с важным этапом волостного развития³⁷. В событиях 1154 г. вече предстает сильным органом власти. Правда, А. В. Майоров связывал с именем Ярослава особое укрепление местного веча. Ученый сослался на статью Ипатьевской летописи под 6695 (1187) г., где, резюмируя правление умирающего князя, официальный летописец восторженно пишет о его доброте к церкви, нищим и успехах в войнах³⁸. Но это не говорит о проведении князем вечевых реформ, тем более, что летописец добавляет, что князь «и во всем законе ходя»³⁹ (в том ключе и указаны все его добродетели). И едва ли надо исключать из старых законов вече⁴⁰. Не случайно умирающий князь обращался к вечу не как к детищу, а как к сложившемуся органу власти, способному распорядиться княжением⁴¹.

Как показывают события 1154 г., эта сила веча, способного активно влиять на политику, сложилась вовсе не по личной воле Ярослава, проявив себя еще в начале его княжения. В этой связи ее стоит счи-

тать естественным результатом предшествующего развития, неразрывно связанного с выделением галицкой волости в первой половине XII в.⁴² Со становлением Галичины совпала и первая попытка галицких вечников распоряжаться своим столом в 6652 (в начале 1145) г.⁴³, когда они дружно пытались сместить отца Ярослава Владимира во время его отъезда на «ловы». Правда, Владимир вернулся и люто покарал галичан⁴⁴. М.Н. Тихомиров и П.С. Стефанович узрели здесь лишь частный пример тогдашней общерусской борьбы городов за «городские вольности»⁴⁵. А.В. Майоров, напротив, верно связал это с идущим в то время процессом выделения Галичины из юго-западных земель Руси. Приняв теорию И.Я. Фроянова об этапах формирования городских волостей, ученый связал эту «общинную революцию» с общерусскими процессами XII в.⁴⁶, но поскольку прочное господство города над землей четко прослеживается в источниках еще как минимум с начала XI в.⁴⁷, галицкий мятеж 1145 г. можно сравнить с новгородской смутой 6579 (1071) г., так же кончившейся победой князя и тоже происходившей на фоне укрепления политического значения новгородцев. Даже религиозная форма той распри прямо подчинялась борьбе киевоцентристских и центробежных тенденций⁴⁸. Христианство в Новгороде ввели насильно, для подчинения края Киеву⁴⁹, и возврат к языческой символике имел для горожан политический смысл. Недаром, хотя сами проповеди волхва увлекли лишь «мало не всего града», за ним пошли «людие вси», все городские вечники⁵⁰. Причем «градом» здесь названы только они⁵¹. В новгородское социальное понятие города не входили и местные выборные лица. Об этом говорит преамбула Новгородской Судной грамоты: «Доложа господы великих князей, великого князя Ивана Васильевича всея Руси, и сына его, великого князя Ивана Ивановича всея Руси, и по благословенью нареченнаго на архиепископство Великого Новагорода и Пьскова священноинока Феофила. Се покончаша посадники Ноугородцкие, и тысячцкие Ноугородцкие, и бояря, и житьи люди, и купци, и черные люди, вся пять концов, весь государь Велики Новгород»⁵².

Здесь отождествляются городские вечевые слои и «Великий Новгород». Члены осподы в это понятие не входили, иначе бы здесь были перечислены все их чины, чего, однако, не наблюдается. Пришельцы из Киева в Новгороде тем более не входили в понятие «града». Да и вообще понятие «город» в Древней Руси в качестве социальной общности означало именно совокупность горожан-вечников: так, под тем же 1145 г. «галичань» противопоставлены всей местной дружине, которую «сзькупи» отец Ярослава, а еще под 5604 (1096) г. киевские вечники названы «людми градьскими» в противовес тамошним княжьим «мужам» и духовенству⁵³. Что касается бывших в Новгороде

князя с дружиной, те, в свою очередь, проявили верность Киеву, дружно встав за христианство лишь по особому зову присланного из Киева епископа⁵⁴. При этом, несмотря на то, что эта распря, как и движение галичан в 1145 г., кончилась победой князя, в ней сказались силы родового веча, все больше принимавшего государственное значение.

Уже скоро новгородцы добьются права избирать себе посадника из своей среды⁵⁵. Вот и галичане уже к 1154 г. так окрепнут, что для них станет типично влиять на князя.

О дальнейших отношениях галичан с князем мы не знаем⁵⁶, но они были натянутыми (надо помнить, что при всей естественности властного влияния веча на управление землей, текущими административными делами ведали князь и дружина. Это обеспечивало взаимную «зависимость»⁵⁷ городских органов власти, но порой и вызывало ссоры). Уже в 6667 (1159) г. галичане, пользуясь межкняжеской распрей, в очередной раз призвали Ивана Берладника, но Ярослав, как и его отец, победил Ивана. Досталось и союзнику Ивана, Изяславу Давыдовичу Киевскому, откровенно жаждавшему поставить край под контроль Киева. Это обычно принимают за проигрыш галицкого веча⁵⁸. В самом деле, Ярослав остался княжить, прогнав Берладника в союз с волынцами. Но, на наш взгляд, галичане и сами были этому рады. Летописец привел их требование, чтоб Иван повел их на бой с Ярославом: «веляче ему всести на коне, и темь словомъ поушивають его к себе, рекуче: толико явиш стягы, и мы оступимъ от Ярослава»⁵⁹.

Поведение Ивана, однако, весьма четко прослеживается в том же источнике. Он просто проигнорировал галичан, а в завоевании галицкого стола оперся лишь на союз с Киевом⁶⁰, то есть выступил в роли прокиевского завоевателя (тогда как Киев и сам по себе издавна стремился навязать Галичу свою волю, а лишь пять лет назад киевляне страшно разорили галицкую землю). А это едва ли могло не ослаблять доверия галичан к Ивану. По традиции тех лет, князь, садясь княжить в русском городе, заключал с местным вечем «ряд»⁶¹. Это действовало по всей Руси. Даже в 6760 (1252) г., когда Александр Ярославич был посажен ханом на великое княжение во Владимире, он заключил с владимирцами «ряд»⁶², хотя тогда это уже было чистой формальностью: Северо-Восточная Русь еще не оправилась от погромов Неврюевой рати, посланной тем же ханом против непокорных местных князей⁶³. Ряды заключались и в Галиче. Даже когда в 6696 (1188) г. венгры фактически завоевали город⁶⁴, их король заключил с местным вечем формальный ряд⁶⁵. Иван же вовсе проигнорировал галичан. К тому же совсем недавно он в союзе с половцами разорил юг Галичаны⁶⁶. А. В. Майоров пишет, что верные ему галичане призвали его «даже» после этого⁶⁷. Но, грубо наплевав на галицкую вечевую

законность, князь снова стал недругом. Поэтому потом галичане не мешали Ярославу остаться, а тот, как видно из дальнейших событий, продолжал быть законным, с точки зрения вечников, князем, должным, в свою очередь, считаться с вечем.

Уже в 6881 (1170/71) г.⁶⁸ галицкое вече вновь выступило мощной силой в ходе конфликта с Ярославом, который при живой жене с законным сыном Владимиром зажил с некой Анастасией, от которой имел сына Олега. Не остались в стороне и князьи бояре⁶⁹ (ту их часть, что осталась в Галиче, летописец назвал «иная дружина»⁷⁰). Часть дружины уехала с изгнанной князем законной женой, вторая осталась в Галиче, отправляясь затем к изгнаннице в качестве делегатов от князя Святополка, хотевшего примирить с ней Ярослава. Возможно, наличие «приятелей» Ярослава из «Чарговой чади» мешало им действовать более решительно. Решающую роль в этих событиях сыграло вече. Когда в дело вмешался волынский князь, вечники всех слоев⁷¹ дружно избили «Чаргову чадь», Анастасию сожгли, Олега отправили в заточение, а Ярослава привели к клятве на кресте, чтобы тот был верен законной жене «и тако уладивъшеся»⁷² (ибо в остальном он галицкое вече тогда в целом устраивал)⁷³.

Оценивая казнь Анастасии, И.Я. Фроянов и А.Ю. Дворниченко связали ее с древними языческими нравами⁷⁴. Безусловно, сама практика сожжения осужденных опиралась на архаичные суеверия⁷⁵, но в основе ее даже в древности было сильно прагматическое стремление к избавлению общества от неугодных элементов⁷⁶. Да и сам гнев галичан укладывается в рамки христианской доктрины, строго требовавшей, в отличие от былого язычества, супружеской верности в законном браке даже при отсутствии любви между повенчанными (князь же взял жену прежде всего по политическому расчету, для укрепления связей с ростово-суздальской княжеской ветвью). Кроме того, степень терпимости вечников к личному благочестию князя зависела от общего характера их отношений с этим правителем. Изгоняя в 6696 (1188) г. законного сына Ярослава, галицкие вечники заодно осудили его за сильное распутство и пьянство⁷⁷, хотя, конечно, главным его грехом сочли неуважение к вечевой законности⁷⁸. Важно также, что гнев галицкого веча против Анастасии проявился именно с вмешательством волынского князя, обещавшего законному сыну Ярослава Владимиру галицкий пригород Червен в кормление⁷⁹. Внебрачные связи Ярослава на сей раз стали государственной проблемой и уже более не сносились. При этом слаженность веча показывает, что галичане-вечники сердились и раньше, но до поры терпели. Нелюбовь к внебрачному сыну Осмомысла они сохраняют и позднее. Правда, Ярослав сумел помирить их с Олегом и даже убедить передать ему галицкий

стол. Тут сказалося снятие внешнеполитической напряженности вокруг последствий княжеского романа⁸⁰. Кроме того, Ярослав все же устраивал галичан в качестве князя⁸¹. В домонгольской Руси князьям, хорошо уживавшимся с местным вечем, прощалося сравнительно многое⁸². Скорое изгнание Олега уже было вызвано его личными административными промахами⁸³. Не сразу прижился в Галиче и законный сын Ярослава Владимир, уже в 6696 (1188) г. вынужденный уйти от галицкого веча «с дружиною»⁸⁴ за то, что, не советуясь с нею, рвал и связь с вечем. Правда, значительная часть галичан решила придать изгнанию князя сравнительно мирный вид, сказав, что оставит его, если он бросит попадью и выберет себе законную жену, подобающую по статусу⁸⁵. Летописец даже заклеил их именем княжьих «приятелей»⁸⁶, хотя они были таким же врагами Владимира и сторонниками вокняжения Романа Мстиславича⁸⁷. По той же летописи, они наперед «ведаючи, аж емоу [Владимиру] не пустити попадьи»⁸⁸. Так и случилось. Князь убежал с ней и с дружиной. Тем более, что те т.н. «приятели» Владимира была так сильны, что никто на вече «не смеша» с ними спорить⁸⁹. В то же время все галичане жили «с князем не добро» и выжили Владимира во главе с теми же своими согражданами. Скорое возвращение князя было связано с бесчинствами венгров-католиков, избавившись от которых, галичане стали искать себе «русского» князя. Владимир же прибыл как союзник могущественного великого русского князя Всеволода Юрьевича, а с той ветвью князей Галич был в давнем союзе. Этим, видимо, объяснима «радость», с которой галичане впустили Владимира, спустив ему и то, что тот раньше наслал на них венгров. Сев в Галиче, Владимир заключил выгодный договор с Всеволодом, чтобы тот помогал удерживать его и «весь Галич» от нападений⁹⁰, что было выгодно и для галицкого веча, «всего галича», уставшего от недавних захватчиков. К тому же Галичина избавилась от остатков старой зависимости от Киева⁹¹. Неудивительно, что Владимира не гнали до его смерти. Это показывает относительную терпимость древнерусского веча к угодному для него князю, сказавшуюся и в изучаемый нами период княжения Ярослава.

Уже к началу его правления галицкое вече предстает сложившимся властным органом, наряду с дружиной не пустив князя в бой. При том вечники проявили себя наиболее кровно связанными с родной местностью, что отразилось и на их требованиях, и на характере социальной терминологии (именно они особо связывались с именем родного города). Прежнее усиление государственного значения галицкого веча прямо совпало с процессом выделения Галичины в первой половине XII в. При этом галицкое вече не мыслило себя без наличия в городе княжеского стола, спуская угодному князю сравнительно многое.

В 1159 г. Ярослав, вопреки расхожему мнению, остался в Галиче по воле самого веча, отвергнутого грубого прокиевского завоевателя. Вечевая казнь Анастасии была вызвана тем, что супружеская неверность князя обернулась государственной проблемой, и вече перестало терпеть нарушения им христианской доктрины. Но затем в более мирное время оно приняло у себя внебрачного сына своего любимого князя. Изгнание Владимира было общегородским, партия его «приятелей» лишь выжила его без боя. Особой группы «приятелей» Владимира не было вовсе, его приняли все после изгнания венгров, приход которых фактически носил захватнический характер. Странники у них нашлись не сразу, да и то из числа запуганных ими⁹².

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Несин М.А.* Галицкое вече в событиях 1187-1188 гг. // Международный исторический журнал «Русин» [Кишинёв]. 2009. № 3 (17).

2. *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 156.

3. ПСРЛ. Т. II. М., 2000. Стб. 465-466.

4. ПСРЛ. Т. I. М., 2000. Стб. 340.

5. *Завадская С.В.* «Болярин»-«боярин» в древнерусских письменных источниках // Древнейшие государства на территории СССР. 1985 год. М., 1986.

6. ПСРЛ. Т. I. Стб. 126; ПСРЛ. Т. II. Стб. 474, 656-657, 659-660. Подробнее об этом см.: *Несин М.А.* Галицкое вече...

7. О древней социальной и территориальной оторванности русской дружины от земских страт см.: *Алешиковский М.Х.* Повесть временных лет. М., 1971. С. 122-129; *Алексеев Л.В.* Смоленская земля. М., 1980. С. 107, 111-112; *Горский А.А.* Древнерусская дружина. М., 1989. С. 25. Весьма интересны соображения А.В. Петрова о корнях архаичной традиции экстерриториальности восточнославянского княжьего двора: *Петров А.В.* От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы (к изучению древнерусского вечаемого уклада). СПб., 2003. С. 139-140. Видимо, разница между земской и дружинной элитой имеет древние местные корни и не связана с иноземным происхождением Рюриковичей. Ср.: *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999. С. 167. Прим. 1. Древнее разделение дружины и свободных общинников известно и у германцев: *Неусыхин А.* Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному (на материалах истории Западной Европы раннего средневековья) // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968.

8. *Стефанович П.С.* Отношения князя и знати в Галицком и Волынском княжествах до конца XII в. // Средневековая Русь (Далее – СР). М., 2007. Вып. 7. С. 186.

9. Такие случаи были по всей Руси. Так, в XII-XIII вв. Новгородская I летопись старшего и младшего изводов (далее НЛ) называет в числе новгородцев и рушан гридь с огнищанами (НЛ // ПСРЛ Т. III. М., 2000. С. 32, 43,

73), которых Б.Н. Флоря убедительно отнес к дружине (Флоря Б.Н. «Сотни» и «кущи» в Новгороде XII-XIII вв. // СР. М., 2006. Вып. 6. С. 67-68. Прим. 5). Хотя дружинники не входили в состав местного веча, живя отдельно на княжем дворе, они были больше в Прильменье своими, чем противопоставляемые в этих известиях «новгородцам» чужой малознакомый князь и враги из других земель. Или, например, в битве на Калке участвовали «волынцы» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 741), хотя речь шла не о всех жителях Волынской земли, а о том, чтоб их отделить от людей из иных земель: Несин М.А. Галицкое вече... С. 32-33.

10. ПСРЛ. Т. II. Стб. 467. Интересно, что их взяли в Киев живьем, тогда как иных пленных галичан убили. Их, видимо, взяли в «тали» для шантажа Галичины (об этой традиции на Руси см.: Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. СПб., 2001. С. 285-286).

11. ПСРЛ. Т. I. Стб. 340.

12. ПСРЛ. Т. II. Стб. 466-467.

13. См. также: Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 138. Прим. 200.

14. Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. С. 246.

15. Там же. Собственно, на такой работе с источниками во многом и держится вся его теория о существовании в Киевской Руси некоей особой боярской думы: Несин М.А. Галицкое вече... С. 42. Прим. 31. Об общей ошибочности данной теории см. также: Журавель А.В. О школе И.Я. Фроянова. Размышления о будущем // <http://www.hrono.ru/statii/2003/shkola.html>

16. Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. / Отв. ред. Л.В. Черепнин. М., 1976. С. 141.

17. Алексеев Л.В. Смоленская земля. С. 114. Правда, княжых «людей» здесь чаще считают вечниками (см., например: Голубовский П.В. История смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895. С. 222; Тихомиров М.Н. Древнерусские города. СПб., 2008. С. 220; Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. С. 211 и др.). Есть также мнение, что русские дружинники сами и были вечниками, не пуская на вече никого более (Вилкул Т.Л. «Людь» и князь в конструкциях летописцев XI–XIII вв. Киев, 2007), но это убедительно опроверг П.В. Лукин: Лукин П.В. Деконструкция деконструкции. О книге Т.Л. Вилкул по истории древнерусского веча // *Scrinium*. Т. 4: *Patrologia Pacifica and Other Patristic Studies* / Edited by V. Varanov and B. Lourié. СПб.: 2008. Некоторые замечания о составе вечников и вечевых площадях см. также: Несин М.А. Галицкое вече... С. 32. К тому же, как мы увидим из т. н. «Похвалы князю Ростиславу», вече и княжьи люди здесь, как и в других землях Руси, – разные и не пересекающиеся категории.

18. Сумникова Т.А. Повесть о великом князе Ростиславе Мстиславиче Смоленском и церкви в кругу смоленских источников XII в. // Восточнославянские языки: источники для изучения. М., 1973; Щапов Я.Н. Похвала князю Ростиславу Мстиславичу как памятник литературы Смоленска XII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1974. Т. XVIII.

19. Щапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси в XI-XV вв. М., 1972. С. 142.

20. Правда, И.Я. Фроянов и А.Ю. Дворниченко, наоборот, считают княжских «людей» из преамбулы грамоты соответствующим не боярам, а вечевым «людям» «Похвалы» (Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. С. 221), но понятие «люди» на Руси включало в себя всех свободных «мужей» (там же. С. 140), поэтому вполне подходило и для обозначения элиты. В «Похвале» же княжи «люди» названы «боярами», очевидно, в противовес сравнительно пестрой в социальном отношении массе вечников. При этом «Похвала» весьма четко отделяет княжских людей от вечников.

21. Древнерусские княжеские уставы. С. 144.

22. О значении слова «людие» см.: Покровский С.А. Общественный строй древнерусского государства // Труды Всесоюз. заоч. юрид. ин-та. М., 1970. Т. 14. С. 61.

23. ПСРЛ. Т. II. Стб. 657; НЛ. С. 24, 209. Об этих событиях см. также: Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. С. 276; Алексеев Ю.Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины) // Исторические записки. М., 1979. Т. 103. С. 260; Несин М.А. Галицкое вече... С. 40-41. Примеч. 25.

24. Примечательно, например, утверждение завешания Ярослава Галицкого в 6695 (1187) г.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 656-657. Подробнее об этом см.: Несин М.А. Галицкое вече... С. 32-34.

25. Несин М.А. Галицкое вече... Сходные мысли высказывал ранее А.В. Майоров, с привлечением удачного сюжета из древнерусской практики (Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. С. 276.), хотя и относил это к предполагаемой им «боярской думе», а не к типичным вневечевым советам князя с дружиной.

26. Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. С. 283. ПСРЛ. Т. II. Стб. 460. Да и в обычное время земское ополчение имело свои воинские подразделения. Не ясно, правда, выбирало ли оно себе воевод или нет (см. противоположные мнения на сей счёт: Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. С. 276; Лукин П.В. Древнерусские «вои» в начальном летописании // СР. М., 2004. Вып. 5). П.В. Лукин верно указал на отсутствие на сей счет прямых данных. Впрочем, ученый справедливо призвал рассматривать этот вопрос на фоне общего изучения древнерусского вечевого уклада (там же С. 58), но при этом сам он вече не считает законным органом власти, в чем, на наш взгляд, не прав, и что противоречит ряду его собственных ключевых выводов: Несин М.А. Галицкое вече... С. 35, 42-43. Прим. 34.

27. Историографию данного вопроса см.: Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. С. 244-250. См. также: Толочко П.П. О «крамоле безбожных бояр галичских» // Київ і Русь. Выбрані твори 1998-2008 рр. Київ, 2008. С.336.

28. Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. С. 246.

29. Дашкевич Н.П. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873. С. 20.

30. Стефанович П.С. Отношения князя и знати... С. 186-190. При том трое вышеназванных ученых вовсе не «облагораживают» галичан (ср. Толочко П.П. О «крамоле безбожных бояр галичских». С. 340). Наоборот, в их трудах те боятся не столько за князя, сколько за себя без него.

31. Например, в 6748 (1240) г. козляне сами защищали город, без участия своего любимого князя-ребенка. ПСРЛ. Т. II. Стб. 781.

32. ПСРЛ. Т. I. Стб. 340; ПСРЛ. Т. II. Стб. 465.

33..ПСРЛ. Т. II. Стб. 465.

34. *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 154. «Без князя город [Галич] и земля жить не могли», – заключает и П.П. Толочко: *Толочко П.П.* О «крамоле безбожных бояр галичских». С. 340. Совсем без князя не мыслил себя и в Новгороде: прим. 35. Это перекликается с выводами А.Е. Преснякова о том, что «видно, как и зависимость князя от веча, так и малая дееспособность веча без князя: *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. М., 1993. С. 399.

35. О древних наследственных княжеских династиях у восточных славян см., например: *Жих М.И.* О предыстории Волынской земли (VI – начало X века) // Международный исторический журнал «Русин» [Кишинёв]. 2008. № 3-4 (13-14). Не были исключением и славяне будущей Новгородской земли: *Фроянов И.Я.* Мятёжный Новгород. СПб., 1992. С. 57-71. Притом эта традиция давала о себе знать и в дальнейшем. В том же Новгороде на рубеже XI-XII вв. было стремление «вскормить» себе княжескую династию, хотя поведение Всеволода Мстиславича в итоге сильно повлияло на становление «вольного в князьях» местного знаменитого вечевого строя. Изгоняя Всеволода, новгородцы обвиняли князя в конкретных проявлениях небрежения к местным порядкам, а затем призвали нового князя: НЛ. С. 24, 209. Об этих событиях см.: *Андреев В.Ф.* Северный Страж Руси. Л., 1989. С. 39-40. Тем более, что наличие княжеского стола в этом городе было неотъемлемым для горожан и в период т. н. «расцвета» республики (*Петров А.В.* От язычества... С. 224-237). О неотъемлемой роли княжеского стола в системе новгородской государственности в республиканский период ныне писал и В.Л. Янин: *Янин В.Л.* Новгородские посадники. М., 2003. С. 7.

36. Речь идет об известном случае, когда галичане, воспользовавшись его отъездом на «ловы», дружно пустили к себе княжить Ивана Берладника, но старый князь с дружиной отвоевал город и покарал многих горожан (ПСРЛ. Т. II. Стб. 317). Причину столь сильного недовольства горожан своим князем видят в обременительном для земли поражении в недавней войне с Киевом (*Мавродин В.В.* Народные восстания в Древней Руси XI-XIII вв. М., 1961. С. 103). Это, правда, не означает любви галичан к самому Киеву, наоборот, те скорее тяготились его властными притязаниями (см. прим. 37). Да и в отмеченном В. В. Мавродиным «ропоте» галицких воинов (*не обязательно только вечников – М.Н.*) виден лишь страх за свои дома перед заведомо сильнейшим лютым врагом (ПРСЛ. Т. II. Стб. 317), а не раскаяние в войне с ним (тогда уже явно провальной).

37. «Како ны будеть отць твои кормиль и любиль, а хочемъ за отца твоего честь и за твою головы свои сложити»: ПСРЛ. Т. II. Стб. 465-466. Что касается «чести» обоих князей, тут явно во многом имелись в виду события последних месяцев. Перед своей внезапной смертью Владимир весьма резко вел себя с киевским послом, чем спровоцировал новую войну с Киевом, поддержанную и его молодым сыном (ПСРЛ. Т. I. Стб. 338-340). Притом

оба князя, вне зависимости от степени своего своенравия, объективно выступили в интересах независимости своей земли от Киева, поэтому защита их чести была для галичан синонимом защиты края. Понятна и княжья «кормежка» галицких вечников. С вокняжением Владимира в Галиче город стал центром большой земли, обогащаясь за счет нее и упрочения ее положения среди других русских земель.

38. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 264.

39. ПСРЛ. Т. II. Стб. 656.

40. Права, на наш взгляд, И.Я. Фроянов и А.Ю. Дворниченко, отметившие отсутствие данных о «принципиальном изменении в общественном строе Юго-Западной Руси во времена княжения Ярослава»: *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 143. Прим. 224. К этому склоняет и судьба местной церкви. Известно, что Галицкую епископию утвердили либо в 1156 г., либо еще в 1140-е гг.: *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. М., 1904. Т. 1/1. С. 691–695; Т. 1/2. С. 306, 750–751. Но даже если верна поздняя дата (*Poppe A.* L'organisation diocésaine de la Russie aux XI – XII siècles // *Byzantion* 1971. N 40. (1970)), все фактически было подготовлено при Владимире Володаревиче. Восхваляя умирающего Ярослава, местный летописец хвалит его за кротость к церкви, но молчит о его вкладе в ее развитие (ПСРЛ. Т II. Стб. 656), а кафедральный собор был заложен еще до вокняжения Ярослава (*Иоаннисян О.М.* Основные этапы развития галицкого зодчества // *Древнерусское искусство.* М., 1988: *Худож. культура X – 1-й пол. XIII в.* С. 49). Еще при Владимире с 1140-х гг. началось галицкое летописание: *Зиборов В.К.* Русское летописание XI - XVII веков. СПб., 2002. С. 95. Так что Ярослав реально принял уже сложившееся государство и «ходил» в «законе» его. Сходную мысль высказал еще М.С. Грушевский, приведя летописные данные о предсмертном полведении Владимира (*Грушевський М. С.* *Історія України-Руси.* Т. 2. Львів, 1905. С.434-435).

41. См. прим. 24.

42. *Котляр Н.Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX-XIII вв. Киев, 1985; *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси; *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. И.Я. Фроянов и А.Ю. Дворниченко возводят этот процесс к началу XII в., в то время как Н.Ф. Котляр и А.В. Майоров, наоборот, относят реальное формирование галицкой волости уже к 1140-м гг. Действительно, важной вехой будет 1140 г., когда Галич с Требоволем переходит отцу Ярослава Владимиру Володаревичу Перемышльскому и становится центром большой земли. Важно и то, что формирование волости показано этими авторами на фоне падения киевской власти над краем. Еще во времена Любечского съезда 1097 г. центром округа был Требоволь, который полагалось «держать» Васильку Ростиславовичу. Но в середине XII в. Галич уже сильный волостной центр: *Котляр Н.Ф.* Формирование территории...; *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 135-138. При этом уже с 1140 г. во власти Галича оказался и Требоволь, быстро утративший былую силу. Уже в 1154 г. галичане вбежали в «свой Требовель» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 467). Анализируя этот оборот, И.Я. Фроянов и А.Ю. Двор-

ниченко верно сочли его знаком прочного господства главного города над землей (*Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 136), правда, тут же они заявили об общевосточном характере власти в крае (там же), но разнесшийся вскоре «плач велик по всей земли Галичестеи» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 468) связан не с волостным вечем, а с тяготами страшного разгрома. О преимущественно городском характере русского ополчения тех лет и бесправии в нем волошан см.: *Лукин П.В.* Древнерусские «вои»...

43. *Бережков Н.Г.* Хронология... С. 146.

44. ПСРЛ. Т. II. Стб. 317.

45. *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города... С. 216; *Стефанович П.С.* Отношения князя и знати... С. 186.

46. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 190-211.

47. *Лукин П.В.* 1) Вече, «племенные» собрания и «люди градские» в начальном русском летописании // СР. М., 2004. Вып. 4; 2) Древнерусские «вои»... Хотя ведущая роль города видна и раньше. См., например, о господстве городов у словен и древлян: НЛ. С. 106; ПСРЛ. Т. I. Стб. 58-59 или естественной для середины X. в. четкой иерархии волынских поселений: *Жих М.И.* О Предыстории... С. 37-44. С середины X в. обороты «поляне», «словене» уже формально уступают первенство ощутимо связанным с городами «киевлянам», «новгородцам» и т. д.: *Лукин П.В.* Вече, «племенные» собрания и «люди градские»... При том сохранение старых терминов и в более позднее время, в откровенно городском значении (ПСРЛ. Т. I. Стб. 150-151; *Лукин П.В.* Древнерусские вои... С. 32), склоняет к тому, что они и при первых Рюриковичах уже не имели обще«племенного» значения. Взятие Киевом юго-западных восточнославянских городов уже под 6489 (981) г. было синонимом подчинения всего края: ПСРЛ. Т. II. Стб. 69.

48. *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 539; *Фроянов И.Я.* Мятёжный Новгород... С. 173-185; *Петров А.В.* От язычества... С. 109-110. Правда, пока еще выступления новгородцев не посягали на само наличие киевского князьего наместничества (*Печников М.В.* Новгородское княжение Игоря Святославовича // Новгородика - 2008. Вечевая республика в истории России: материалы международной научно-практической конференции 21–23 сентября 2008 г. Ч. 1 / Сост.: Д.Б. Терешкина, Г.М. Коваленко, С.В. Трояновский, Т.Л. Каминская, К.Ф. Завершинский. Великий Новгород, 2009. С. 65.). Но это не умаляло их рвення усилить авторитет местных сил в управлении краем, что мы увидим на примере скорой участи тамошнего посадничества (отмеченной тем же М.В. Печниковым как знак наличия у новгородцев собственных четко выраженных политических интересов: *Печников М.В.* Указ. соч. С. 65. Не ясно лишь, чем все это «противоречит» идее И. Я. Фроянова.: там же. Напротив, И.Я. Фроянов сам четко показал, что в то время новгородцы еще ладили с князьями-наместниками, если находили их отвечающими интересам земли: *Фроянов И.Я.* Указ. соч. С. 183.)

49. *Янин В.Л.* Летописные рассказы о крещении новгородцев (о возможном источнике Иоакимовской летописи) // Русский город / Под редакцией В. Л. Янина. М., 1984. Вып. 7; *Фроянов И.Я.* Мятёжный Новгород... С. 107-147.

50. НІЛ. С. 196. См. об этом: *Фроянов И.Я.* Мятёжный Новгород... С. 175. Прим. 140. О значении слова «людие» см. прим. 22.

51. Правда, И.Я. Фроянов почему-то включил в это понятие также всех тамошних киевских наместников (*Фроянов И.Я.* Мятёжный Новгород... С. 175. Прим. 140). Любопытно, что сам ученый верно подчеркивал проявившуюся в той распри разнь между новгородскими вечниками всех слоев и киевскими наместниками. А наличие в Новгороде того времени неортодоксальных язычников вполне понятно. Еще до крещения города в нем был христианский центр. С крещением города его разорили, обвинив в прокиевской позиции (*Янин В.Л.* Летописные рассказы о крещении новгородцев...), но само его предварительное устойчивое бытование в системе языческих городских частей говорит о раннем проникновении в Новгород христианства.

52. Российское законодательство X-XX веков. Т. 1. М., 1984. С. 304.

53. ПСРЛ. Т. I. Стб. 229-230; Т. II. Стб. 317. См. об этом: *Дашкевич Н.П.* Княжение Даниила Галицкого.... С. 9; *Лукин П.В.* «Вече», «племенные» собрания и «люди градские»... С. 119-120. Кстати, и в более поздней галицкой вечевой практике именем города и земли тоже названы именно земские страды. См., например: ПСРЛ. Т. II. Стб. 656-657, 659-660. Подробнее об этом см.: *Несин М.А.* Галицкое вече...

54. НІЛ. С. 196.

55. *Янин В.Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 54-62.

56. Известно лишь, что вскоре Галич дважды воевал с Киевом (ПСРЛ. Т. II. Стб. 479, 486), но вече в этой связи не указано, а сам Ярослав в тех войнах слушался Юрия Долгорукого (там же. Стб. 479), поэтому судить здесь об особой, а тем более ведущей галицкой вечевой политике, как это порой делают (*Фроянов И.Я.*, *Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 138), мы не будем, тем более, что инициаторами войн и предводителями войск как раз обычно были князья. Случаи вечевого протеста княжым призывам источники отмечали особо. Характерен известный случай, когда, оказавшись без князя, киевские воины не «всеи» слушали воеводу - «боярина» как лицо не княжьего рода и чина. (ПСРЛ Т. 2. Стб. 426).

57. *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. С. 399.

58. П.С. Стефанович даже привел это как довод в пользу наиболее частого отождествления «галичан» с дружиной (*Стефанович П.С.* Отношения князя и знати... С. 191), вече же якобы могло лишь редко буянить, всегда проигрывая. Но проведенная ученым аналогия с событиями 1145 г. неудачна, ибо не учитывает процесс становления Галичины с усилением государственной мощи галицкого веча. Иногда наоборот почему-то пишут об активности лишь одной из вечевых партий (*Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Т. 2. С.446; *Фроянов И.Я.*, *Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 139), или что Ивана любил лишь городской плебс (*Котляр Н.Ф.* Формирование территории... С. 106), хотя к Ивану через стену прыгали лишь селяне-смерды, да и то не через галицкую, а ущицкую (ПСРЛ. Т. II. Стб. 499). П.П. Толочко связал галичан лишь с дружиной, отмечая какую-либо силовую военную мощь галицкого веча (*Толочко П.П.* О «крамоле безбожных бояр галичских». С. 336). Безусловно, дружина издревле играла у восточных сла-

вян важную роль в бою: (См., напр., Рассуждения древнейшего новгородского сводчика о славянской боевой старине: НПЛ. С. 105., или о естественном оставлении земских страт в городе во время походов Святослава: ПСРЛ. Т. 1). Поэтому нет нужды говорить о безусловной высшей военной власти земского ополчения (*Фроянов И.Я. Дворниченко А.Ю.* Указ. соч. Ср: *Лукин П.В. Древнерусские «вои»...*). Но, как мы увидим на примере событий 1170/71 и 1188 гг., галицкое вече тоже было мощной боевой силой (в первом случае именно вече, а не дружина, смогло силой разрешить долгий конфликт, а во втором - дружина фактически была вынуждена бежать от него с князем), поэтому походя отметить его силовую значимость едва ли верно. Но все эти авторы едины в том, что Ярослав остался не с согласия «галичан».

59. ПСРЛ. Т. II. Стб. 498.

60. ПСРЛ. Т. II. Стб. 498-500. Это подчеркнули еще И.П. Крипякевич и Н.Ф. Котляр, хотя все автоматически списали лишь на волю Ярослава (*Крип'якевич И.* Галицко-волинське князівство. Київ, 1984. С. 74; *Котляр Н.Ф.* Формирование территории... С. 106).

61. *Сергеевич В.И.* Вече и князь. М., 1867. С. 32-33, 38; *Паушто В.Т.* Черты политического строя Древней Руси // Новосельцев А.П., Паушто В.Т., Черепнин Л.В. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

62. ПСРЛ. Т. I. Стб 473. Ю.А. Лимонов обосновано счел это следом старых вечевых порядков, не сразу добытых даже в годы монгольского ига, когда судьбу русского великого княжения утверждал хан: *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1987. С. 145.

63. ПСРЛ. Т. I. Стб 473; ПСРЛ. Т. VI. Вып. I. М., 2000. Стб. 327-328; ПСРЛ. Т. X. М., 2000. С. 138-139.

64. См., например: *Зубрицкий Д.И.* История древнего Галицко-Русского княжества. Ч. 2. Львов, 1852. С. 29; *Паушто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 180; *Котляр Н.Ф.* Формирование территории... С. 86. С ними полемизирует А. В. Майоров, указав, что король заключил с галичанами ряд (*Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 282). Заключение ряда и вправду было связано с древнерусскими вечевыми традициями, в домонгольский период носившими общерусский характер (там же), но здесь это было чистой формальностью, ведь, по основанному на той же летописи признанию того же автора, венгерский король завоевал Галичину для Владимира Ярославича, но потом самовольно посадил туда своего сына-католика, в Галиче же венгры себя грубо вели по отношению к местному населению (*Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 284-288. Ср.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 662-665). Для мотивации любви галичан к венграм А. В. Майоров пишет о галицко-венгерском походе против Романа Мстиславича (*Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 284), но летопись не раскрывает реальную роль галичан в этой акции и вообще не говорит ни о какой любви галичан к венграм. Более того, среди немногих противников решительного изгнания венгров из города были лишь те, чью родню венгры взяли в заложники. Причем этими людьми двигал страх, а не любовь к венграм (там же. С. 287). Нет нуж-

ды говорить и о радостной встрече галичанами венгров. Бегство самых ярких приспешников прежнего князя с семьями было скорее продиктовано страхом перед венграми, а не перед земляками, в свое время единодушно принявшими Романа. Об этой причине бегства князя и его земских приспешников прямо говорит летопись: «и слышах... ажь король за Горою уже» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 661). Надо помнить, что тут явно имелась в виду гора Клирос, входящая в состав древнего города, на которой стояли княжий двор и несколько жилых городских кварталов. А.В. Майоров верно указал на повсеместный древнерусский обычай брать у городского веча «талей», чтоб получать повод для шантажа (*Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 285-286). Те же венгры, войдя в Галич, сразу взяли в плен родню некоторых градских мужей, и те теперь боялись восстать. Конечно, ярым сторонникам Романа оставалось особенно бояться за свои семьи. Нет данных и о какой-либо партии сторонников князя Владимира Ярославовича, тщетно хотевшего с помощью венгров вернуть себе галицкий стол (*Татищев В.Н.* Полное собрание сочинений в 8 т. Т. 3. М., 1995; Т. 6. С.146; *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Т. 2. С. 448-449; *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 283 и др.). Ныне достоверность многих «татищевских известий» можно считать доказанной: (см., например: *Азбелев С.Н.* Фиаско историка, игнорировавшего данные археологии // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 22. Великий Новгород. 2008 / Отв. ред. В.Л. Янин. Эта статья содержит как богатый фактологический материал, так и наиболее полный обзор историографии). В то же время некоторые оригинальные «татищевские известия» сомнительны. Например, о рождении князя Святослава Игоревича в 920 г. (*Татищев В.Н.* Полное собрание сочинений. Т. 2. С. 48), хотя известно, что тот родился в 942 г. (ПСРЛ. Т. II. Стб. 33), а в 945 г. был ребенком (ПСРЛ. Т. I. Стб. 46-47; ПСРЛ. Т. II. Стб. 34-35). Не достоверны и данные Татищева о поведении Александра Невского в Орде в 1252 г. (*Горский А.А.* Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского // Александр Невский и история России. Новгород, 1996). Поэтому не стоит безоговорочно принимать их. К тому же общее настроение галичан не определялось приверженностью к какой-либо ветви русских князей, думали лишь о венграх (*Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 284).

65. ПСРЛ. Т. II. Стб. 661.

66. Там же. Стб. 567.

67. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 202.

68. *Бережков Н.Г.* Хронология... С. 167-168.

69. Правда, Т.Л. Вилкул добавила, что кроме бояр с княгиней ушли и «местичи» (*Вилкул Т.Л.* «Людьє» и князь в конструкциях летописцев... С. 92), хотя сам источник упоминает не «местичей», а просто срок в 8 «м(ѣ)с(я)р(и)ции», которые отсутствовала княгиня с боярами (ПСРЛ Т. II. Стб. 564. См.: *Лукин П.В.* Деконструкция деконструкции... С. 433-434).

70. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 256. И едва ли верно, как это обычно делается, смешивать земских бояр с дружиной (историографию данного вопроса см.: *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 140). Иногда исследователи и вовсе отождествляют «галичан» и дружину (см., например: *Котляр Н.Ф.* Формирование территории...

С. 85; *Толочко П.П.* О «крамоле безбожных бояр галичских». С. 337-338), но они здесь – явно разные слои и ведут себя по разному (*Стефанович П.С.* Отношения князя и знати... С. 198-202). Хотя, «с другой стороны», сам П.С. Стефанович, по его же словам, «однозначно решить вопрос» не может, так как отрицает наличие в Галиче иных бояр, кроме княжьих, а вечевое приведение князя к кресту без бояр было не реально (там же. С. 200). Разумеется, вече без бояр не могло привести князя к кресту, и вообще оно, с точки зрения местного летописца, тогда повело себя вполне для себя типично. Наоборот, признание наличия на нем вечевой знати ставит все на свои места. В этой связи нет нужды и занижать роль веча в этих событиях, чтоб оправдать лидерство бояр в Галиче (*Дашкевич Н.П.* Княжение Даниила Галицкого... С. 21). Все решило именно четкое вечевое вмешательство, а не долгие разъезды княжьих бояр. При том эта сила веча была так же неувидительна для летописца, как и общепризнанная лидирующая роль знати (см., например, о значимости «лучших мужей»: ПСРЛ. Т. II. Стб. 446, 448, 502 и др.).

72. ПСРЛ. Т. II. Стб. 564.

73. Правда, по мнению А.В. Майорова, галичане потом не простили Ярослава, не поддержав его через несколько лет в войне, иначе князь якобы не оперся бы на польские силы (*Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 260), но русские князья часто ходили на войну в коалиции, а военную помощь иноземцев князья Юго-Западной Руси использовали для защиты своей местной старины (*Паушто В.Т.* Внешняя политика... С. 35). Подобные явления сохранялись на Руси и много позже. Еще в 1471 г., заключая антимосковский союз с Литвой, новгородская литовская партия защищала права родной земли даже больше, чем при прежних русских князьях. Запрещались королевские торговые пошлины. Литовские власти могли держать на Городище не более 50 человек. Новгороду не нужна была чужеродная сила в городе (*Алексеев Ю.Г.* «К Москве хотим!» Закат боярской республики в Новгороде. Л., 1991. С. 56-57). Но и сторонники сохранения Новгорода в составе Руси тоже по-своему были за спасение местной старины: когда в 7485 (1477) г. стало точно ясно, что Иван III намерен покорить Новгород, большинство горожан разом встало за местный уклад (Псковские летописи. Вып. 2. М.; Л., 1955. С. 209; ПСРЛ. Т. XXXVII. Л., 1982. С. 48; ПСРЛ. Т. XXV. М., 2000. С. 310). Это вполне понятно, ведь в средневековой Руси даже внутри своей земли местные органы власти при всех трениях еще не мыслили себя друг без друга, та же Новгородская республика очень долго в явном виде традиционно нуждалась в княжьем столе.

74. *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 140.

75. Об элементах воззрений древнерусских людей на огонь см., например: *Петров А.В.* Что озарялось в сполохах пожаров средневекового Новгорода? // Украинський історичний збірник - 2007. Вип. 10 / Головний редактор Т. Чухліб. Київ., 2007/

76. К этому склоняет и история других видов наказания с применением огня (*Лукин П.В.* Разрушение домов в средневековом Новгороде как правовая традиция // Новгородика – 2008.) Недаром и сожжение самих людей про-

должались как на Руси, так и в Европе в куда более поздние времена, где о какой-либо «общинности без первобытности» говорить не приходится. При том это ужилось с христианством, став одним из видов борьбы с ересями.

77. ПСРЛ. Т. II. Стб. 659-660.

78. См. прим. 25.

79. ПСРЛ. Т. II. Стб. 564.

80. Поэтому князь не вернул к себе законного сына Владимира, но держал у себя Олега.

81. *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 142.

82. Так, известно, что киевляне-вечники долго терпели многих нелюбимых людей своего князя Святополка Изяславича, но после его смерти их дружно избили (ПСРЛ. Т. II. Стб. 275-276). В этой связи социальное недовольство вечников признано всеми: *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 50-60. Эти же ученые показали солидарность вечников всех слоев в тех событиях (там же).

83. ПСРЛ. Т. II. Стб. 657. См. об этом: *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 276; *Несин М.А.* Галицкое вече... С. 40-41. Прим. 25.

84. ПСРЛ. Т. II. Стб. 661. Отметим, кстати, что и в этой части известия дружина прямо противопоставлена земским «мужам же галичкым», названным именем родного края.

85. ПСРЛ. Т. II. Стб. 660.

86. Там же. Стб. 661.

87. О том же писал и А.В. Майоров, показав, что спорили лишь о способе изгнания князя (*Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 284). Хотя, вопреки А.В. Майорову, «приятели» не противопоставлены вечу, но, наоборот, четко выступали в качестве части «галицких мужей» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 661). Правда, часто пишут, что так выжили князя как раз его недруги, боясь открыто спорить с его «приятелями» (см., например: *Грушевский М.С.* История... Т. 2. С. 448; *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 142), но А.В. Майоров показал ошибочность такого подхода (*Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 284). Ныне П.П. Толочко заявил, что князя не выгнали, а он ушел сам, при этом силы его сторонников и противников были равны (*Толочко П.П.* О «крамоле безбожных бояр галичских». С. 399). Так как у Владимира на вече сторонников вовсе не было, а тех, кто его выжил без бою, прочие вечники «бояху», ученый едва ли прав.

88. ПСРЛ. Т. II. Стб. 661.

89. Там же. Стб. 663.

90. Там же. Стб. 667.

91. *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 145.

92. П.П. Толочко, правда, пишет, что эти люди держались и за данные им венграми блага, а страх за себя и родных убавлял их любовь к интервентам (*Толочко П.П.* О «крамоле безбожных бояр галичских». С. 399), но, как показал А.В. Майоров, эти «награждения» были по тому же источнику (*известию*) *В.Н. Татищева – М.Н.*) лишь новым средством для шантажа,

а любви к венграм у галичан не было вовсе, было желание сберечь родню (Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. С. 287. Ср.: Татищев В.Н. Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 148). Ипатьевская летопись вовсе молчит о «на-граждениях», упоминая лишь о страхе тех людей за родных (ПСРЛ. Т. II Стб. 662). К тому же изъятие сыновей было наиболее серьезным залогом. Недаром, например, во время древнерусских вечевых погромов пленение потомства осужденного было наиболее редкой мерой, даже среди захватов членов его семьи. Поэтому не стоит их совсем смешивать с общей традицией братья у веча заложников (Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. С. 277).

ЕДИНЬЙ КНИЖНЬЙ интернет-магазин

Первый тематический книжный магазин по «украинскому» вопросу.

Высылаем каталог по почте и поможем с приобретением мелкооптовых партий книг.

Книги в наличии:

- Ульянов Н. «Происхождение украинского сепаратизма»
- «Русская Галиция и «мазепинцы»»
- Сидоренко С. «Украина - тоже Россия»
- Чуев С. «Украинский Легион»
- Геровский Г. «Язык Подкарпатской Руси»
- Аристов Ф. «Литературное развитие Подкарпатской

Руси»

- Поп И. «Энциклопедия Подкарпатской Руси»
- Журнал «Русин» и многое другое...

Совместный проект сайтов «Единая Русь» (www.edrus.org), «Украинские страницы» (www.ukrstor.com) и «Малорусской народной исторической библиотечки» (mnib.malorus.org).

Адрес магазина в Интернете: <http://magazin.malorus.org>
e_mail: magazin@malorus.org Тел.: +7 (903) 53 44 218

Адрес: Россия 109028 Москва. До востребования.

Предъявителю ОЗП 5 IN 1196995

Игорь БУРКУТ

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ГАЛИЧАН И БУКОВИНЦЕВ

В патриархальной среде историческая память передается в устной форме, посредством рассказов представителей старшего поколения. Еще относительно недавно сельское население Галиции и Буковины (т. е. Львовской, Ивано-Франковской, Тернопольской и Черновицкой областей Украины) жило в такой среде, и нынешние 60-70-летние жители этих областей прекрасно помнят рассказы о событиях 1914-1918 гг. своих дедов – свидетелей и участников Первой мировой войны. У них сохраняются живая память и связь поколений, что позволяет оценивать события прошлого, исходя из определенных народных традиций. В этой среде не воспринимаются оценки, навязываемые властями через систему образования или средства массовой информации. Такое недоверие сформировано исторически и культивировалось на протяжении длительного периода.

Современный российский специалист, доктор философских наук профессор В.К. Егоров несколько лет назад высказал любопытную мысль. Он считает: если человек получает 95 % знаний по истории за пределами семьи, то возникает такое явление, как «национальное сиротство». Исторические знания, полученные только через школу, книги или кинематограф, без личного эмоционального сопереживания не заработают как следует [1. С. 78]. Можно с уверенностью сказать, что большинство выходцев из крестьянской среды Галиции и Буковины старшего и среднего возраста «национальным сиротством» не страдают – их историческая память в значительной мере сформирована семьей. Однако у нее имеется иной существенный недостаток: носители такой памяти зачастую не желают даже слышать варианты оценки событий, отличные от тех, которые им известны с детства. Впрочем, явление когнитивного диссонанса в социальной психологии изучено неплохо, и этот частный случай может быть объяснен без особых трудностей. Однако живая память о событиях 1914-1918 гг. сохраняется лишь у представителей старших поколений, урбанизованная молодежь ее не всегда перенимает. В молодежной среде интерес к истории вообще значительно ниже, чем у людей с большим жизненным опытом.

Изучение исторической памяти подразумевает использование различных методов исследования. Весьма объективные результаты можно получить, проведя серию социологических опросов. Однако эмпирический опыт показывает: значительное число респондентов в западноукраинских областях отказывается отвечать на вопросы социологов – это связано с глубоко укоренившимся недоверием к различного рода опросам. А лица, согласившиеся отвечать, далеко не всегда высказывают свое подлинное мнение. Привычка к мимикрии, постоянной маскировке собственных мыслей и чувств очень глубоко въелась в сознание нескольких поколений галичан и буковинцев. От такой привычки массово избавляются лишь представители самого молодого поколения, сформировавшегося в новых исторических условиях. Однако среди них интерес к войне 1914-1918 гг. невысок.

Поэтому автор, оценивая особенности восприятия событий Первой мировой войны современными галичанами и буковинцами, прежде всего опирался на устные рассказы, услышанные в свое время от свидетелей и участников тех событий и их потомков, а также на анализ сохранившихся документов, опубликованных дневников и воспоминаний о событиях 1914-1918 гг., в определенной степени – материалов периодической печати.

Имея ныне четкое украинское национальное самосознание, галичане и буковинцы хорошо помнят, что их предки называли себя русинами, но старое самоназвание у них не отождествляется с этническим именем русских. В отношении солдат Российской императорской армии тут не употребляется определение «наши» – кроме этнических украинцев из Российской империи, да и то далеко не всегда. Впрочем, теперь оно отсутствует и для определения солдат австро-венгерской армии, за исключением своих земляков. Преобладают воспоминания о бедах и трудностях, которые выпали на долю простых крестьян в годы войны, а не о героизме солдат. Возрождаемое в современной России словосочетание «Вторая Отечественная война» для событий 1914-1917 гг. здесь способно вызвать только полное отторжение: нынешние галичане и буковинцы ту войну отнюдь не воспринимают как справедливую, освободительную. Для них Первая мировая война – лишь широкомасштабная трагедия, источник несчастий и страданий народа, втянутого правителями в кровавую бойню помимо его воли. Однако и большевистское определение «империалистическая война» популярности в этой среде не имело, ибо крестьяне не любят казенных и мудреных слов.

Рассматривая особенности восприятия событий Первой мировой войны современными галичанами и буковинцами, необходимо учитывать основополагающий фактор. Территория этих регионов в

1914-1918 гг. была театром ожесточенных военных действий, сопровождавшихся громадными потерями мирного населения и принесших значительные разрушения. Достаточно сказать, что только галичан погибло в годы войны более 500 тыс., еще больше было ранено и искалечено. Сотни тысяч испытали на себе все тяготы беженства и вынужденного переселенчества, многие прошли через ужасы австрийских концлагерей, трудности выживания в российских и итальянских лагерях для военнопленных. Большие материальные потери привели к значительному падению уровня жизни галичан и буковинцев. Например, треть всех домов на Тернопольщине в годы войны была разрушена [2. С. 37]. В несколько раз сократилось количество коней и крупного рогатого скота в крестьянских хозяйствах, к тому же значительные площади сельскохозяйственных угодий в местах боев хронически не засеивались. Резко возросли цены на продукты питания, немало людей пострадало от настоящего голода. Такое долго не забывается.

Тяжкие испытания, выпавшие на долю целого поколения галичан и буковинцев, неминуемо отразились в их воспоминаниях о событиях «Великой войны». А предвоенные годы отложились в памяти этих людей как навеки утраченный «золотой век», что в конечном итоге вело к идеализации австро-венгерских времен – частой составляющей их исторической памяти. В наше время восприятие прошлого корректируется тем, что за прошедшие десятилетия создано немало смешанных семей, где историческая память выходцев из бывших империй-соседей превращается в весьма необычную смесь. Слом старых государственных границ и значительные миграционные процессы изменили прежний состав населения не только в городах Галиции и Буковины, но и во многих селах.

Надо заметить, что при создании советских областей не всегда учитывалось традиционное административно-территориальное деление западноукраинских земель. Так, в состав Тернопольской области, наряду с исконно галицкими уездами, при ее формировании в 1939 г. была включена территория бывшего Кременецкого уезда Волынской губернии Российской империи. А в составе созданной в 1940 г. Черновицкой области очутились бывший Хотинский уезд Бессарабской губернии России и так называемый Герцаевский край – местечко Герца с окружающими его селами, которое до 1918 г. было составной частью королевства Румынии. Восприятие же событий 1914-1918 гг. населением России и Румынии весьма отличалось от такого восприятия поданными Австро-Венгрии. Прежде всего, это проявилось в оценке поведения военнослужащих армий, воевавших на территории Галиции и Буковины. Со временем создавались семьи потомков выходцев

из различных исторических земель, в которых происходил синтез, казалось бы, несовместимых оценок событий.

Следует упомянуть еще один феномен – стремление многих наших современников отыскать родовые корни. Восстанавливая историю своих родов, галичане и буковинцы обращаются к документам, которых в последнее время публикуется немало. Нередко наши современники находят фамилии своих предков и среди русинов-узников Талергофа, и среди украинских сечевых стрельцов. Политические симпатии прадедов их потомками воспринимаются без излишних эмоций: времена кардинально изменились, а с ними серьезные изменения претерпели и политические ориентации нынешних галичан и буковинцев. Нет ни прежнего русофильства, ни канувшего в Лету массового австрофильства. А события прошлого с позиций нынешнего дня выглядят иначе, чем ранее.

Весьма объективны потомки хорошо образованных горожан, ведь их деды и прадеды могли оценивать события войны не только на эмоциональном, но и на более высоком уровне. В подтверждение этой мысли можно привести свежий пример. Накануне президентской избирательной кампании 2009 г. в Украине кандидат в президенты Арсений Яценюк подарил родным Черновцам бронзовую статую императора Франца Иосифа I (годы правления 1848-1916). Массового всплеска положительных эмоций это не вызвало, как, впрочем, и видимой отрицательной реакции: черновчане восприняли этот факт как дань сложной истории бывшего коронного края Австро-Венгрии. А к историческим памятникам здесь отношение особое.

Так, многие памятники воинам Первой мировой войны на Буковине поддерживаются в порядке, причем буковинцы ухаживают за могилами воинов различных национальностей, конфессий и государственной принадлежности, не разделяя их на «свои» и «враждебные». Такую попытку разделения осуществила в свое время советская власть. В Черновцах был уничтожен военный мемориал «Кладбище Героев» на ул. Зеленой, где на 1,5 гектарах похоронено более 16 тыс. солдат австро-венгерской, немецкой и русской армий. На их костях в 40-е гг. разместили символический мемориальный комплекс погибшим советским воинам, а также начали хоронить гражданских лиц [3. С. 24-25]. Сохранились лишь отдельные могилы солдат Первой мировой, в частности, православных воинов, но подавляющее большинство захоронений утрачено. Имена погибших известны по документам. В одной земле лежат воин 37-го казачьего полка Российской императорской армии Трофим Иванов, ротмистр австрийских уланов граф Равул Сегур-Кабанак, обер-лейтенант 25-го Загребского домобранского пехотного полка Славко Постружник – тысячи солдат и

офицеров некогда враждебных армий. Лишь в наше время на месте «Кладбища Героев» усилиями черновицкой общественности с помощью австрийского «Черного креста» установлены христианские символы различных конфессий и гранитные кубы с военной символикой и соответствующими надписями по-украински и по-немецки.

Примеров вандализма советских властей в отношении памяти погибших воинов Первой мировой войны, к сожалению, можно приводить много. В частности, на местах ожесточенных боев в районе г. Залещики Тернопольской области во время проведения дорожных работ сознательно уничтожили памятный знак, посвященный событиям «Великой войны». Однако на старом кладбище этого города (возле железнодорожного вокзала) остался памятник погибшим русским солдатам с изображением Георгиевского креста и надписью на русском языке. Следует заметить, что в советские времена преимущественно сносились памятники, отмеченные «вражескими» символами и надписями по-немецки. Ныне ко всем погибшим воинам Первой мировой войны тут отношение одинаковое: их не забывают и за солдатскими могилами ухаживают.

В последние годы нередко приведением могил в порядок занимаются молодые добровольцы из-за рубежа. Так, старое еврейское кладбище в Черновцах в 70-90-х гг. XX в. постепенно приходило в упадок в связи с массовой эмиграцией евреев, а на нем расположен мемориал погибших в 1914-1918 гг. солдат-иудеев австро-венгерской армии. Рядом находится могила мусульман, воинов Российской императорской армии, в основном умерших в госпиталях от ран. Приказом русского командования от 5 октября 1916 г. этих уроженцев Средней Азии и Северного Кавказа запретили хоронить в общей братской могиле с солдатами-христианами, отведя им место на еврейском кладбище. В 1939 г. усилиями иудейской общины Черновцов тут был сооружен памятник в виде сломанного древесного ствола, увенчанный полумесяцем и звездой, с 33 фамилиями погибших и надписью по-румынски: «Воинам-мусульманам, погибшим в мировой войне 1914-1918» [4. С. 27-28]. Недавно эти могилы приведены в порядок.

К сожалению, многие захоронения воинов с течением времени исчезли бесследно. Разрушались и материальные свидетельства ожесточенных боев, например, запахивались траншеи, окопы, блиндажи и другие полевые укрепления. Стирались с лица земли даже бетонные доты. Уже в 90-е гг. XX в. при расширении территории православного монастыря в Черновцах на Горячем Урбане были уничтожены последние из долговременных оборонительных сооружений [5. С. 199], позволявших в годы Первой мировой войны контролировать долину Прута и путь, соединяющий Буковину с Бессарабией. А исчезновение

материальных следов войны уменьшало интерес новых поколений к событиям 1914-1918 гг. Устные рассказы о ней неминуемо отдалялись от исторических реалий, схематизировались и приобретали черты народных легенд.

За многие десятилетия, прошедшие после «Великой войны», заметно изменилась топонимия региона, что затрудняет нашим современникам идентифицировать некоторые географические названия начала XX в. с нынешними. Речь идет не только о многих селах (Раранча стала Ридковцами, Босьры – Вересневым, Гадынковцы – Комсомольским и т. д.). Сменили свои названия даже некоторые города: Кристинополь стал Червоноградом, Жовква – Нестеровым. Правда, в последнем случае городу недавно вернули его историческое имя. В русских документах периода Первой мировой войны многие галицкие топонимы приводились в польской транскрипции – Езежаны (современные Озеряны), Монастыржиска (современная Монастыриска), а буковинские – в немецкой (Коцман – ныне Кицмань, Аугустендорф – ныне Банилов-Подгорный, Айхенау – ныне Череш). Попадая в современную публицистику и художественные произведения, эти названия требуют от читателя определенной дополнительной работы, на которую далеко не все согласны. Весьма непросто оценивать события, анализируя их и сопоставляя различные точки зрения на прошлое. Гораздо легче отдалиться во власть упрощенному стереотипу, который позволяет судить об истории без особых затрат умственного труда. А подобных схем немало.

На протяжении почти столетия прочно утверждался в народной памяти главный стереотип, который в сжатой форме четко передал известный на Буковине музейщик и общественный деятель Дмитрий Ташук. Ссылаясь на воспоминания своей бабушки Настасьи, уроженки села Стрелецкий Кут Кицманьского уезда Буковины, он писал: «Больше всего боялись крестьяне русских, особенно их казаков, которые обращались с населением нагло, были всегда пьяными, занимались мародерством и насилием» [6. С. 8]. Примерно так же оценивали минувшее очень многие галичане и буковинцы, пережившие страшные военные годы.

Живые свидетели событий 1914-1918 гг. ушли в вечность, постепенно уходят и те, кто непосредственно слышал их рассказы. А представители новых поколений черпают информацию о далеких событиях прошлого все больше из школьных уроков истории, а также из художественной литературы, кинематографа, средств массовой информации. В урбанизированной среде роль фольклора сведена к минимуму, к тому же большинство песен времен Первой мировой войны практически забыто. Но до сих пор галичане и буковинцы поют

«стрелецкие песни». Их создавали «Украинские Сечевые Стрельцы» – добровольцы Легиона УСС, сформированного в 1914 г. В наше время история этой воинской части, фактически стрелкового полка австро-венгерской армии с особым статусом, широко известна в Украине, причем в весьма романтизированной версии. Правда, всем желающим доступна и литература, содержащая иные версии истории Легиона, – например, старые советские и создаваемые современными историками в России. Особый общественный интерес к этому формированию возник накануне распада СССР, в период этнической мобилизации украинцев в борьбе за независимость своей страны.

Популяризации боевого пути Легиона УСС в немалой степени способствовала публикация в 1991 г. трилогии Романа Купчинского (1894-1976) «Метель» [7]. Это произведение впервые увидело свет в 1928-1933 гг., однако на долгие десятилетия было забыто. Его воскрешение позволило заметно поднять общественный интерес к далеким историческим событиям, талантливо описанным их участником.

Западноукраинский читатель и в советские времена имел возможность прочесть немало произведений своих земляков, посвященных событиям 1914-1918 гг. в Галиции и Буковине. Потрясающие описания народных страданий оставили Василь Стефаник (1871-1936), Ольга Кобылянская (1863-1942), Марко Черемшина (1874-1927) – классики украинской литературы. Так, Марко Черемшина (настоящие имя и фамилия Иван Семанюк) во время войны находился на родной Гуцульщине и вел дневник, на основе которого в послевоенные годы создал немало художественных произведений. В них, в частности, описаны убийства невинных гуцулов австро-венгерскими солдатами [8]. А Ольга Кобылянская, проведшая годы войны на Буковине, оставила глубоко психологические произведения «Письмо осужденного воина своей жене», «Навстречу судьбе», «Иуда».

Герой последнего рассказа, старый гуцул, уступая давлению русских солдат, ведет их на поиски австрийцев. В лесу они натываются на австрийский патруль и расстреливают его. Среди убитых гуцул узнает своего единственного сына, призванного в императорско-королевскую армию. Похоронив его под карпатской елью, старик бросил на свежий холмик скомканные рубли, полученные от русских солдат «за помощь», и повесился над самой могилой.

События 1914-1918 г. в Галиции и Буковине отражены не только в украинской, но и в художественной литературе других славянских народов. Популярный роман чешского писателя Ярослава Гашека (1883-1923) «Osudy dobrého vojáka Švejka» содержит немало страниц, повествующих о пути бравого солдата Швейка с его маршевым батальоном 91-го Будеёвицкого стрелкового полка через территорию

нынешней Львовской области. А классик хорватской литературы Мирослав Крлежа (1893-1991) в годы войны служил в 25-м Загребском домобранском полку, воевавшем в Галиции и Буковине. Этот полк входил в состав 42-й пехотной дивизии, которую сами домобраны («защитники родины») вполне справедливо называли «дьявольской» (по-хорватски 42. Domobranska vgrazja divizija). Печальный опыт, приобретенный писателем в казармах и окопах, отразился в анти-милитаристском цикле рассказов «Hrvatski bog Mars» («Хорватский бог Марс») и драме «Галиция». Его произведения проникнуты состраданием к простым русинам, страдавшим от произвола австро-венгерских солдат.

Мирослав Крлежа не только критически относился к Австро-Венгерской монархии, он был свободен и от худшего, казенного варианта славянофильства. Так, в своих путевых очерках 1925 г. классик хорватской литературы писал: «Мы, славяне, не прочь изобразить себя такими добродушными длинноволосыми мужиками, красноносыми пьяницами, веселящимися под пение частушек (вспомним Мусоргского), и часто морочим голову несведущим людям тем, как мы пьем медовуху, играем на волынках и воспеваем в лесах нашего миролюбивого бога Перуна (вспомним все, начиная с иллиризма и кончая Крашевским)» [9. С. 81]. Писатель был очень далек от любого ура-патриотизма, поэтому в его произведениях о Первой мировой войне доминируют гуманистические мотивы, неприятие жестокости и равнодушия к человеческим судьбам.

Кстати, однополчанином Крлежи по 25-му Загребскому полку был унтер-офицер Иосип Броз (будущий маршал Югославии Тито), раненым попавший в русский плен возле буковинского села Викно на Пасху 1915 г. В своих воспоминаниях о Первой мировой войне он, в отличие от Крлежи, особого внимания страданиям местных крестьян не уделял, подчеркивая лишь особенности солдатской жизни [10. С. 59]. Следует отметить, что хорватских домобранов на Буковине помнят до сих пор.

На кладбище с. Добрыновцы Заставновского района Черновицкой области сохранился памятник солдатам-хорватам 42-й дивизии, сооруженный в 1915 г. А останки погибших были в межвоенный период перенесены на интернациональное солдатское кладбище в с. Звенячин того же района. Рядом с одиннадцатиметровым монументом размещены памятные доски с идентичными надписями на румынском и немецком языках: «Это кладбище славы основано во время войны 1914-1918 гг. императорско-королевским стрелковым полком № 3. Достроено и завершено в 1937 г. немецким государством ради сохранения славы героев. Центральный комитет. Бухарест. Тут покоятся

11 830 воинов немецкой, императорско-королевской и русской армий, которые полегли в этих местах за свою Родину» [11. С. 31]. В советские времена власти пытались снести кладбище, но вынуждены были учесть мнение местного населения, которое категорически не воспринимало подобного вандализма. Сохранилось по тем же причинам интернациональное солдатское кладбище и в с. Валя Кузьмин (бывшее Францаль) Глыбокского района Черновицкой области, где покоится прах 3 785 воинов немецкой, австро-венгерской и русской армий.

Ухаживая за этими солдатскими могилами, черновицкие студенты в начале 90-х гг. начали глубоко изучать историю Первой мировой войны, обращаясь к архивным документам. Общественный интерес к событиям 1914-1918 гг. в последние полтора-два десятилетия в крае заметно возрос, для его удовлетворения в Черновцах публикуются исследования по истории Первой мировой войны, а также сборники документов, дневники и мемуары ее участников и свидетелей, их письма и даже почтовые открытки [12]. Все это способствовало возрождению исторической памяти о войне среди широких кругов буковинской общественности. Аналогичные процессы происходили и в соседних галицких областях: историки Львова, Ивано-Франковска и Тернополя в последние годы немало усилий приложили для детального изучения событий 1914-1918 гг. в Восточной Галиции.

Наиболее болезненный аспект этих событий – массовые репрессии австро-венгерских властей против русинского населения монархии Габсбургов. Жертвами шпиономании стали тысячи невинных людей, и никакого оправдания жестоким убийствам мирного населения быть не может. Даже официальная Вена в конечном итоге признала ошибочность своей политики в Галиции и Буковине, освободив в 1917 г. узников концлагерей и ликвидировав сами лагеря. Но массовые репрессии властей к тому времени уже в значительной мере подорвали австрофильские настроения среди галичан и буковинцев. Однако логику Вены в русинском вопросе понять необходимо, чтобы оценить ее конкретные шаги, приведшие к фатальным последствиям для самой «лоскутной монархии».

Антиславянская направленность пангерманизма известна, а пангерманистов среди австро-венгерских чиновников и военных было предостаточно. В конце XIX – начале XX в. по мере ухудшения отношений между Веной и Санкт-Петербургом нарастало недоверие австро-венгерских властей к русинскому населению монархии, которое не без оснований подозревалося в пророссийских симпатиях. После аннексии Боснии и Герцеговины в 1908 г. венские власти нанесли сильный удар по русофильским организациям Галиции и Буковины с целью их резкого ослабления на случай вооруженного кон-

фликта с Россией. Новая волна шпиономании поднялась в монархии в 1913 г., после разоблачения агента русской разведки, полковника австрийского Генерального штаба Альфреда Виктора Редля (1864-1913). Будучи руководителем контрразведки Генштаба, он передал русской стороне множество секретных сведений, в том числе и списки австро-венгерской агентуры, работавшей в России. Австрийцы считали Редля русином, исходя из места его рождения и домашнего воспитания (сам полковник не акцентировал своего этнического происхождения), что усилило недоверие ко всем русинам среди армейского командования. Спасаясь от преследований, часть активистов русофильских организаций срочно выехала в Россию.

С помощью русских властей галицкие русофилы с началом войны сформировали свой орган. 11 августа 1914 г. в Киеве был создан «Карпато-русский освободительный комитет» (председатель Ю. Яворский, секретарь С. Лабенский, редактор газеты «Подкарпатская Русь»). При активном участии членов этого комитета была подготовлена брошюра «Современная Галичина. Этнографическое и культурно-политическое состояние ее в связи с национально-общественными настроениями». Отпечатанная в походной армейской типографии, она предназначалась для ознакомления русских офицеров с ситуацией в крае и содержала данные обо всех членах русофильских организаций, на помощь которых могла рассчитывать русская армия. Первый экземпляр брошюры попал в руки австрийской разведки, что дало императорско-королевским властям желаемый повод для массовых репрессий [13. С. 61].

Антирусинские настроения австро-венгерского командования в итоге лишь резко усилились. Генерал Колошвари, например, цинично заявил: «Прежде чем начинать войну с Россией, надо было перевешать все русинское население» [14]. И в казнях каратели преуспели. Императорско-королевская армия в первые месяцы войны потерпела сокрушительное поражение в битве за Галицию, что лишь усилило жестокие репрессии против «предателей», к числу которых зачастую причислялись русины вне зависимости от их конкретной деятельности и политических симпатий.

Опубликованные документы дают возможность глубже понять причины и детали этих репрессий. Так, известный на Буковине педагог и общественно-политический деятель Илларию Карбулицкий в 1928-1929 гг. вступил в публичную полемику с жандармским генералом Фишером и полковником Зилингером, ответственными за австрийский террор против буковинских русинов в 1914-1918 гг. Его обвинения базировались на тщательно собранных свидетельствах об убийстве невинных людей австрийскими жандармами. Недавняя пу-

бликация этих документов привлекла внимание буковинской общности к трагическим событиям прошлого, укрепила память о них. Знакомство с документальными свидетельствами позволяет избавляться от стереотипов, которых немало в общественном сознании. Пропаганда воюющих сторон приложила много усилий для их создания – до сих пор у некоторых галичан и буковинцев сохраняется созданный в военное время австрийскими пропагандистами примитивный стереотип о будто бы «цивилизованном» отношении военнослужащих императорско-королевской армии к мирному населению края в годы Первой мировой войны.

А в России существует созданный военной пропагандой царских времен стереотип о поголовной ответственности активистов украинских организаций за австрийские репрессии против русинов: мол, именно массовое доносительство «мазепинцев» вызвало казни невинных. Безусловно, несправедливые доносы были, однако далеко не все активисты украинских организаций занимались наушничеством. Нельзя игнорировать факты, свидетельствующие, что лидеры украинских организаций нередко спасали невинных от расправы. Например, профессор Черновицкого университета С. Смаль-Стоцкий, депутат австрийского парламента и широко известный украинский политик, будучи адвокатом при военно-полевом суде Черновицкой бригады, добился полного оправдания простых русинов Лагодинского, Навроцкого, Гузара и многих других [15. С. 133].

Необходимо подчеркнуть, что среди современных галичан и буковинцев распространен иной шаблон, сформированный не официальной пропагандой, а жизненным опытом людей, переживших войну. Он уже упоминался: однозначно негативная оценка поведения русских военнослужащих и чиновников на территориях, «занятых по праву войны». Этот стереотип создавался без учета нюансов русской политики в Галиции и Буковине в 1914-1917 гг., которая претерпевала значительные изменения под влиянием внешних и внутренних факторов. Очень многое также зависело от личных качеств того или иного военнослужащего. Мародеров, пьяниц и садистов хватало во всех армиях, а война обнажает худшие человеческие черты. Особенностью памяти является то, что глубже всего в нее врезаются факты, далеко выходящие за пределы нормы. Поэтому сильнее всего запомнились грабежи частных домов и магазинов, массовые изнасилования женщин и девушек, зверские избиения евреев, репрессии против членов украинских организаций и учителей, которыми сопровождалось вступление русских войск в Галичину и Буковину. Хотя в последующем политика русской администрации значительно смягчилась, в памяти потомков остались наиболее резительные факты начала войны.

Свидетели событий в своих дневниках и воспоминаниях были более объективны, упоминая не только о грабежах и насилиях, но и фактах гуманного отношения к женщинам и детям многих солдат и офицеров Российской императорской армии. Так, уроженец буковинского села Неполоковцы Василь Руснак (1899-1981) в своих мемуарах с теплотой вспоминал русских саперов, которые в декабре 1914 – январе 1915 г. стояли в его родном селе. «Бедным детям в селе была большая польза от этих саперов, ибо питались из их кухни, которая тогда еще была богатой: не чувствовалось никаких трудностей в поставках продуктов для армии», - писал известный общественный деятель Буковины [16. С. 248].

А священник Келестин Костецкий (1843-1919) в своей «Хронике греко-католического прихода г. Черновцы» подчеркнул человечность командующего 9-й армией генерала от инфантерии П. Лечицкого, который внимательно отнесся к судьбе семинариста Иосифа Москалика, арестованного русскими жандармами за хранение пары брошюр на украинском языке. Несмотря на противодействие полковника охраны Леонтовича (кстати, типичного малоросса, уроженца Полтавщины), семинарист был освобожден из-под стражи. «Честь и слава гуманному генералу Лечицкому, но стыд и недобрая память сатрапу Леонтовичу!» - дал волю эмоциям автор «Хроники» [17. С. 110].

Когда притупилась острота первых впечатлений от эксцессов, которыми сопровождалось начало военных действий, начали завязываться и дружественные отношения между простыми людьми – русскими солдатами и крестьянами-русинами. Убежденный украинец, учитель Иван Бажанский в своем дневнике с сочувствием написал о раненых русских солдатах. Вот запись от 30 июня 1916 г.: «В школе полно раненых; прибыло много свежих и в бараках над теплицей полно. – Наши и москали вместе ходят, говорят, *едят из одной миски (подчеркнуто автором дневника – И.Б.)*, а недавно бились - были «врагами». И какими врагами?... Кто что кому должен?...» [18. С. 97]. В этих словах выражено отношение мыслящего человека к войне, ведущейся за интересы, очень далекие от интересов народов, втянутых в кровавое противостояние.

Теплые отношения нередко устанавливались между украинцами, служившими в русской армии, и местным населением. Галичане и буковинцы массово поддержали выступления солдат-украинцев в их борьбе за самоопределение Украины весной 1917 г. Так, в мае 1917 г. в Черновцах состоялся съезд украинцев Румынского фронта, на который в качестве гостей были приглашены представители буковинских украинцев. Они активно участвовали в сборе средств для нарождающегося Украинского государства – об этом свидетельство-

вал позже кубанский казак генерал-хорунжий Армии УНР К.А. Смовский (1892-1960), в годы Первой мировой войны – командир батареи конно-горной артиллерии Российской императорской армии [19].

Авторы хроник и дневников нередко записывали факты, чем-то их весьма поразившие. Например, К. Костецкий отметил случай, происшедший 19 декабря 1915 г. на балу в казарме по ул. Семиградской в Черновцах. Унтер-офицеры Российской императорской армии, отмечавшие тезоименитство Его Императорского Величества Николая II, пригласили на бал местных женщин и девушек. Когда закончились танцы, старший из русских офицеров, попросив отделить от присутствующих женщин тех, мужья которых воюют в австрийской армии. Затем обратился к ним с такой речью: «Вы негодяйки! Ваши мужья на войне кровь проливают за отчизну и своего императора, а вы оставили детей маленьких дома и сами пошли с чужими и враждебными вам солдатами танцевать, поэтому получите за развлечение от тех солдат, с которыми танцевали, заслуженную награду. Каждая из вас получит в благодарность по 10 ударов плетью по голому телу!» [20. С. 85]. И по приказу офицера солдаты, заголив и бросив на лавку, прилюдно выпороли нагайками более десятка женщин. Священник Костецкий сделал профессиональный вывод из такого случая, происшедшего в Рождественский пост: «Было это очень успешное говенье для тех пустых женщин, имеющее большую силу, чем пламенная проповедь!».

Подобные факты запоминались многими и долго передавались из уст в уста. Однако особо сильное впечатление на галичан и буковинцев оказали революционные события 1917 г. и сопровождавшее их разложение русской армии. О нем немало сказано и в художественной, и в научной литературе. Так, известный военный историк-эмигрант Антон Керсновский, с неподдельной любовью писавший о героических русских воинах, резко сменил тональность в оценке быстро распадавшихся революционных частей. Для характеристики деморализующейся армии, утратившей дисциплину, он использовал очень жестокие слова: «миллионная толпа митинговавшего человеческого стада...» [21. С. 493]. Неуправляемые солдатские толпы, вышедшие из-под контроля офицеров, оставили о себе наихудшую память.

Можно сослаться на свидетельство крупного чиновника, по долгу службы вынужденного искать хоть какую-то управу на разлагающуюся массу вооруженных людей. Временное правительство 22 апреля 1917 г. назначило краевым комиссаром Галиции и Буковины с правами генерал-губернатора известного украинского политика, литератора и ученого Дмитрия Дорошенко (1882-1951). В своих мемуарах он указывал: «Воровство, грабежи, разбои, изнасилования, насилия,

потравы полей – все это возрастало параллельно с падением дисциплины и ростом массового дезертирства. Людность обращалась к комиссарам, комиссары апеллировали к военным комитетам, но эти последние проявляли в основном холодно-равнодушное отношение к интересам местного населения. Казалось, что с революцией стало еще труднее жить населению из-за разнузданности русского солдатства, из-за его несправедливостей и насилий над мирным населением...» [22. С. 697].

Последние недели пребывания русских войск в Галиции и Буковине местное население до сих пор вспоминает с ужасом. Наслаиваясь на воспоминания об эксцессах 1914-1915 гг., эти события на многие десятилетия определили отношение галичан и буковинцев к поведению русского солдата в их родных местах. Поэтому нынешние разговоры о какой-то «освободительной миссии» русской армии в Галиции и Буковине в годы Первой мировой войны наталкиваются на полное неприятие большинства жителей этих краев. Но не забывают здесь и о зверских репрессиях австро-венгерской военщины против мирных русинов, а также бережно хранят память о жертвах Талергофа и других австрийских концлагерей. Война 1914-1918 гг. поэтому запомнилась галичанам и буковинцам как одна из наиболее трагических страниц их истории. Закончим словами свидетеля тех кровавых событий.

В субботу, 25 августа 1917 г. Иван Бажанский записал в своем дневнике: «Когда-нибудь наши потомки будут читать в истории, что тогда-то и тогда между теми и теми государствами состоялась, так и так завершилась мировая война; но читать о войне - это не переживать ее. А мы ее переживаем, видим, ощущаем всей нашей сутью. Сколько страха, сколько муки, горя и всяческих несчастий натерпелся человек и еще натерпится. Как не видел один другого год, так уже и не узнает: постарели, поседели, ослабли, увяли. Всё встревоженное, ненормальное, без энергии, без жизни... А за что всё это, и зачем оно? Уничтожаются народы, уничтожается добро людское, выскочил из колеи весь мир!.. Будто страшная туча, то туда, то сюда – носится над нами эта свирепая война» [23. С. 149-150].

Так и вспоминают ее ныне жители Галиции и Буковины – эту «плоту війну», как верно охарактеризовал всемирную бойню талантливый буковинский педагог и писатель, свидетель «Великой войны» 1914-1918 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Историческая память: преемственность и трансформации («круглый стол») // Социологические исследования. 2002. № 8.

2. Історія міст і сіл Української РСР. Тернопільська область. К. : УРЕ, 1973.
3. *Запововський В., Осачук С.* Слідами забутої війни 1914-1918 рр. в Буковині (військово-історичний нарис, воєнні могили Першої світової війни в Північній Буковині, догляд воєнних могил). Чернівці: Молодий буковинець, 1998.
4. Там же.
5. *Снігур І.Н.* Чернівці і чернівчани. Чернівці: Прут, 2008.
6. *Тащук Д.* Життя між закономірностями та випадковостями. Чернівці: Прут, 2008. С. 8.
7. *Купчинський Р.* Заметіль. Ч. I-III. Повість зі стрілецького життя. Львів: Каменяр, 1991.
8. *Черемшина М.* Село за війни // Марко Черемшина. Твори у двох томах. Т. 1. К.: Наукова думка, 1974.
9. *Крлежа М.* Поездка в Россию. 1925: Путевые очерки. Пер. с хорв. М.: Гелеос, 2005.
10. См.: *Уэст Р.* Иосип Броз Тито: власть силы. Смоленск: Русич. 1997.
11. *Запововський В., Осачук С.* Слідами забутої війни 1914-1918 рр. в Буковині.
12. См., в частности: *Прокопович Е.* Кінець австрійського панування в Буковині / Пер. з нім. Чернівці: Золоті литаври, 2003; *Бажанський І.М.* Війна: щоденник-хроніка буковинського педагога та письменника (Вашківці, 31.8.1914 – 29.11.1917). Чернівці: Зелена Буковина, 2006; Світова війна у поштових листівках 1914-1918 рр. З колекції Івана Снігура. Чернівці: Зелена Буковина, 2008; *Запововський В.М.* Буковина в останній війні Австро-Угорщини 1914-1918. Чернівці: Золоті литаври, 2003; *Ботушанський В.М.* Буковина і Хотинщина в зовнішній політиці європейських держав у роки Першої світової війни і боротьби українців краю за українську державність //Буковина в контексті європейських міжнародних відносин (з давніх часів до середини ХХ с.) [Кол. моногр.]. Чернівці: Рута, 2005. С. 299-488; *Добржанський О.В., Старик В.П.* Бажаємо до України! Змагання за українську державність на Буковині у спогадах очевидців (1914-1921 рр.). Одеса: Маяк, 2008; *Старик В.П.* Від Сарасва до Парижа. Буковинський Interregnum 1914-1921. Чернівці: Прут, 2009 і др.
13. Москвофільство: документи і матеріали / Вступна стаття, коментарі та добірка документів Сухого О. Львів: Видавничий центр ЛНУ ім. Івана Франка, 2001.
14. Подкарпатская Русь. 1914. 4 декабря.
15. *Добржанський О., Даниленко В.* Степан Смаль-Стоцький. Роки війни // Буковинський журнал. 1995. № 1-2. С. 133-143.
16. *Руснак В.* Спомини (уривок про 1914-1923 рр.) // *Добржанський О., Старик В.* Указ. соч.
17. *Костецький Келестин.* Хроніка парохії греко-католицької в Чернівцях від її основаня аж до року біжучого (1914-1918) // *Добржанський О., Старик В.* Указ. соч.
18. *Бажанський І.М.* Указ. соч.
19. *Смовський К.* Моя служба Батьківщині. Спогади // Свобода. 1958. № 39-62.

20. *Костецкий К.* Указ. соч.
21. *Керсновский А.А.* История русской армии: 1818-1916. Смоленск: Русич, 2004.
22. *Дорошенко Дмитро.* Доба Центральної Ради. [Спомини] // Добржанський О., Старик В. Указ. соч.
23. *Бажанський І.* Указ. соч.



Татьяна ПИКОВСКАЯ

МІСЦЕ ПІДКАРПАТСЬКОГО ЗЕМЛЕРОБСЬКОГО СОЮЗУ (ПЗС) У ПОЛІТИЧНОМУ ЖИТТІ НА ЗАКАРПАТТІ (1918-1938)

Закінчення Першої світової війни стало початком нового періоду в історії Закарпаття, яке з 1919 р. увійшло до складу Чехословаччини під назвою Підкарпатська Русь. Однією з відмінних рис Чехословаччини була наявність великої кількості політичних партій. Всі вони мали характерну особливість – формування за національною ознакою. Традиційно сильним політичним напрямком на Підкарпатській Русі було русофільство. Однією з перших автономних русофільських партій на політичній арені краю був Підкарпатський Земледільський Союз (ПЗС), який майже одразу дістав широку підтримку серед місцевого населення.

Для розуміння даної проблеми важливе значення має дослідження фондів Державного архіву Закарпатської області (далі – ДАЗО), які дозволяють ознайомитись із змістом програми ПЗС¹.

Важливе значення мають роботи як вітчизняних, так і зарубіжних вчених. Зокрема, варто відзначити працю М. Токаря, в якій детально описується діяльність політичних партій Закарпаття в зазначений період², а також роботі М. Болдижара, в якій вміщено нарис присвячений ПЗС³. Значний фактичний матеріал, який дозволяє простежити дослідити діяльність ПЗС спрямовану на реалізацію програмних положень, містять праці І. Попа⁴. Варто відзначити, що праці вищевказаних авторів написані на розлогому архівному матеріалі.

Партія була створена літом 1920 р. в Мукачеві за ініціативою заможного селянства краю⁵. Головою ПЗС став Михайло Лакес, а його заступником Франц Чулак⁶. Друкованим органом партії була газета «Карпаторуський Вісник».

У своєму зверненні до закарпатських землеробів керівники партії вбачали причину поганого становища населення в тому, що «землеробський народ мовчить, не організовується для захисту своїх інтересів». Завданням партії визначалось покращення становища народу, «щоб не бідувати, не голодувати, не ходити в подертому одязі, мати хліб, роботу і житло, як то культурній людині личить»⁷.

Програма партії була затверджена 10 червня 1920 р, її автором був Й. Камінський⁸. Вона складалась із трьох розділів, які були сформульовані у формі вимог до чехословацького уряду.

Перший розділ називався «Вимоги землеробів» і містив вимоги передачі безземельним і малоземельним людям державних і панських земель; проведення земельної реформи; встановлення справедливої податкової системи; звільнення від податків малозабезпечених селян; відкриття нових соляних і вугільних шахт, розвитку тютюновиробництва.

Постановка економічних питань на перше місце обумовила орієнтацію партії на першочерговість створення економічних передумов для розвитку краю. Як відзначив М. Токар, ПЗС була чи не єдиною політичною організацією, яка відкинула політичні питання на другий план. Проте це не стало тривалим явищем в діяльності партії, а політичні вимоги швидко вийшли на перше місце.

У другому розділі «Політичні вимоги» містились положення про встановлення кордонів Підкарпатської Русі від Попраду до Тиси, для об'єднання всіх русинів республіки, негайного запровадження автономії зі своєю руською мовою та під керівництвом місцевих чиновників. Також вимагалось дотримання прав національних меншин, гарантованих мирним договором, і проголошувалось братське співжиття всіх народностей краю⁹.

Варто відзначити, що вимоги впровадження автономії краю в життя носили характер доброзичливого нагадування чехословацькій владі про взяті зобов'язання. При цьому ніяких радикальних антидержавних вимог ПЗС не висувала, що вказує на її політичну лояльність до владної політики в цілому на початку своєї діяльності.

Третій розділ «Релігійні вимоги» стосувався міжконфесійних відносин, свободи совісті й релігій, впровадження церковного самоврядування на демократичній основі. Піднімалися також питання врегулювання оплати священників, що було зумовлено великою кількістю греко-католицького духовенства у складі партії¹⁰.

Незважаючи на затвердження статуту і програми ПЗС, початок її безпосередньої офіційної структурно-організаційної розбудови та реєстрації партії відбувся тільки 24 червня 1920 р. Таким чином існування ПЗС набуло офіційної легітимності, й партія отримала право на законну діяльність в межах Чехословацької Республіки.

Потрібно відмітити, що на першому етапі розвитку партії до неї схвально поставилися окремі політичні діячі краю, зокрема тодішній губернатор Підкарпатської Русі Г. Жаткович. ПЗС користувалася популярністю і серед службовців у крайовій адміністрації. Важливою умовою популярності партії було й те, що вона прихильно ставилася

до представників різних релігійних конфесій і національних меншин, передусім угорської, а за своїм складом була інтернаціональною. Ці обставини зумовили досить велике вливання до рядів ПЗС угорськомовного духовенства, службовців, які ще залишалися на службових урядових посадах, а також сільських учителів, котрих влаштувала русофільська орієнтація.

Аналізуючи діяльність партії на початковому етапі, М. Болдижар відзначає, що як крайовим, так і окружним керівництвом проводилась активна діяльність по втіленню в життя основних вимог програми¹¹. На зборах і в листах партії ставилося питання про заміну губернатора краю та окружних урядовців місцевими громадянами, уродженцями Підкарпатської Русі. Керівництво партії намагалося контактувати з іншими партіями, особливо хліборобськими, напередодні виборів та при вирішенні важливих селянсько-хліборобських справ.

Політика державної влади щодо реалізації автономних прав Підкарпатської Русі змушувала лідерів різних партій шукати політичних союзників. Можливість співпраці підсилювалася й анти-автономними позиціями загальнодержавних політичних партій, які розгорнули активну діяльність на теренах тогочасного Закарпаття.

Ініціатива партійного блокування виходила з боку автономних політичних сил. У таких умовах на початку 1922 р. ПЗС виступив із пропозицією створити єдину політичну партію землеробів Підкарпатської Русі. Розуміючи, що центральна влада гальмує процес нормалізації стану суспільства, ПЗС розіслав свої пропозиції щодо утворення партійної коаліції кільком автономним політичним організаціям. Врешті-решт була досягнута домовленість розпочати організаційну роботу по здійсненню партійного об'єднання Хліборобської, Трудової, Землеробської Автономної партії та ПЗС¹².

Нова політична організація отримала назву Руська Земледільська Автономна Партія (РЗАП). У програмі партії містились вимоги автономії краю, встановлення кордонів від Попраду до Тиси, забезпечення прав національних меншин¹³. Своєрідність цього союзного партійного утворення полягала у тому, що партії, які до нього належали, продовжували самостійну структурно-організаційну діяльність аж до літа 1923 р.

Починаючи з осені 1922 р., ПЗС, як і решта русофільських партій, переходить на опозиційні позиції, що було зумовлено невиконанням празькою владою своїх обіцянок щодо встановлення автономії краю. ПЗС почала проводити масові агітаційні акції серед місцевого населення, що викликало реакцію з боку владних структур, які різними методами намагалися завадити діяльності партії. Кілька разів збори ПЗС закривалися, в інших випадках плановані партією заходи заздальегідь заборонялися.

Внаслідок тиску з боку влади, а також суперечностей всередині самої партії, ПЗС припинила своє існування, а на її базі 10 січня 1924 р. була утворена нова партія, яка дістала назву Автономний Землеробський Союз (АЗС)¹⁴. Лідерами партії стали І. Мочкош, І. Куртяк, Ю. Фелдешій.

26 січня 1924 р. відбувся конгрес у Хусті, на якому була затверджена програма партії¹⁵. Як і попередня її редакція, вона складалась із трьох розділів.

Перший з них називався «Економічні вимоги партії» і, крім відомих економічних вимог, містив і більш конкретні - врегулювання передачі земельних ділянок селянам, заборону продажу лісів іноземним корпораціям, охорону робочого класу¹⁶.

Другий розділ програми «Культурні вимоги» передбачав такі положення: займатися культурними, освітніми й мовними питаннями належить губернаторові краю; остаточно врегулювати оплату церковного учительства; вимога свободи совісті й віросповідання у релігійних питаннях¹⁷.

Майже незмінними залишалися політичні вимоги, які висвітлювалися в третьому розділі програми «Політичні вимоги». Основні його положення зводились до таких вимог: якнайшвидшого скликання Союму й проведення виборів до парламенту, а також надання повноправної влади у справах губернаторові краю; свободи думки і зібрань; забезпечення прав національних меншин, гарантованих мирним договором і пропаганда мирного співжиття народів, які проживають в Підкарпатській Русі. Проте у програмі партії з'явилося і нове положення, яке у попередній редакції не звучало. Воно стосувалось пункту про незгоду з централізаторською політикою влади і створення «з Карпатської Русі» єдиної адміністративно-територіальної одиниці¹⁸.

Варто відзначити, що АЗС був однією з небагатьох підкарпатських партій, незалежних від чеських чи словацьких партій, практично вся його діяльність була опозиційною до центрального уряду. Після проведення чеським урядом земельної реформи на Закарпатті керівництво АЗС продовжувало критикувати центр за непослідовність дій. У виступах представників партії неодноразово піднімалось питання про засилля краю чеськими урядовцями, ігнорування місцевих кадрів¹⁹.

Поступово питання господарсько-землеробського характеру були передані до функцій окружних правлінь партії, а крайове керівництво практично займалося виключно політичними справами. Партія продовжувала декларувати свою незалежність, хоча насправді її лідери все більше орієнтувались на Угорщину²⁰.

З другої половини 20-х рр. відбулися суттєві зміни не лише в складі керівництва партії, але в її політично активному членстві. Представ-

ники селянства все бiльше витiсняються на другоряднi ролi, першi мiсця в отружному та крайовому керiвництвi займають iнтелiгенцiя, духовенство, вихiдцi з багатих селян. Головою партiї стає I. Куртяк, через що цю партiю починають називати куртякiвською.

З середини 30-х рр. керiвництво партiї значно активiзувало про угорську дiяльнiсть. Гасла боротьби за автономiю фактично залишалися лише прикриттям у полiтицi: виступаючи й далi за надання автономiї Закарпаттю «автономiсти» вважали, що цим самим буде легше вiдiрвати край вiд Чехословаччини i включити його до складу Угорщини²¹.

АЗС виступив iнiцiатором створення «сильного» блоку полiтичних партiй для прискорення здiйснення на практицi обiцяноi центром автономiї. Такий блок був створений, перш за все iз русофiльських партiй у 1938 р. Пiсля тривалих полiтичних перепитiй в умовах гострої полiтичної кризи 12 жовтня 1938 р. було проголошено автономiю Пiдкарпатської Русi i затверджено перший автономний уряд. Прем'єром цього автономного уряду був лiдер АЗС А. Бродiй. Ставши прем'єром автономного уряду, А. Бродiй не вiдмовився вiд про угорської орієнтацiї. Навпаки, маючи владу у своїх руках, вiн разом з iншими керiвниками АЗС почав готувати окупацiю Закарпаття угорськими вiйськами, за що був заарештований празькими вiйськами.

АЗС вiдiграв значну роль у тому, що на початку листопада 1938 р. частина Закарпаття була вiддана Угорщинi, а 15-18 березня 1939 р. вся його територiя була окупована угорськими вiйськами.

Таким чином, ПЗС-АЗС пройшла складний полiтичний шлях. На початку своєї дiяльностi партiя була лояльною до празької влади, гасла, якi висувала партiя мали характер доброзичливого нагадування владi про взятi на себе зобов'язання. Згодом пiсля перейменування партiї в АЗС вона переходить вiд русофiльської до мадярофiльської орієнтацiї, а гасла автономiї стають засобом для приєднання Закарпаття до Угорщини.

ДЖЕРЕЛА ТА ЛІТЕРАТУРА

1. Державний Архiв Закарпатської областi (ДАЗО). Ф. 63. Оп.1. Спр. 445. 30 арк.

2. *Токар М.Ю.* Полiтичнi партiї Закарпаття в умовах багатопартiйностi (1919 -1939). Ужгород, 2006. С. 380.

3. *Болдижар М.* Закарпаття мiж Двома свiтовими вiйнами (Матерiали до iсторiї суспiльно-полiтичних вiдносин). Ужгород, 1993. 159 с.

4. *Pop I.* Dějiny Podkarpatské Rusi v datech. Praha, 2005. s. 534; *Поп И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород: Издательство В. Падяка, 2001. 431 с.

5. *Pop I.* Dějiny Podkarpatské Rusi v datech. S. 310.

6. ДАЗО. Ф. 63. Оп. 1. Спр. 445. Арк. 15.

7. *Поп И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород: Издательство В. Падяка, 2001. С. 306.

8. *Токар М.Ю.* Політичні партії Закарпаття в умовах багатопартійності (1919-1939) – Ужгород, 2006. С. 63.

9. ДАЗО. Ф. 63. Оп. 1. Спр. 445. Арк. 16.

10. *Токар М.Ю.* Політичні партії Закарпаття в умовах багатопартійності (1919-1939). Ужгород, 2006. С. 63.

11. *Болдижар М.* Закарпаття між Двома світовими війнами (Матеріали до історії суспільно-політичних відносин). Ужгород, 1993. С. 25.

12. *Barnovský M.* Niekoľko poznámok k sransko-polickej štruktúre na Podkarpatskej Rusi// Cesko-Slovenská Historická Ročenka, 1997. S. 83-93.

13. *Токар М.Ю.* Політичні партії Закарпаття в умовах багатопартійності (1919 -1939). Ужгород, 2006. С. 77.

14. *Pop I.* Dějiny Podkarpatské Rusi v datech. Praha, 2005. S. 323.

15. *Поп И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород: Издательство В. Падяка, 2001. С. 74

16. *Токар М.Ю.* Політичні партії Закарпаття в умовах багатопартійності (1919 -1939). Ужгород, 2006. С. 90.

17. *Токар М.Ю.* Політичні партії Закарпаття в умовах багатопартійності (1919 -1939). Ужгород, 2006. С. 91.

18. *Токар М.Ю.* Політичні партії Закарпаття в умовах багатопартійності (1919 -1939). Ужгород, 2006. С. 91.

19. *Болдижар М.* Закарпаття між Двома світовими війнами (Матеріали до історії суспільно-політичних відносин). Ужгород, 1993. С. 21.

20. *Поп И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород: Издательство В. Падяка, 2001. С. 74.

21. *Болдижар М.* Закарпаття між Двома світовими війнами (Матеріали до історії суспільно-політичних відносин). Ужгород, 1993. С. 29.

Ольга ПЕТУХОВА

СКАЖИТЕ, ПОЧЕМУ?!...



С именем Веры Лещенко теперь связаны иные даты: девять, сорок дней...

Теперь это зарубки нашей памяти.

При жизни вехи ее жизни были иными. Вера Георгиевна родилась в Одессе в 1923 г., 1 ноября. Училась в школе общеобразовательной и музыкальной, потом Музыкальное училище, консерватория. В 1942 г.

ее представили Петру Лещенко, приехавшему на гастроли в Одессу, певцу, чье имя было известно всему миру и лишь на его родине бывшее под запретом. Одна встреча растянулась на десять счастливых лет любви, надежды. Десять лет рядом с человеком, открывшим ей целый мир, ставшим ей мужем, другом, учителем, были самыми счастливыми в ее жизни.

Счастье их оборвалось в одночасье. Арестовали Петра Константиновича в 1951 г., потом и Вера Георгиевна предстала перед советской «тройкой палачей» в 1952-м. Приговор – 25 лет лагерей. Ей повезло, вскоре умер вдохновитель репрессий, и через два года она вышла на свободу.

Она была солисткой Брянской филармонии, потом Москва - оркестр Липского, затем Ренского, Союзконцерт, и до ухода на пенсию Вера Лещенко была на ставке вокалистки Москонцерта.

Судьба Петра Лещенко долгое время была ей неизвестна, а попытки получить о нем какую-то информацию оказывались безуспешными.

Лишь спустя два года она узнала, что Петра Константиновича не стало в 1954 г. – в год ее освобождения. Как будто, он оберегал и ждал, когда она окажется на свободе и доберется до Одессы. Именно в этот день и эти минуты он ушел из жизни. Для него она так и осталась Веронькой, любимой и желанной.

Шло время, ее уже звали по отчеству, и седина в волосах появилась, и замуж она вышла, но помнила и любила своего одного - единственного Петра Константиновича. Писала прошения в различные инстанции, обивала пороги чиновничьих кабинетов с одной единственной просьбой - помочь найти ее мужа, но в ответ слышала: «Нет информации. Обращайтесь в Румынию». Письма, что отправляла в Румынию, ей возвращались без ответа и объяснений. Ее огорчало, что репертуар Петра Константиновича многие использовали, а вот добрым словом его не все вспоминали. Еще долго он был под запретом в стране, которую любил. А когда фирма «Мелодия» выпустила первые долгоиграющие пластинки Петра Лещенко, когда его имя и голос стали звучать по радио, телевидению, когда появились в газетах и журналах первые статьи, не ругательные, а хвалебные, то успокоилась. Ей не нужны были гонорары, которыми ее старательно обделяли издатели, ее даже допускавшие авторы статей ошибки в биографии Петра Константиновича не очень огорчали. Главным для нее было то, что Петра Лещенко признали там, куда он мечтал вернуться. Она была очень благодарна кишиневцам, которые бережно хранили память о Петре Константиновиче. По инициативе Издательского Дома «Татьяна» в Кишиневе именем ее мужа были названы улица и переулок. «Одесситы мои любимые уже второй десяток лет говорят, обещают, а в Кишиневе уже таблички на домах появились с именем Пети», - говорила она. Добрым словом вспоминала Вера Георгиевна Сергея Суляка, единственного, кто писал о Петре Лещенко, не перевирая его жизнь, статьи которого строились не на домыслах, а на фактах. Когда он в чем-то сомневался, то признавался в этом, а не настаивал на своей версии. Самой Вере Георгиевне удалось лишь в последние годы жизни выяснить обстоятельства гибели ее Петра Константиновича, издать книгу воспоминаний о нем.

Вера Георгиевна, вдова Петра Лещенко, покинула нас 19 декабря 2009 г., в ночь с пятницы на субботу. В последние месяцы, несмотря на болезнь, подкосившую ее, она искренне радовалась выходу книги своих воспоминаний. Ее слова: «Я теперь спокойна. Кто любит Петра Константиновича, сможет узнать правду о нем. А кто завидует ему, пусть читает помойку в Интернете и тратит деньги на книги пустословов-авторов».

За два месяца до печальной даты, Вера Георгиевна сама вела переписку с поклонниками творчества ее любимого Петра Константиновича. Ее так радовало, что «не только старички» заглядывают на сайт. Каждый день она читала письма, которые поступали на ее имя по электронной почте. Ее интересовали отклики и первые рецензии на книгу, появившиеся в Интернете, ее волновало, как идет продажа

книги. Когда узнала, что в московском книжном магазине на Тверской ее воспоминания стали «лидером продаж», заплакала. То были счастливые слезы. У нее появилась надежда, что она поднимется, что болезнь отступит или хотя бы даст ей передышку, дабы и другие планы осуществить.

Казалось, с выходом книги недуг стал отступать, она начала строить планы о съемках фильма о Петре Константиновиче и тех десяти годах, которые они прожили вместе. Лет десять назад эту идею подсказал ей Александр Малинин, который надеялся, что такой художественный фильм удастся снять Эльдару Рязанову.

Вера Георгиевна верила, что поднимется и сможет побывать в Кишиневе и Бухаресте, что сможет пройти по улочкам, по которым ходил Петр Константинович, прикоснуться к сцене, на которую он выходил в Кишиневе в самом начале своей сценической жизни. Вера Георгиевна ждала вестей из Бухареста: появилась надежда, что могила Петра Константиновича существует. Она мечтала, что добьется перезахоронения своего любимого и упокоится только рядом с ним.

Вера Георгиевна боялась ходить на кладбище, когда же такое посещение было неизбежно, очень нервничала. Однажды, лет семь назад, на Перепечинском кладбище хоронили ее знакомого музыканта. На следующий день она призналась: «Ох, не могла уснуть. Я только там хочу перезахоронить Петечку и сама там хочу найти покой рядом с ним. Я нервничала, плакала, а когда приехали на кладбище, успокоилась. Там тихо и красиво. Я увидела красавцев павлинов и вспомнила, как мы с Петей в Бухаресте ходили в парк кормить их. Нас поначалу ругали зрители парка, а потом только нам разрешали подходить

близко к птицам. Вчера я увидела совсем новое кладбище, где мне сердце согрело то, что там память хранят красиво. Цветы необыкновенные и павлины – чудо! Для меня престижно там, где умеют хранить память. А не показухой заниматься».

Вера Георгиевна последние месяцы



Вера и Петр Лещенко с подругой Лелей и ее дочкой. Яссы, Румыния, 1950.

была прикована к постели, но она отказывалась подчиниться хвори. И все же сердце ее слишком устало и, в конечном счете, не выдержало. Ее последние слова были: «Петья! Петья! Петья!» По ее рассказам, так звали Лещенко румыны.

Она звала своего Петью! Она спешила к нему.

В тяжелые дни прощания с Верой Георгиевной было одно утешение, что она обретет покой, встретив своего любимого человека, с которым их разлучили почти шесть десятков лет назад.

Веру Георгиевну похоронили на Перепечинском кладбище. День был морозный, но ясный и солнечный. Провожали ее самые близкие, самые верные поклонники и друзья. Приехал из Одессы ее младший брат Анатолий Георгиевич Белоусов.

Из Лос-Анджелеса Майя Розова прислала стихи, которые прозвучали на прощании:

Ещё одна история любви
Оплакана, рассказана, воспета...
Что это? Снег так бел? Иль херувим
Звездоу ВЕРА нам добавил света?

А рядом с ВЕРОЮ уже горит
Звезда печальная - звезда страданий и утрат.
Певцу, в неволе убиенному, принадлежит.
Её давно зовём мы именем Петра –
Певца любви...
Он пред кончиной Веру свою звал!
Она ж его мучителей молила о пощаде,
Но смерть спасла Петра от мук, явившись на закате...
А Вере на вопрос: «СКАЖИТЕ, ПОЧЕМУ?» - никто так и не дал
ответа!

Две яркие звезды! Теперь уж навсегда
Сиять им на свободе в небе тёмно-сером.
Пусть век ушёл, но с нами ПЁТР - давняя звезда
И рядом звёздочка... Её вчера назвали ВЕРА.

Больно, что Веры Георгиевны нет с нами. Но каждый, кто захочет вспомнить эту замечательную женщину, может на небо взглянуть и добрые слова памяти сказать звездочке по имени Вера.

На сайте www.petrleschenco.ucoz.ru после сообщения о кончине Веры Георгиевны появились слова соболезнования. Есть из Молдавии: «Весь русский и молдавский народ, все те, кто хоть раз слышал «Мама» в исполнении Веры Георгиевны, скорбят».

Владимир АНИКИН**СЕРГЕЙ ПОЖАР:
ПРЕРВАНЫЙ ПОЛЕТ**

Безвременный уход из жизни этого Человека стал шоком для многих людей. Его знали как известного музыковеда, журналиста, композитора, культуролога, критика, летописца музыкальной культуры края. И все это был Сергей Пожар в одном лице! Много добрых дел совершил он за свою недолгую жизнь – дел и великих, и малых, достойных настоящего христианина, на благо и из любви к Богу и людям. Он был частью той самой великой жертвенной Любви, которая, как свидетельствует Библия, «милосердствует, не завидует, не превозносится, не ищет своего, не мыслит зла, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит». Много пришлось стерпеть и претерпеть

ему на этом пути.

Даже в самые последние дни, сраженный жестокой и безжалостной болезнью, он проявлял искреннее участие и заботу о судьбе родных, друзей, своих учителей. До последней минуты, не жалея себя, писал очередной труд, следуя излюбленному девизу: «Лучше полное изнеможение, чем безделие». В людях более чем ум, честность и преданность Сергей Пожар ценил доброе сердце: «Не имея любви – я ничто!»

Сергей Пожар родился в Кишиневе 22 апреля 1961 г. Окончил музыкальное училище имени Шт. Няги, Молдавскую государственную консерваторию имени Музическу (кафедра теории музыки и композиции). Преподавал музыкально-теоретические дисциплины и фортепиано в школе искусств имени В. Полякова. В последние годы являлся докторантом Института культурного наследия Академии наук Молдовы.

Творческий вклад Сергея Пожара в музыкальную культуру нашей страны поистине огромен. Он является автором монографической серии «Гордость музыкальной Молдовы», нотных альбомов, книг «История музыкального Кишинева», «Лучафэра таинственный полет», «Плоды одного древа» (в соавторстве с К. Шишканом), составителем и автором (совместно с К. Шишканом) фундаментального двухтомника «Молдавско-русские взаимосвязи в искусстве в лицах и персоналиях» (XVIII-XX вв.) и др. Им опубликовано свыше 1500 газетных и 150 журнальных материалов, научных и энциклопедических статей. В них Сергей Пожар зарекомендовал себя как талантливый журналист и публицист, замечательный знаток музыкального дела и способный популяризатор искусства. Сам за себя говорит тот факт, что Сергей Пожар являлся членом многих творческих профессиональных организаций: Союза композиторов и музыковедов, Союза музыкальных деятелей, Союза журналистов, Союза театральных деятелей, Союза писателей «Нистру», Ассоциации русских писателей Республики Молдова. Сергей Пожар был автором ряда материалов, опубликованных на старницах международного исторического журнала «Русин».

Как состоявшийся и востребованный профессионал Сергей Пожар на протяжении десятилетий всегда был в центре музыкальной жизни, достойно представляя отечественную многонациональную культуру и пропагандируя ее достижения среди широких слоев общественности. Самой природой он был запрограммирован на позитив и добро. Он торопился жить, будто чувствуя, как короток отмеренный ему жизненный путь. Горячий жизнелюб, он был любимцем музыкальной и журналистской общественности. Колоссальная жизненная сила была в нем ключом, хлестала фонтаном. Бессребреник, он притягивал людей, как магнит – обаянием, эрудицией, богатством сердца.

Несмотря на тяжелейшую болезнь, прикованный к постели, он до последнего дня интересовался событиями текущей музыкальной жизни, дописывал начатые книги и статьи, и только жестокая смерть вырвала перо из его ослабевших рук.

Сергей Пожар был истинным подвижником, настоящим летописцем музыкальной культуры нашего края. За свои 48 лет жизни он успел сделать много хорошего, сказать людям и выразить музыкальными фразами много добрых мыслей и пробудить немало добрых чувств. Жаль, что заслуги его так и остались не отмеченными по достоинству государством. Зато его имя навсегда останется в памяти кишиневцев и всех, кто его знал.

Максим СЕРГИЕВСКИЙ

ТОПОНИМИЯ БЕССАРАБИИ И ЕЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О ПРОЦЕССЕ ЗАСЕЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ

I

Местные географические названия являются при отсутствии исторических свидетельств верными показателями смен населения на той или иной территории. Можно вспомнить, что во Франции, например, местные названия позволяют нам установить нахождение на ее территории в глубокой древности лигуров, затем кельтов, римских завоевателей, затем франков и скандинавов, и так на всех территориях, испытавших в своей истории смены населения. Вполне естественно, что и на территории между Днестром и Серетом мы вправе ожидать сохранения географических названий от тех народов, которые здесь были до молдаван, и задачей настоящей статьи является освещение вопроса о хронологической последовательности и языковой принадлежности этих народов на основе анализа местных названий.

Уже давно замечено, что из местных названий большие реки особенно упорно сохраняют свои старые наименования, полученные от очень давних жителей своих берегов, и при последующих сменах населения. Напротив, названия мелких рек, как и населенных пунктов, обычно ведут свое начало от тех поселенцев, которые появились в той или иной области после известного периода ее запустения или вообще впервые населяли ее. Новые пришельцы дают названия новым населенным пунктам, обычно сохраняя прежние названия за оставшимися на своих местах селениями со своими жителями. На интересующей нас территории название Дуная сохранилось у ряда народов в его древнейшем наименовании, принадлежавшем, по всей вероятности, кельтам и фракийцам. Так, именно римляне и позже германцы (готы) усвоили название реки в её кельтской форме (*Danubius*, *Danuvius*, *Danuvīs*, откуда германское *Dunavī* (s), древневерхненемецкое *Tuonouwa* и южнославянское Дунав, русское Дунай), тогда как в румынском языке сохранилось фракийское имя этой реки *Donavis* или **Donave*, давшее румынское **Dunăve*¹. Так точно название Прута сохранило свою скифскую форму (Пората по Геродоту (IV, 78), пройдя через славянскую речь (*Broutos* у Константина Багрянородного, *De administer. imperio*, с. 38, с обычной заменой славянских глухих

согласных звонкими в греческой передаче), откуда его усвоили и румыны: Prutu)². Скифским признается и название Днестра, сохраненное у славян (геты, а за ними греки называли его Tygas) и впервые приведенное у Константина Багрянородного в форме Danastris (назв. соч., с. 42), откуда старославянское Дънѣстр. Из этого последнего появилось и румынское Nistru. Название р. Серета не получило удовлетворительного разъяснения до сих пор, тем более, что оно появляется поздно (у того же Константина Seretos, в с. 38), но Вейганд думал, что его румынская форма Siret указывает на происхождение из венгерского Széret с передачей долгого венгерского закрытого гласного «е» через «i»³. В специальной статье, указанной в примечании, Вейганд установил, что в Молдавии и Буковине на долю славянских названий рек (болгарских, украинских и с точно неопределяемой принадлежностью) приходится $64+8=72$ названия, на долю венгерских – 18, тюркских (половецких и татарских) – 7 и на долю собственно молдавских (романских) – 24 при неопределенной вообще этимологии. Объяснение этому он находил в том, что вся рассматриваемая им территория не была заселена романцами ранее XIII в., так что «все большие, средние и малые реки удержали уже имевшиеся их имена, и только речки и большие ручьи... могли кое-где получить румынское (*т. е. молдавское. – М.С.*) наименование»⁴. Для Бессарабии он же устанавливает большинство украинских названий (Ракитная, Лопатник, Раковец, Каменка, Нирнова (от нырять), Лопушница, Гырла, Бистрица, Ворона, Черный Поток, Долгая, Солонец, Бык, Ботна), затем еще большее количество татарских (на юге, главным образом: Чугур, в старых документах еще Чохру), Дели (татарское дели – «бешеный»), откуда и позднейшее русское название «Бешеная»), Кагул, Ялпуг, Тараклия, Катлапуг, Киркиз-Китай, Алпага, Ташлык, Бокчала, Чага, Чилигидер, Хаджидере, Алкалия, или Алкали-дере Чулук, Кайнара), так что на долю молдавских названий приходится всего семь (Сарата, дважды, Салча, Лунга и Лунгуцэ, Скиноаса, Копачанка, Рыулец), и неразъясненными остаются четыре: Тигечу, Когальник, Реут, Икел.

К этим данным Вейганда можно добавить, что молдавские названия падают главным образом на мелкие речки и балки, т. е. собственно овраги, по которым селились в тех краях, как то имеет место вообще в южных степях старой Новороссии. К приведенным Вейгандом названиям можно добавить еще следующие, в первую очередь, из Хотинского уезда, где мы имеем довольно много славянских названий ручьев и речек: Бабанка, Богдан, Белокрытый, Блажков, Велия, Драбище, Голановка, Жолубка, Желодок, Жулиша, Камениа, Казимиров, Колота, Криница, Мураванка, Небуловка, Пеливанова, Ракова Долина, Разбойничий, Рестовка, Скоропад, Суржа, Татарка, Тетерина, Яма. В соседних уездах - Белецком, Оргеевском и Сорокском - такими же

названиями являются Булат, Владник, Волонтир, Гирло, Добруша, Драганич, Косерец, Клошка, Копачанка, Луг, Перев, Петрушанка, Цыганка, Черница, Черная, Яблонь. Меньше их всего в Кишиневском уезде, где можно отметить только Ботно, Боск, Братулянка, оз. Владына, Кобак, Телаца, Тогатин.

Молдавскими названиями в Хотинском уезде являются Бриндза, Валя-Туркулуй, Извора, Китросы, Ларга, Пичера, Речь, Руда, Царалунга, Цепиль, причем все они относятся к мелким речкам и ручьям. В соседних уездах можно отметить балки Валя-Реча, Валя-Кугурешты, Валя-Боулуй, Валя-Кобыльня, Валя-Сатулуй и речки Болцата, Скрофа, Ункитешь в Сорокском уезде, Балана, Глodos, Куконешты, Окю-Алб, Попорница, Синжиорца, Шувоя и Реуцел (с молдавским уменьшительным суффиксом, образованное от Реут) в Белецком, Валя-Сыркова в Оргеевском уезде. Больше молдавских названий в Кишиневском уезде: Будей, Глабина, Ботнишора (с молдавским уменьшительным суффиксом, образованное от Ботна), Гаурены, Сарата, Реча, Фагадеу, Траистен. К ним можно добавить еще из Бендерского уезда Гура-Сарацынка, Колбараш, Лунга, Лунгуца, Рошкана, Сарата – большей частью опять балки и ручьи.

Помимо этого встречается несколько татарских названий, а именно: Кула, Чугра, Чулика, Сака, Куяльник, Токуз в северной и средней частях Бессарабии, особенно же в южной, где еще отметим Джалаир, Кончак, Кургута, Кашпалат, Киргиз, Катлабуга, Ирзюрум, Тамур.

Все это говорит за то, что в Бессарабии молдаване при своем появлении застали уже компактное население, в первую очередь, славянское, на юге же ранее молдаван обосновались татары. Из позднейшей истории мы знаем, что южная часть Бессарабии, к югу от линии Лео-во (на Пруте) – Бендеры, называлась у турок Буджаком (угол), куда в 1569 г. султан Сулейман II поселил татар-ногайцев, где они и кочевали до конца XVIII в., после чего эта часть Бессарабии заселялась на свободных землях самыми разнообразными по своей национальной принадлежности поселенцами: украинцами, болгарами, гагаузами, немцами, русскими, албанцами, греками, французами, чехами.

Если от названий рек перейти к названиям населенных пунктов, то и здесь вырисовывается сходная картинка, свидетельствующая об относительной древности славянского населения в Молдавии и Бессарабии сравнительно с романским. В исследованиях Маргареты Штефанеску о славянских элементах в топонимии Молдавии, Буковины и Бессарабии, помещенных в журнале «Arhiva» за 1921-1924 гг., приведены интересные и убедительные данные, свидетельствующие о наличии здесь славянского элемента задолго до молдаван⁵. Так, анализируя названия, производные от славянского корня grad (Grădiște и т. п.) и horod (Horodiștea, Horodca и пр.), она показывает, что первые

встречаются почти исключительно в Валахии, где они восходят, несомненно, к южнославянским населенкам, о существовании которых на левом берегу Дуная во времена Первого Болгарского царства мы точно знаем. На старой же молдавской территории встречаются только производные от «город», что ясно указывает на давнее наличие здесь восточнославянского населения с характерным для русского и украинского языков полногласием. Наличие полногласных форм, -редких, правда, в первых церковнославянских памятниках русского письма в XI-XII вв., - позволяет считать явление полногласия уже завершившимся к XI в. Передача звука «г» через «h» в тех же названиях указывает, что славянские носители этих названий принадлежали к южной и западной группе восточнославянских племен, т. е. к предкам нынешних украинцев, у которых взрывное «г» рано изменилось в фрикативное «γ» (и еще позже в придыхание «h»). Это изменение трудно приурочить хронологически, но оно все же раннее, даже если не опираться на названия днепровских порогов у Константина Багрянородного, как Ροῦλι πραχ, где в передаче слова «праг» через «прах» можно видеть уже отражение фрикативного произношения «γ», в конце слова звучавшего как глухое «x» (взрывное «Г» дало бы в таком случае «К»⁶). Как бы то ни было, значительное количество названий, восходящих к термину *horod* на территории, занятой молдаванами только с XIV в., подтверждает, по мнению самой Штефанеску, возможность наличия здесь славянских поселений по крайней мере с XII в.

Дальнейшие ее исследования показали большую распространенность на той же территории типично восточнославянских названий с полногласными формами, как *Vorona-Voroneț, Storoiineț, Soroc-Soroceni, Solona-Soloneț, Bolotina, Voloseni, Berezana*, которым в Валахии и Трансильвании соответствуют опять-таки южнославянские *Vrancea, Straja, Slatina, Vlașca, Breaza*. О том же говорят и такие параллели, как *Dolhasca-Dolhești, Halița, Hrăniceni, Hulubul-Hulubași, Zahorna, Hlina, Hliboca* на молдавской территории, которым соответствуют в Валахии *Dâlga-Dâlgov, Galița, Golumbul - Gulumbeni, Goranul, Glina, Glimbocul* южнославянской фонетикой. Чисто восточнославянскими являются и названия *Buhaiul-Buhaiești, Hribescoi, Ciornahora, Ciorna* (при *Cerna* - обычном в Валахии), *Cernăuți* (первые в документах 1407 г.), *Ostopeni-Ostopceni, Olinca* и т. п. Наконец, огромная масса местных названий с окончанием *-ăuți*, встречающихся на молдавской территории, представляет позднейшее изменение восточнославянского же окончания, весьма употребительного в местных названиях, -овци. Это окончание встречается и в многочисленных чисто славянских названиях, как *Ivancăuți, Dubăuți* (известно

с 1463 г.), Rădăuți, Leucusouți (упоминается в 1400 г., ныне Leucuseni), Hogosați и т. п. и в собственно молдавских (редко), как, например, Șerbăuți. Многие из них упоминаются в документах XV в. Еще с окончанием -ovți, как, например Mihailovți, Balasânovți. Все подобные названия встречаются в Буковине, Молдавии и Бессарабии (особенно в Хотинском уезде).

Все эти факты приводят М. Штефанеску к общему выводу, что восточные славяне, оставившие на территории старой Молдавии в общей сложности 548 названий с чисто славянскими корнями и 321 название с славянским суффиксом -овци, имели особенно широкое распространение в Буковне (174 названия), в Северной Молдавии и Северной Бессарабии (Хотинский, Сорокский, Оргеевский уезды). В остальных частях дако-романской территории восточнославянские названия встречаются в единичных случаях. В документах славянские названия встречаются уже с XV в., следовательно, с эпохи основания молдавского государства. Очевидно, что когда молдаване пришли в новые области своего жительства, они уже застали здесь славянское население и от него усвоили и сами наименования населенных пунктов. Особенно подкрепляет это положение тот факт, что не только населенные пункты, но и названия географических объектов – гор, рек, долин, холмов в этих местах часто носят восточнославянские названия, чего не могло быть, если бы славяне появились здесь позже молдаван. В итоге румынская исследовательница считает возможным говорить о наличии восточных славян в этих местах начиная с IV в., когда здесь, по свидетельству Прокопия, появляются племена антов.

В этих своих выводах Штефанеску опирается на положения проф. И. Барбулеску, высказанные им в одной статье в том же журнале «Arhiva»⁷, где ясский славист рисует распространение славянских племен в VI в., ссылаясь на Иордана, следующим образом: «Нельзя отрицать, что в VI в. славяне уже занимали, как то показывает Иордан, ту часть Траяновой Дакии, которая тянется на восток и север от р. Олта и воображаемого продолжения его по вертикали, т. е. ту часть, которая соответствует Трансильвании, Валахии и Молдавии до Днестра и далее в Россию; на север они распространялись от границ Дакии до самой Вислы. Из этих славян одни назывались словенами, именно те, которые принадлежали к болгарскому племени⁸, и они располагались от Серета или западных молдавских Карпат на запад через Валахию, Трансильванию и Банат; другие назывались антами, именно те, которых современная славистика рассматривает как русские племена⁹, и они располагались от Серета или западных молдавских Карпат на восток, по старой Молдавии, до Днестра и далее в Россию. Эти же географические соотношения между словенами и антами су-

ществовали и в XII в. ... с той лишь разницей, что болгарские славяне теперь распространились и на запад от Олта, в Олтению, Банат и Трансильванию. В Молдавии, таким образом, в XII в. живут русские славяне – анты, по крайней мере, в части ее, может быть, и болгарские славяне. Там не было еще румын, так как последние в своем движении с запада Траяновой Дакии на восток, начавшемся, по моему мнению, в X в., еще не продвинулись тогда столь далеко через Трансильванию и Валахию. Границ Галиции они достигли, по документальным данным, только после XII в.¹⁰

Акад. А. А. Шахматов в свое время¹¹ так представлял себе движение славян из Повислинья на Балканский полуостров, что в VI в. славяне уже занимали все территории к северу от Дуная, включая Галицию, Буковину и Трансильванию, причем словен (т. е. предков южных славян) и антов (т. е. предков восточных славян) разделяла река Прут. Движение первых дальше за Дунай и раздоры их с антами отбросили последних далее на восток до Днепра, к Приазовью. Однако на своей новой родине, т. е. в области между Прутом и Днепром, анты не удержались долго, так как начавшиеся в VI-VII вв. набеги кочевников болгар, затем аваров «отбросили антов от Черного моря и от степных его прибрежий к северу, в области, лежавшие по среднему течению Днестра и Днепра»¹², и только небольшая часть антских племен могла действительно оказаться под непосредственным владычеством аваров (дулебы Начальной русской летописи).

Однако после удаления болгар в конце VII в. на Балканский полуостров и с ослаблением аваров, втянувшихся далеко на запад, южные племена восточных славян начинают (примерно с VIII в.) вновь расширять область своего распространения, именно по нижнему течению Днепра, Ю. Буга и Днестра. В X в., на основании всех имеющихся данных (сочинения Константина Багрянородного, русские летописи), когда появились на юге России печенеги, уличи и тиверцы сидели по Днестру до самого устья его, по Ю. Бугу располагались бужане - дулебы и вольняне, в Галиции – хорваты. Движение печенегов оттеснило восточных славян вновь от Черного моря к западу и северо-западу, так что они могли расположиться уже южнее хорват, т. е. в Бессарабии или Буковине, а потом и вообще оттеснить хорватов в горы, заняв в Галиции «господствующее положение»¹³.

Очевидно, в Бессарабии и Северной Молдавии могли сохраняться племена южнорусов в то время, когда более южные области по течению Днестра, Прута и Серета заняты были в X в. печенегами, а еще позже половцами. Нашествие татар в XIII в. причиняло немалые опустошения в этих краях, и возможно, что часть населения в верхних долинах Днестра и Прута должна была временно бежать из своих

мест поселения, пока не прошла угроза татарского нашествия, откуда и известное запустение этих земель, отмеченное еще в XIII в. Но постепенно старые насельники, уцелевшие на своих местах и вновь вернувшиеся к ним, оказались на своей прежней территории, и когда молдаване начали селиться в области между Серетом и Прутом, они уже застали здесь тех же южных русов, от которых переняли и названия некоторых местных урочищ, рек, гор и самых мест поселений. Тем более в Бессарабии, где уличи сидели достаточно компактной массой и имели свои города, как тот Пересечен, который осаждал в 914 г. воевода Игоря Свентелд, они должны были удержаться и тогда, когда половцы отрезали в XII в. Бессарабию от общения с остальной Русью. Весьма вероятно, что в лесистых местах, в Средней и Северной Бессарабии, уличи могли остаться и еще получить усиление, когда Галицко-Волынское княжество владело и Северной Бессарабией, и частью Молдавии. Не исключена возможность поэтому видеть в украинском населении Северной Бессарабии и прилегающей Буковины потомков древних уличей или, во всяком случае, рассматривать их как «коренное население Бессарабии, возможно, сидящее здесь, в лесной области, с древнейших времен, может быть, со времен уличей»¹⁴.

Когда молдаване впервые появились в Бессарабии, – а это не могло быть раньше конца XIV в., – они застали в ней славянское население только что указанной племенной принадлежности и от него усвоили основные названия рек (см. выше), урочищ и населенных пунктов – последних, вероятно, еще довольно редких, так как из документов позднейшего времени видно существование здесь многих пустопорожних или малозаселенных земель. Известно, что в 1395 г. молдавские владетели завладели Хотинном, а в княжение Александра Доброго (1400-1432) их владычество распространилось далеко к югу. В 1412 г. в их руки перешел Белый Город (Аккерман), вскоре за этим Оргеев и другие города. С XV в. имеется уже немало жалованных грамот молдавских господарей, относящихся к Бессарабии, но характерно, что большинство местных названий в этих грамотах являются славянскими. Так, в одной грамоте Александра Доброго от 1420 г. при пожаловании землею Варзаревского монастыря (около 60 км от Кишинева) упоминаются такие имена: Лозова, Горланич, Криница, Малый Лужок, Пересечен, р. Быковец, Садова, Тигомирово Селище, т. е. исключительно славянские¹⁵.

В другой грамоте того же господаря от 1412 г. упоминаются села Володовци и Вешня Чернавка против Топоровци¹⁶. В грамоте Стефана от 1436 г. упоминаются села «на Ревте (ныне Реут) на имя Проккопинци, где был Проккоп и Васил Ватаман», Мачковцы с пасекой Козаровци и Белая Криница, «на устье Волчинца и на Иткиле межд

Кротолчи пониже, где камень стоит повыше Оцелова места и близ Быку по той стороне, на долину, что падает против Акбашева Кешенева у Кръница, где есть татарская селище»¹⁷. В грамотах Александра от 1452 г., данных Враничу и Михаилу логофету, встречается «отчизна на имя Лужане, позже Рипужинци на Пруте» и «Прокопени на Ревте и повыше Хотиня на Днистри Рашковци»¹⁸. В 1454 г. новая грамота подтверждает последнее пожалованье, к которому добавляется «пасака на Днистри на имя Билѣково» и «под Снѣтаном Гавриловци». В грамотах Стефана 1445 и 1446 г. было пожаловано Оанча логофету село «Прокопьяни на Ревтя» и «отныне на Ревте, где был дом его на имя Бучаичовци» некоему Огорилку¹⁹. Наконец, в грамотах Стефана Великого (1457-1504), которые мы имеем полностью в двухтомном собрании проф. И. Богдана²⁰, к Бессарабии относится несколько десятков названий, в которых наряду с несколькими молдавскими и даже татарскими названиями встречается опять-таки большинство славянских. Таковыми, во всяком случае, можно считать следующие названия, встречающиеся в соответствующих документах:

Белый Град, Белгород – в грамотах 1462, 1466, 1470 г. и т. д. (I, 60, 96, 143 и др. – ныне Аккерман); Велия р. – в грамоте 1503 г. (II, 230-231; Коржоуци на Вилли); Висока пасека – в грамоте 1466 г. (I, 106; пасека Висока у Ботне); Вишневец р. – в грамоте 1470 г. (I, 145 и сл.); Врabria пасека – в грамоте 1483 г. (I, 269); Готовции сел. – в грамоте 1483 г. (I, 269, 271); Гришани сел. – в грамоте 1495 г. (II, 82-83); Гвоздовци сел. – в грамоте 1503 г. (II, 230-231); Городище сел. – в грамоте 1466 г. (I, 108-109, дана только в переводе); Дереневь сел. – в грамоте 1495 г. (II, 82-83); Добрени сел. – в грамоте 1500 г. (II, 179-180), на Лапушне, ныне не существует; Дрисливае сел. – в грамоте 1491 г. (I, 459-460); Дубровка оз. – в грамоте 1500 г. (II, 170-172); Захорна оз. – в грамоте 1500 г. (II, 170-172); Захорна оз. – в грамоте 1458 и 1463 гг. (I, 8, 75-77); Крълани – в грамоте 1470 г. (I, 148-149); Кышчина – в грамоте 1500 г. (II, 170-172); «Озеро Дубровка с грълюю на Кишчина», очевидно, от имени Кишка; Келия – в грамоте 1470 г.; Киприянова пасека – в грамоте 1470 г. (I, 145-148, у Ботнех); Кобылия сел. – в грамоте 1482 г. (I, 262-263, ныне Сорок. у.); Кобльчени сел. – в грамоте 1470 г. (I, 155-156, ныне Хотинск. у.); Костещи – в грамоте 1499 г. (II, 130-131, «на устье Чюхра, где упадает в Прут»); Кривая болото – в грамоте 1500 г. (II, 170-172); Левкоции – в грамоте 1483 г. (I, 269), ныне не существует; Маятин – в грамоте 1495 г. (II, 82-83, упоминается еще в грамоте 1437 г. на Реуте); Михайловци – в грамоте 1466 г. (I, 108-109, дана в переводе, ныне не существует); Ревковци сел. – в грамоте 1499 г. (II, 139, на Ракитной около Прута от собств. им. Ревко); Синашевци сел. – в грамоте 1495 (II, 71-73); Стънилешии

сел. – в грамоте 1493 г. (II, 32, ныне Станилещи Хотинск. у.); Стѣнкѹ цили – в грамоте 1490 г. (I, 434-43, ныне Бельцк. у.); Тернавка р. – в грамоте 1470 г. (I, 145-149); Топорещи Стари сел. – в грамоте 1493 г. (II, 3-5, от собств. имени Топор); Трестяна р. – в грамоте 1466 г. (I, 108, дана в переводе); Угриновци сел. – в документе 1437 г. (I, III, ныне Хотинск. у.); Ходорѣчинци – в грамоте 1503 г. (II, 230-231, ныне Ходороуцы Хотинск. у.).

К этим названиям славянского происхождения можно добавить лишь следующие молдавские имена, встречающиеся в тех же грамотах.

Гаурѣнии сел. – в грамоте 1490 г. (I, 434-435, ср. мол. Гэурадыра, дупло); Къпѣцьроаса поток – в грамоте 1503 г. (II, 228-229, вероятно место Кътъцьноаса с типичным старомолдавским переходом н в р, ср. рум. *sărătâñă* – голова); Мургочени сел. – в грамоте 1502 г. (дана в переводе; ср. мург – гнедой, селение ныне не существует); Негоещи сел. – в грамоте 1430 г. (I, 434-435, образовано от известного собств. имени *Negeois*, ныне не существует); Скутуручени сел. – в грамоте 1490 г. (I, 434-435, ср. скутур – дрожь, содрогание, ныне не существует); Тинтуле сел. – в грамоте 1489 г. (I, 276, от собств. имени Тинтул); Хирова сел. – в грамоте 1489 г. (II, 82-83, «одно село на Маятинех на имя Хирова mezi Деренева и mezi Гришани» – ныне Орг. у.); Шопрълян сел. – в грамоте 1483 г. (I, 274-276, от шопырла – ящерица).

Наконец, встречаются еще названия, этимология которых или татарская, или неясная: Дѣля р. и Дялещи сел. – в грамоте 1490 г. (I, 434-435, татарского происхождения, см. выше); Кълмѣуц сел. – в грамоте 1490 г. (I, 339, дано лишь содержание документа); Кишинев – в грамоте 1466 г. (I, 116, дано в переводе) и 1458 г. (I, 8, угодя от Червленого Кешенева до Загорни); Ласлъоани – в грамоте 1490 г. (I, 434, ныне не существует, образовано, возможно, от венг. собств. имени *László* из слав. Владислав); Орхей – в грамоте 1497 г. (II, 98, под Орхеем); Ризина сел. – в грамоте 1495 г. (II, 70-73, «Ризина село на устье Ризине на Днистри», ныне Орг. у.); Чюхру р. – в грамоте 1499 г. (II, 130-131, стр. тур. сики – яма).

II

Если обратимся теперь к местным названиям населенных пунктов Бессарабии, то мы увидим следующую картину. В Хотинском уезде все названия можно поделить на две группы: одни, несомненно, восточнославянские, другие по внешнему виду своему представляются как будто молдавскими²¹. Однако при ближайшем рассмотрении значительная их часть оказывается образованной от славянских корней, и, видимо, лишь позднее эти названия приняли молдавский облик. К

первой группе относятся такие названия, как Аристовка, Бабин, Баламутовка, Балковцы, Берестья, Берлинцы, Билявинцы, Витрянка, Владычна, Волошков, Волчинец, Вороновица, Грозинцы, Грубна, Грушовцы, Довжок, Единцы, Еленовка, Залуга, Каплевка, Кирстинцы, Клокушна, Коболчин, Комаров, Коновка, Котельна, Котилев, Крива, Круглик, Кулишовка, Левинцы, Ломачинцы, Лопатина, Макаровка, Малинцы, Медвежа, Михалкова, Михайловка, Млинки, Непоротов, Новоселица, Ожогов, Онута, Пеливанов-Яр, Перебыловцы, Перерыта, Перковцы, Плитова, Поляна, Пригородок, Причепа, Рашков, Ржавинцы, Рокитна, Роспопинцы, Рукшин, Рухоти, Селище, Шиловцы. Как легко видеть, часть этих названий получила свои наименования от местных природных условий (например, Поляна, Рокитна, Грушовцы), другие свидетельствуют о своей принадлежности тем или иным владельцам (Аристовка, Владына, Пеливанов-Яр и вообще названные по фамилии владельцев или основателей), некоторые указывают на самые условия своего возникновения (Селище, Новоселица, Пригородок, Причепа (выселки), Млинки).

Что касается второй группы названий – численно меньшей, то здесь следующие могут быть признаны безусловно молдавскими: Богданешты (от имени Богдан), Больбока (от болбоака – омут), Бричаны (от брич – бричка), Буздужаны (ср. буздуган – булава), Бурланешты (ср. бурлан – дымогарная труба), Бырново-де-Сус (ср. бырна – бревно), Вишора (ср. вишоара – виноградник), Гиждеу (ср. фамилию Хыждэу), Гинкоуцы (ср. фамилию Гынку), Гординешты (ср. городин – сорт винограда), Дарабаны (ср. старое название пехотных солдат в Молдавии – дарабан), Дренгоуцы (ср. дрынг – народный музыкальный инструмент), Думены (ср. думан, думана – кличка домашнего животного, рожденного в воскресенье), Котюжаны (ср. котюга – колесни), Кормань (ср. кормана – отвал у плуга), Ларга (ларг – широкий), Мамалыга, Негринцы (негру – черный), Окница (окница – подпечек), Пояна (из слав. поляна), Ратунда (рэтунд – круглый), Рестев (ср. рэстеу – колышек в ярме), Секуряны (ср. секуре – топор), Сербичаны (ср. сырб – серб), Синжер (ср. синжер – кизил), Табан (ср. табан – подошва), Толбурияны (тулбуре – мутный), Тицканы (ср. кицкан – крыса, с народным молдавским произношением «к» перед «и» как мягкого «т»), Трестьяне (трестие – тростник, из славянского), Тырнава (старое заимствование из слав.), Фетешты (от фатэ, мн. ч. фете – девица), Шендряны (ср. шиндрила – тесина), Шербинцы (ср. шербинте – горячий), Шобутинцы (ср. шобота, шюбота – сапог), Шпроуцы-де-Сус и Шпроуцы-де-Жус (Широуцы Нижние и Верхние, изв. из документов XV в., Bogdan, I, 214-215, ср. шира – ряд), Чепонос (ср. чапо – лук). Несколько названий может быть отмечено как турецкие или татар-

ские, как именно Анадоли (тур. Anadoli – Анатолия), возможно, Атаки (тур. atak – отважный), Безеде (тур. begzade – сын бея, принц), Каракушаны (тур. karakuş – орел), Карлыксу (тур. karlık – сосуд для снега, su – вода), Кишла-Замжиева, К.-Салиева, К.-Зелена, К.-Нежимова (тур. kışla – казарма или kışlak – зимовье, зимнее пастбище).

Но ряд названий можно признать исконно славянскими, как, например, Белоуцы (очевидно, искони Беловцы), Бузны и Бузовица (ср. бузина), Бочкоуцы, Ванчикуцы (вероятно, от имени Иван), Василиуцы (Василевцы), Васкоуцы (Васьковцы), Вартикоуцы, Вороничаны, Гвоздоуцы, Гулишвска (Белоусовка тоже, очевидно, из Билишевко, с молдавским произношением «б» перед «и» как «г»), Глиноя и Глиннояде-Сус (т. е. Нижняя), Гордиуцы (Гордиевцы), Гремешты, Гриноуцы (Гриневцы), Гринешты, Громадзены (от укр. Громада), Данкоуцы (Данковцы), Диноуцы, Долиняны, Зарожаны, Коленкоуцы (Коленковцы), Колинауцы, Козыраны – Чубревские (при долине Козырь), Коржеуцы (ср. слав. корж – селение известно из документов XVII в.), Користоуцы (ср. корысть), Косоуцы (от косой), Кошуляны (от кош, кошель), Липканы²², Лукачаны, Малинешты, Маркоуцы (Марковцы), Михайлены, Михалашаны, Молдава, Мошанец, Нагоряны, Недобоевцы, Нисвои, Никорешты (ср. Некора), Паладия (Пелагея с молд. произношением «г» как «д»), Ревкоуцы (см. выше), Романкоуцы, Росшаны (ср. Россось), Ставчаны, Сталинешты (из Станилешты, см. выше), Строенцы (Строешты), Тарасоуцы, Толмачея, Ходороуцы (от имени Федор), Шишкоуцы, Яноуцы, Черлена (см. червленый).

Некоторое количество названий остается без точного приурочения, как именно Бадраж (Старый и Новый), Баласинешты, Барладяны (ср. Bărlad в Румынии невыясненного происхождения, см. Draganu, назв. соч., стр. 583), Галагоры (Халахоры), Гримакоуцы, Клишкоуцы, Ленкоуцы, Маришинцы, Мендыкоуцы, Рынгач, Санкоуцы, Трибисоуцы, Тринка, Форосна, Чербев, Чепелиуцы.

В Сорокском уезде славянские и молдавские названия представлены примерно поровну. Чисто славянскими являются Анфисовка, Атаки, Балинцы, Брайков, Бужаровка, Варварьевка, Васильков, Волова, Воловицы, Волчинец, Воронков, Высока, Гвоздова, Головчиненская, Головчинцы, Городище, Дементьевское, Димитриевка, Дубна, Егоровка, Жайка, Загорна, Застынна, Касовка, Кобыльна Новая и Старая, Котовка, Кошелевка, Кошмирка Низшая и Высшая, Кременчук, Липник, Люблин (Немеров), Макарьевка, Марамоновка, Мерешевка, Нападова, Немеровка, Околина, Паустов, Погорна, Покровка Новая, Правила, Раковец, Рашков, Рубленица, Рулиница, Савка, Самойловка, Санатовка, Сивирова, Славянка, Сокол, Старовка, Степановка, Сударка, Татаревка Старая и Новая, Телешевка, Тырнова, Ципилова, Черепков,

Черлина, Чернолевка, Чорница, Ярова, как и самое название города Сороки. Значительная часть этих названий происходит, как можно думать, от имен или фамилий местных владельцев, некоторые же повторяют названия, известные по другим областям. Чисто молдавскими следует признать Бадичены (ср. баде – дядя [обращение] и такие названия, как Bădăcin в Трансильвании, Балашешты, ср. глагол а бэлэши [в народном произношении] – шлепать по воде), Бодешты (ср. обычную фамилию Бодол, а отсюда образованное мн. число), Болбочи (ср. болбоака – омут), Бричаны (см. выше), Бырнава (см. выше), Вадены (ср. вад – брод), Валя Цариградулуй (букв. – долина Цареградская), Ванцина (ср. Vancza Valachus в одном венгерском документе XV в. у Drăganu, 407), Гарбуцканы, или Гарбузаны (ср. харбуз – арбуз), Гертоп (ср. народн. молд. гыртоп – пещера, логовище), Гиндешты (ср. гынд – мысль), Гирбова (ср. молд. гырб – черепок), Гура Кайнар и Гуро-Каменца (ср. гура – устье), Драганешты (ср. фамилия Драгану), Дрокиз (ср. имя Драгош, Дракош), Думбравены (молд. думбрава – лесок, роща), Думены (см. выше), Думулужены (ср. домол – тихий, спокойный), Згурица (ср. згура – шлак), Изворы (ср. извор – источник), Иоржиница (ср. фамилию Йорга), Кайнар-Веки и Кайнар-Ноу (Кайнар – по-татарски горячий), Каларашевка (кэлэраш – всадник), Капрешты (капра – коза), Кетросы-де-Сус (т. е. К. Нижний от нар. молд. кетрос – каменистый), Кодряны (от кодру – лес, производное кодрян – лесной житель), Коначены (конак – усадьба), Корбул (корб – ворон), Кот (кот – локоть), Котюжаны-Маре и К.-Мичь, т. е. К. Большие и Малые (см. выше), Кукуецы (ср. рум. cuscuiat – хохлатый), Кошерница (ср. кошар – загон), Лунга (лунг – длинный), Мошаны (мош – дед), Надушита (нэдушит – потный), Ниорканы (нар. молд. а ньоркэй – квакать), Плопы (плоп – тополь), Пепены (пепене – дыня), Попешты Высшие и Низшие (от попеск – поповский), Пояна-Куничи (см. выше), Препелица (препелица – перепелка), Проданешты (ср. собств. имя Прэдан или Продан), Путынешты (ср. путина – кадка), Пырлицы (пырлит, мн.ч. пырлиц – несчастный), Радулены (ср. собств. имя Радул), Редю Маре (букв. – большая роща), Речешты (возможно, от рече – холодный), Резелея (ср. а рэзэлуи – тереть), Рогожены (может быть, от рогоз – осока), Рошиетич (рошиатек – красноватый (упом. в док. 1623 г. на Реуте у Bogdan, I, 227), Руда Высшие и Низшие (руда слав. происхождения – родня), Салча (салче – ива), Сербешты (сырбеск – сербский), Скаяны и Скаены (скаю – репей), Собарь (собар – печник), Стефанешты (собств. имя Стефан), Стинены (ср. стына – овчарня), Стырчены (ср. стырк – цапля), Тимилиуцы (ср. темелие – основание с уменьшительным суффиком –уца), Трифанешты (от собств. имени Трифон), Унгры (от унгур – венгерец), Ункитешын (ср. ункью – дядя), Флорешты (флоаре, мн. ч. флорь – цветок), Формушика (фрумушика

– красивая), Фрачен (фрасын – ясень), Фратешты-де-Жос и Ф.-де-Сус, т. е. Верхние и Нижние (фрате – брат с производн. суффиксом –еск, мн. ч. –ешть – братский), Циплешты (цыпла – пузырь вместо стекла), Цыра Высшая и Низшая (ср. цара – земля), Чутулешты (ср. чут – комольй), Шальвиры (шалвир – мошеник), Шептеличи (от шептеля – седьмой), Шестачи (шиштоака – рытвина), Шури (шура – сарай).

Среди молдавских названий выделяется небольшая группа, к которой можно отнести исконно славянские названия, получившие молдавское оформление. Таковы, например, Багринешты, Бобулешты, Бородничены (вероятно, от бродник, бородник), Боросьяны (аналогичные Boroseni, Borosești, Bogosodia встречаются и в румынских областях и их сближают с именем Борис, см. Drăganu, 550), Васкауцы (старое Васковцы), Вережаны, Вертюжаны, Городичул, Гринауцы, Денжаны-де-Жос и Д.-де-Сус (очевидно, от слав. деньга), Деркауцы, Залучаны, Климауцы (вероятно, из Климовцы), Косауцы (из Косовцы), Кремина, Кричкоуцы, Курешница, Малкауцы, Маркулешты (от собств. имени), Русьяны, Свободзея-Воронков, Слонина, Теленешты (очевидно, от слав. теля, ср. венг. Tolna из Telena от того же корня у Drăganu, 250), Трефоуцы, Христичь (очевидно, по фамилии).

Без точной этимологии остаются Арионешты, Аснашаны, Баксаны, Безены, Бричова, Голия, Коболта, Кугурешты, Медык (татарское?), Намалова, Наславча, Окланда, Парканы, Рондышаны, Стайканы, Цыпурдей.

Примерно та же картина повторяется в названиях Белецкого уезда, где чисто славянским или славянским с молдавским оформлением можно признать Бешены (возможно, от имени печенегов, ср. в Румынии и Трансильвании Veșinău (венг. Besenyö) с XIV в., Veșenova и т. п., см. Drăganu 515-516), Биличены (от белый), Болотино, Боросены-Ноу (см. выше), Братушаны, Блешеноуцы, Василиуцы, Володены, Вранешты, Герман, Гиличены (т. е. те же Биличены с молд. произношением «б» перед «и» как мягкого «г»), Глиношены, Глодены, Горгешты, Городинце, Дружулены, Дубровица, Езерены, Еленовка, Елизаветовка, Загоранча, Зазулены, Камянка, Киржовка, Кирилены, Кондратешты, Копачанка, Костешты (с XV в. см. выше), Кузьмены, Купчин, Кухнешты, Леонардовка, Лукачены, Михайлены, Навернея, Нападены, Никорены, Обрежа, Проскурены, Семены, Синешты, Слободзея, Стольничаны, Стольничены, Теревна, Устья, Челаковка, Чугузны, Яблона.

Собственно молдавскими можно считать Абрамена, Александре-ны, Алунишь (алуниш – ореховая роща), Альбинец (от алб – белый), Барабоя (барабой – дикая морковь), Бахмут (ср. бахмет – татарский конь), Берешты (ср. Berea – имя собств.), Бельцы (собственно бэлць – болотистое место), Бисериканы (от бисерика – церковь), Блындешты

(от блынд – смиренный), Богданешты (собств. имя), Бокша (бокша – шаль), Богены (ср. боаге – сова), Бумбота (ср. бумб – пуговица), Болан (ср. бэлан – белокурый), Бутешты (буте – бочка, упоминается в грамоте 1439 г., приведенной во II т. Documente Hurmuzaki, 876), Бучумены (бучум – труба), Бурсучены (бурсук – барсук), Бринзены (брынза – сыр, как собств. имя известно в документах XV в., см. Bogdan, I, 414), Валя-луй-Влад (букв. – долина Влада), Валя-Маре (Большая долина), Валя-Русулуй (долина Руса), Варатик (варатек – летний), Вульпешты (от вулпе – лиса), Гечи-Веки и Гечи-Ноу (первое слово татарское), Гиджиены (ср. выше Гиждеу), Гирчешты (хырка – череп), Данул (собств. имя), Думбровены (см. выше), Дуруитор (дэруитор – даритель), Душманы (душман – враг), Забричены (ср. зэбря – решетка), Изворы (см. выше), Кажба (ср. кужба – сук), Кетриш (къетриш – щепень), Кирпица (кырпа – тряпка), Китрошика-Веки (ср. Кетриш – Кетросы), Кишкарены (кишкар – угорь), Корнешты (корн – рог, как собств. имя встречается в XVI в., ср. Bogdan, I, 460), Корпачи (кырпач – плохой мастер), Кошены-Цирига (ср. кош – корзина), Куконешты (кукоана – дворянка, барыня), Кукуец (см. выше), Лата (лат – широкий), Малаешты (малай – просо), Маноилешты (от собств. имени Маноил), Мегура и Мегурели (мэгура – курган), Меделяны (меделян – крупный), Минзарешты (мынзаре – овца), Мирчешты (от собств. имени Мирча), Морены (ср. моар – мельница), Мошаны (мош – дед), Мястяцы (мустяца – ус), Мындрешты (мындру – гордый), Негурены (негура – туман), Окю-Алб (окь – глаз, алб – белый), Паскауцы (паска – кулич), Пеленей (пелин – полынь), Перлица (пырлица – несчастная), Петрешты, Петрушены (от собств. имени Петру), Петросы (от пьетрос – каменистый), Попорница (ср. попорница – перечница), Почумбены и Почумбоуцы (почумб – кол), Правила (правила – закон), Пынзарены (пынзар – мастер полотен), Пыржота (ср. пыржол – пожар), Редены (редю – роща), Редоя, Ресипены (рысипа – беспорядок), Резина и Резоя (ср. собств. имя Рызан в док. 1484 г. у Bogdan, I, 287), Реча (рече – холодный), Рытены (рыт – рыло), Сарата (сарат – соленый), Сингурены (сынгур – единственный, упоминается в 1473 г., см. Bogdan, I, 178), Сынжерей (сынжер – кизил), Скумпия (скупп – дорогой), Скуляны (скул – моток), Стрымба (стрымб – кривой), Стурдзены и Стурдзовка (от фамилии Стурдза), Стынгачены (стынгач – левша), Стынжинены (стынжен – сажень), Стынкауцы (стынка – утес), Тодорешты (от собств. имени Тудор), Томешты (от собств. имени Тома), Тюрта (стурта – лепешка), Унгены (унгю – угол), Унтены и Унцешты (унт – масло), Фалешты (фала – слава), Фламынзены (флэмынд – голодный), Флорешты (см. выше), Флорицоя (ср. флоричика – цветочек), Флочены (флок – клочок), Фонтына-Алба и Фонтына Ноу (фынтына – колодец), Фундури (фунд,

мн. ч. фундури – дно), Цеплищты (ципла – пузырь), Чучуля (ср. чучулете – сморчок), Щербака (ср. собств. имя Шербан), Шофранканы (гофран – шафран), Чоропканы (чорап – чулок).

Для следующих названий трудно точно установить происхождение, как именно Оснашены Нижние, Бакир, Боблетич, Боканы, Бургеля-Сочи, Галата, Галашены, Ганчешты, Гресены, Домашканы, Дануцены, Загайканы, Згардешты, Ишкалец, Кишлодельница, Кобани, Козешты, Кошкодены, Коючены, Кучой, Лембяны, Моравинец, Меклеушаны, Парков, Порчулянка, Ракарья, Смарандены, Тешкурены, Токсобены, Ханкоуцы, Холиуцы, Четирены, Чулуканы, Шолтоя.

В Оргеевском уезде к группе славянских названий относятся Березложка, Бушевка, Васиены, Вережаны, Войновка, Воротец, Випрова, Вышкоуцы (очевидно, из Вышковцы), Гавриловка, Гербовца, Гетилровка, Горелкан, Городище, Городищи, Грушова, Деренев, Добруша, Долина, Дума, Душка, Дышкова, Екимауцы (из Екимовцы), Жолобок, Загорены, Иванча, Исакова, Каминча, Клишова, Кипешка, Кирианка, Кобылены, Кобылка, Корнова, Коробчены, Красношены, Котельнич, Круглик, Кунзовка, Курки, Лалова, Лопатна, Лукачевка, Манна, Маркауцы (из Марковцы), Мартынешты, Матеуцы (из Матвеевцы), Машкауцы (Машковцы), Моровая, Морозены, Николаевка, Оксентия, Паланка, Пересечина, Погребены, Попауцы (из Поповцы), Рышка, Рышкова, Сахарна, Селишты, Сиркова, Солончены, Стецканы, Стодольна, Сухулучены (от Сухая лука?), Сырота, Тарасовка, Теленешты, Телешев, Устье, Фузовка, Царевка, Чинишеуцы, Чорна, Шибка.

Молдавскими следует признать названия: Банешты (бани – деньги), Бологан (народное молд. бологан – глыба, камень), Бошканы (бошка – бочка), Бранешты (браниште – заповедник), Брынзены (см. выше), Будены (будэй – кадка), Бутучены (бутук – пень), Бучушка (ср. бичушка – кнут), Вадулека (ср. вад – брод), Валя Попий (букв. – попова долина), Варзарешты (вэрзаре – пирог с капустой), Владен (ср. имя Влад), Германешты (от имени Герман), Гординешты (см. выше), Гертоп-Маре и Г.-Мик (см. выше), Гиждиены (см. выше), Гиришены (гириш – красивый), Гирова (хирав – нежный), Греблешты (гребля – грабли), Гулбока (холм, боака – болото), Дялунант (нар. молд. дялу (л) нант – высокий холм), Жаврены (жавра – дворяжка), Жора - Высшая, Средняя, Низшая (по имени Жора), Игнацеи (от имени Игнат), Избешты (ср. а изби – ударять), Изворы (см. выше), Индерепнич (ын-дэрэпник – упрямый), Инешты (инлен), Калараши (см. выше), Калатур (кэлэтор – всадник), Киперчены (народ. молд. киперь – перец), Кицканы (кицкан – крыса), Когильничены (по речке Когильник), Кошерница (см. выше), Киштельница (нар. молд. киштельца – гнилое болото), Леушены (ср. леушор – мелкая монета), Липчены (липкан

– татарин), Лупа-Речи (лупа – нарост, рече – холодный), Мелашты (см. выше), Минчены-де-Жос и М.-де-Сус (может быть, от минчюна – ложь), Мирзешты (от тат. мирза), Миток (миток – монастырь), Михалашы (от собств. имени), Мишены (то же), Мындра (см. выше), Негурены (см. выше), Нешканы (нар. молд. а нишка – двигать), Ниструены (от названия р. Нистру), Окница (см. выше), Охринча (от имени собств., название встречается уже в XV в., см. Bogdan, II, 876), Паулешты (от собств. имени), Пашканы (от собств. имени), Пиструены (пиструе – веснушки), Питушка (питушка – хлебец), Пишкарены (ср. пескарь – рыбак), Погарничены (а похырни – низвергать), Пояна (см. выше), Припечены (ср. а припи – торопить), Пьятры (пьятра – камень), Радены (см. выше), Рекулешты (раку(л) – рак), Резина (см. выше), Респопены (ср. а рэспопи – расстричь), Рачула (ср. рече – холодный), Сасены (сас – трансильванский немец, упоминается в док. 1443 г., см. Уляницкий, 60), Серотены (сэрат – соленый), Скорцены (скоарца – ковер), Скурта (женский род от скурт – короткий), Станка (станка – галка), Тabora (табэра – лагерь), Татарейты (татар – татарин), Терзиены (тырзиу – поздний), Фаурешты (фаур – кузнец), Фрумаса (ж. р. от фрумос – красивый), Фурчены (фурка – вилы), Хирова (см. выше Гирова), Цибирика (ср. ципириг – нашатырь), Цунцунтей (и пуцунтей – немногие?), Цыганешты (циган – цыган), Цынцарены (цынцар – комар), Чишме (чишме – фонтан), Чогорены (от названия р. Чугур), Шолданешты (шолдан – зайчик).

Неясными по этимологии остаются Алгидари, Балашешты, Биешты, Богзешты, Бошерница, Бравича и Бравичена, Брянова, Булаешты, Буларга, Вахноуцы, Галешты, Гаузены, Глижены, Годжинешты, Годпороже, Гядулены, Загайканы, Зубрешты, Ишновец, Казанешты, Кокорезены, Курлены, Мелешены, Мигулены, Миклешты, Моловата, Онешты, Оргеев, Оницканы, Олишканы, Ордашеи, Парканы, Печишты, Покшешт, Самонанка, Самашканы-де-Жос и С.-де-Сус, Стокноя, Туслены, Терены, Тершицеи, Трибужены, Трифешты, Тузора, Чокомпены, Шарканы.

В Кишиневском уезде славянскими названиями являются Братулены, Васиены, Волчинцы, Городище, Городка, Горешты, Долна, Дресличены, Исайканы, Кирка, Кожушна, Колоница, Константиновка, Костешты (известное с XVI в., см. выше), Крыков, Лозова, Меренская, Садова, Селище, Чебанка, Яловены. Но вообще молдавские названия здесь заметно преобладают, и мы находим тут Балабанешты (ср. а бэлэбани – трясти), Баланешты (см. выше), Балаурешты (бэлэур – змей), Балтамаре (букв. – большое болото), Балцацый (бэлцат – пегий), Барбоены (см. выше), Браила (ср. Браила в Румынии), Броска (броаска – лягушка), Бубуюж (ср. о бубуи – греметь, грохотать), Буда, Будеи,

Будешты (буда – хата, будэй – кадка), Ваду-луй-Водэ (букв. – род воеводы), Валя-Траистены (валя – долина, траиста – торба), Варзарешты (см. выше), Вистерничены (вистиерник – министр финансов в старой Молдавии, селение упоминается в 1623 г. (см. Bogdan, I, 227), Ворничены (ворник – министр юстиции в старой Молдавии), Вынаторы (вынэтор – охотник), Гаурены (гаура – дыра, дупло), Грозешты (гроаза – страх), Гирло (гырла – рукав реки), Гратиешты (гратие – решетка), Голбока (см. выше), Гояны (может быть, от славянского гол?), Данчены (от собств. имени), Зембрены (зымбре – рана во рту у лошадей), Калиманешты (от фамилии Калиман), Кетрос (см. выше), Кичера (кичура – иней), Кырланы (кырлан – годовалый барашек), Корнешты (см. выше, известно из документов XV в., см. Bogdan, I, 460), Макаreshты (от собств. имени), Малкочи (ср. молком – тихий), Мануилешты (от собств. имени), Мераны и Мерешены (от мэр, мн. ч. мерь – яблоко), Милешты (от фамилии Милеску), Миток (см. выше), Мунчешты (мунка – труд, работа), Негрешты (см. выше), Немцены (от названия Нямца в Молдавии), Нисторены (от собств. имени Нистор), Новач (от имени Новак), Одая – Деларюлуй (букв. – комната Д.), Панашешты (может быть от имени Панес), Пашканы (см. выше), Пержолипены (ср. а пыржолы – поджигать), Петечены (петек – кусок, лоскут), Петриканы (от собств. имени), Равака (рэвак – виноградный сок), Редены и Рею-луй-Чокан (см. выше), Реча (см. выше), Рошканы (рошкан – краснощекий), Русешты Новые и Р. Старые (от рус – русский), Синжера (см. выше), Сипотены (сипет – плетеный короб), Сирецы (ср. название р. Сирет), Скинос (нар. молд. скинос – колючий), Солтанешты (солтан – султан), Соручены (от сэрак – бедный, ср. производные сэрэкэчос, сэрэчила), Спарицы (а спария – пугать), Страшены (страшник – грозный), Тенжелешты (тынжала – переднее дышло), Тимелеуцы (см. выше), Ульма (ср. ульм – вяз), Фрасинешты (см. выше), Фунду-Галбина (букв. желтое дно), Цыпала (ср. ципла – пузырь), Черешты (мн. ч. от череск – небесный), Чоплены (от фамилии Чоплеску, упом. в док. XV в., см. Bogdan, I, 389), Чутешты (чут – комолый), Шендрены (см. выше), Юрчены (от имени Юрга).

Прочие названия, труднее определяемые по своей языковой принадлежности, встречаются в небольшом количестве: Багой, Бакшены, Балдурешты, Бардар, Билиешты, Буцены, Ганска (очевидно, польское), Глодигиш, Гелауза, Друлешты, Дулежены, Замгожи, Збироя, Кабаешты, Картыш, Кишинев, Кондрица, Корлучены, Костулены, Крузешты, Логанешты, Малотогашены, Марения, Микауцы, Миклеушаны, Модвал, Неморены, Пожорены, Селеджены, Скорены, Сочинены, Тогатин, Трушены, Ферладаны, Чагирлены, Чимишены. Но для всех их характерно типично молдавское оформление, какова бы ни была этимология самых корней.

Совершенно другая картина представляется в южных уездах Бессарабии, как именно в Бендерском, Аккерманском и Измаильском. В первом из них основную массу составляют турецкие названия: Абаклыджаба, Авдарма, Акуй, Арса, Баймаклия, Бахчалия, Батырь, Баурчи, Башкалия, Бендеры, Беш-Алма, Беш-Гиоз, Бештымак, Джама-на, Дженаи-Абад, Джолтай, Дизгиндже, Кайнары, Казаклия, Калфа, Каракуй, Кирсов (Баш-Киой), Кируютне, Комрат, Кошкалия, Сагайдак, Садаклия, Сака, Селемет, Тараклия, Токузы, Томай, Топал Чок-Мейдан, Ялпужел. Некоторое количество составляют чисто русские названия явно нового происхождения или вообще новые названия, по имени владельцев. Таковы, например, Алексеевка, Андреевка, Богдановка, Булатовка, Бурзовка, Вареница, Гербовцы, Елисаветовка, Заим, Ивановка, Иордановка, Кантомир, Карabetовка, Колачевка, Копанка, Коржево, Куружейка, Ласкариевка, Леонтиеве, Манзыр (фамилия), Михайловка, Петровка, Романенко, Сагунов-Троян (около Траянова вала), Скривановка, Твардица, Телица, Троицкое, Ферापонтовка, Де-лакеу (Билакев).

Собственно молдавскими можно признать только Болбока, Бурна-решты, или Ботнарешты (ботнар – бондарь), Вале-Пержа (вале – долина, пержа – слива), Градешты (от славянского град), Гура-Быкулуй (букв. – устье Быка), Гура-Галбина (букв. – желтое устье), Гура-Сарацько (ср. сэрат – соленый), Карбуна (кэрбуне – уголь), Каушаны Новые и Старые (кэуш – ковш), Киркаешты (кирка – мотыга), Кирнацены (кырнат – колбаса), Кицканы (см. выше), Колбариш (ср. колб – пыль), Минчуна (см. выше), Молешты (моале – мягкий), Опач (а опачи – задержать), Подишь (подиш – плоскогорье), Рошканы Новые и Старые (см. выше), Салкуцы и Сальча (см. выше), Сарацика (см. выше), Сарато-Голбан (см. выше), Скиноса (см. выше), Солцы (солз – чешуя), Спея (спее – корзина), Стурдзены (см. выше), Тодорешты (см. выше), Флорешты (см. выше), Ценцерены (см. выше), Шерпены (шерпе – змея).

Неясны по этимологии: Борогане, Бужой, Гайдар (болгарское село), Ганкура, Дубоссары Старые, Жавгур, Кириет-Лунга (болгарское село), Кобуска Старая и Новая, Пугой и Пугочены, Танатары, Фарладяны, Хадонимус (Гаджимус).

В Аккерманском уезде вообще огромное большинство селений совершенно новые, как, в частности, многочисленные колонии, поселенные здесь уже после 1812 г. и носящие характерные названия Березино, Бородино, Бриени, Гнаденталь, Гофнунгсталь, Деневиц (Гамбург), Клястиц, Красный, Кульм, Лейпциг, Лихтенталь, Малоярославец, Париж, Тарутино, Теплиц, Фершампенуаз, Фриденсталь (прежние немецкие колонии). Из общего количества 170 названий по

Аккерманскому уезду в 1859 г. на долю собственно молдавских приходится только 13, а именно Варатик (см. выше), Гура-Роша (красное устье), Кантемир, Катарга, Молдавка, Морузены (от фамилии Морузи), Оленчан (ср. олан – черепица), Папушоя (папушой – кукуруза), Пуркар (поркар – синопас), Сарата (см. выше), Слободзея-Ганесы, Фештелица (а фештели – пачкаты), Формушика (см. выше). Все прочие носят названия турецкие, русские, болгарские. Ту же самую картину представляют и селения Измаильского уезда.

В результате анализа названий населенных пунктов Бессарабии мы можем сделать вывод, что в южной ее части молдавский элемент изначально отсутствовал и что вообще эта территория была мало заселенной с тех пор, как она была захвачена турками в конце XV в. и потом в течение нескольких столетий оставалась местом кочевья татарских орд. Правда, Аккерман в XV в. принадлежал Молдавии под названием Белого города - отсюда и позднейшее турецкое название Ак (белый) – кирмон (крепость), но он был захвачен турками еще около 1484 г. и перестал фактически принадлежать Молдавии. Север Бессарабии, сохраняя до сих пор большинство славянского населения, по названиям своим указывает на изначальное преобладание этого населения над молдавским, хотя многие славянские названия и облеклись позже в молдавскую форму. Центром молдавской колонизации XV-XVI вв. в Бессарабии следует считать Кишиневский уезд и прилегающие к нему части Оргеевского, Сорокского и Белецкого уездов. При этом необходимо учесть, что в двух последних очень много названий исконно славянского происхождения, получивших лишь позднее молдавское оформление. Это обстоятельство можно рассматривать как подтверждение того факта, что здесь славянское население истари было представлено гораздо значительнее и лишь в процессе совместного жительства с молдаванами ассимилировалось с последним. Процессы подобной ассимиляции нам хорошо известны и на левом берегу Днестра. Кстати, отметим, что статистические данные о населении Бессарабии конца XIX в. полностью совпадали с теми, какие мы получили на основании изучения топонимии. По данным переписи 1897 г., максимальный процент молдаван был сосредоточен именно в Кишиневском уезде, где он достигал (без города) цифры 86. В Оргеевском уезде (без города) цифра эта снижается до 80,9 %, в Белецком (без города) – до 71%, В Сорокском (без города) – до 66,4 %, в Бендерском – до 52,5 %, в Хотинском уже до 25% и в Аккерманском – до 18,2 %. Соответственно этому в обратном порядке растет процент славянского населения: а Оргеевском уезде он достигает всего 7 % (русских и украинцев), в Белецком – 17 %, в Сорокском – 21 % и в Хотинском 59,8 %. В южных уездах новое население состояло как

из русских и украинцев, так и из болгар, немцев, евреев и других национальностей, представленных в небольшом количестве²³.

Если присмотреться к самому характеру молдавских названий Бессарабии, то можно констатировать их очень разнообразный характер в отношении способов образования самих наименований. Прежде всего отмечается большая группа названий, производных от собственных имен первых владельцев или поселенцев, причем многие из этих имен являются как собственно молдавскими, так и славянскими с молдавским оформлением, а некоторые могут быть отнесены в ту или другую группу. Так, типично молдавскими являются Баксаны и Бакшены, Бучумены, Баланешты, Берешты, Ванцина, Гиждеу, Гинкоуцы, Данул, Данчены, Дрокиз, Драганешты, Жора, Когильничены, Михалашы, Нисторены, Проданешты, Радулены, Стефанешты, Тодорешты, Томешты, Шербака, тогда как Аврамены, Александрены, Германешты, Игнацей, Охринча, Трифонешты, Мануилешты, Макареши, Причешты относятся ко второй группе. Некоторые из подобных названий произведены от фамильных имен, как еще Одая-Деларюлуй, Стурдзены, Мирчешты, Резина и Резоя, Гиждиены, Калиманешты, Милешты, Йоржиница, Пашканы, Паулешты, а также от названий рек вроде Ниструены, Сирецы, Чогорены. Не перечисляя все до одного подобные наименования, можно сказать, что они не составляют самой большой доли в общем числе названий, где преобладающая масса относится к таким, которые образованы от топографических условий самой местности. Таковы, например, Вадены, Вадулека (вад – брод), Валя-луй-Влад, Валя-Попей, Валя-Маре и т. п. (вале – долина), Изворы (источник), Пояна, Редю, Редены, Радены, Редоя (редю – лес), Больбока, Болбочи (болбоакэ – омут), Балта-Маре, Бельцы (балта – болото, мн. ч. бэлць), Думбравены, Далунант (высокий холм), Мегура (мэгура – курган), Пьятры, Петросы, Кетриш, Катросы, Китрошика (пьятра, народное кятра – камень), Гертоп, Вишоара (виноградник), Гирла, Гура-Каменча (устье К.). В других случаях характерным признаком, послужившим для названия местности, являлась растительность в местах заселения, откуда такие наименования, как Алуниш (орешник), Барабоя (дикая морковь), Гарбузаны, Гординешта (виноград), Инешта (лен), Киперчены (перец), Мерены (яблоки), Малаешты (просо), Пеленеи (полынь), Пепены (дыня), Плопы (тополь), Рогожены (осока), Скаены (репейник), Салча (ива), Сынжереи (кизил), Синжер и Синжера, Трестяны (тростник), Тырнава, Ульма (вяз), Фрасен (ясень), Фрасинешта, Флорешты и Флорицея (цветы), Чепононс (лук), Чучуля (сморок), Шафранканы.

В известных случаях основанием наименования оказывался какой-либо эпитет, соответствующий оценке местности с точки зрения

присущих ей природных свойств или впечатлений, оказываемых на живущих. Таковы, например, Альбинец, Балан, Лунга, Ларга, Лата, Мындра и Мындрешты, Медеяны, Негрешты и Негринцы, Реча и Речуца, Рагунда, Рошканы и Рошиетик, Скурты, Скумпия, Скинос, Стрымба, Сарата, Толбурияны, Черешты, Шербинцы. Иногда поводом для подобного наименования могло служить какое-либо внешнее сходство со свойствами человека, приписываемыми местности, откуда, например, Блындешта, Думулены, Гирова, Индерепнич, Кукуецы, Надушита, Терзиены, или же оценка самых качеств ее, ср. Фрумоса, Формушика, Черешты, Варатик. Своеобразны наименования, ведущие начало от тех или иных названий животных, то ли находившихся в изобилии в данной местности, то ли послуживших случайным поводом к подобным наименованиям, каковы, например, Бахмут, Богены, Бурсучены, Броска, Вульпешты, Думены, Кицканы и Тицканы, Корбул, Кырлан, Капрешты, Кишкарены, Минзарешты, Препелица, Ракулешты, Станка, Стырчены, Цынцарены, Шолданешты.

Весьма интересны названия, свидетельствующие о национальной или социальной принадлежности поселенцев. Среди первых встречаются немногие: Русешты, Немцены, Сасены, Сербичаны и Сербешты, Татарешты, Унгры и Цыганешты, сами по себе достаточно ясные. Значительно больше названий другой категории, как Бисериканы, Варзарешты, Вынаторы, Дарабаны, Каларашаи, Каларашевка, Калатур, Кодряны, Пынзорены, Пишкарены, Респопены, Собарь, Стинена, Фаурешты, Табара, Шальвиры. Некоторые из них отмечают принадлежность первоначальных насельников к определенным категориям владельцев вроде Бисериканы, Миток, Вистерничены, Ворничены, Куконешты, Мирзешты, Солтанешты. Другие свидетельствуют о каких-то родственных отношениях владельцев, заселявших те или иные земли, откуда Мошаны, Руда, Ункитешты, Фетешты, Фратешты. В ряде названий сказывается социальная оценка насельников со стороны соседей или какие-то воспоминания – чаще отрицательного характера, - связанные с теми или иными поселенцами, как, например, Душманы, Перлица и Пырлицы, Корпачи, Избешты, Минчены, Погарничены, Припичены, Фламынзены, Страшены, Спериецы, Стынгачаны, Серотяны, Чутулешты и Чутешты.

Очень своеобразную группу составляют довольно многочисленные названия, произведенные от обозначений продуктов питания (Брынзены, Мамалыга, Паскауцы, Питушка, Тюрта, Унтешты) и особенно от различных предметов обихода или хозяйства, не исключая самых незначительных и даже третьестепенных. Таковы Бричаны, Бурланешты, Бырнава и Бырнова, Дренгоуцы, Котюжаны, Кормань, Окница, Рестев, Секурияны, Тобан, Шендряны, Шюботанцы, Гиздита, Гирбова, Згурица, Забричены, Кырпица, Попорница, Скуляны,

Скорцены, Фурчены, Цибирка, Чишме, Гратиешты, Петечены, Тенжелешты, Чоропканы, Шура и др. Возможно, что здесь играли роль впечатления какого-то сходства местности с теми или иными предметами, или название шло от первых возведенных там построек (ср. Буда, Шура, Гиздита, Чашме) или от промыслов по изготовлению утвари (Будеи, Путынешты, Бутешты, Бошканы, Фундури, Греблешты, Сипитены, Цыплешты, Цеpliciешты, Цыпала). Некоторые трудно поддаются объяснению, если только название не происходит от чисто индивидуальной фантазии в наименовании, которая, может быть, содержится таких обозначениях, как Негурены, Окю-Алб, Леушены, Пиструены, Бокша, Гирчешты, Кот, Гиндешты, Мустяцы, Бутучены, Флочены, Бучушка, Гаурены, Петечены, Почумбены и т. п. Очень вероятно, что большое число названий идет от имени или прозвища первых владельцев или поселенцев и потому не нуждается собственно ни в каких истолкованиях. Интересно отметить то, что способы обозначения, рассмотренные выше, мало чем отличаются от тех, которые мы находим в славянской, в частности, русской топонимии, где мы имеем тоже основную массу названий, производных от личных имен и прозвищ, от категории владельцев (Князево, Воеводина, Дьяково и т. п.), от занятий жителей (ср. Сокольники, Рыбаки, Красильники, Бронницы), от типа селения (Сельцы, Усадище, Выселки), от экономической принадлежности поселенцев, от ландшафта (Горки, Поляна, Подол, Поречье, Песочня, Заболотье), от растительности (Раменье, Дубровка, Дубища, Вязовое и т. п.), от колодцев, дорог и т. п.²⁴ Можно только отметить большее разнообразие русской топонимии в отношении грамматических способов самого образования названий по сравнению с молдавской, где преобладают преимущественно суффиксы –ешты (из –ешти, мн. число от –еск, обозначающего принадлежность) или –аны, –ены (мн. число от –ан или –ян из славянского –анин, –ане). Сравнительно редко выступает в Бессарабии суффикс –ауцы (-оуцы из славянского –овца) и большей частью в самых старых названиях с трудно определяемой этимологией, как, например, Гримакоуцы, Клишкоуцы, Ленкоуцы, Мендыкоуцы, Трибисоуцы, в которых, вероятно, надо видеть искаженные старые славянские имена. Единичными примерами представлены другие суффиксы, как –иуцы (Чепелиуцы, Хилиуцы), –ев (Рестев, Чебрев, Кишинев, Оргеев и др.), в котором приходится видеть скорее русифицированное обозначение молдавского дифтонга –еу (-эу), а часто исконное слово останется в неизменяемой форме, ср., например, Миток, Руда, Окю-Алб, Валя-луй-Влад, Пояна, Редю, Дялунант, Гирла, Гертоп, Мегура и т. п.

В этом можно видеть характерную черту собственно молдавской топонимии, более подробное исследование которой поможет выяс-

нить многие специальные черты, равно и осветит оставшиеся еще неразъясненными названия²⁵. Но эта работа требует, прежде всего, исторических разысканий по отношению каждого пункта, поскольку таковой может быть представлен в более ранних документах: грамотах господарей, актах государственных и частноправовых и т. д. прошлых эпох. Но сейчас можно видеть важнейшие характерные черты бессарабской топонимии, как она сложилась к началу XX в.

Здесь находят свое отражение и природные и социальные условия, при которых совершалось заселение в более позднее время. Многие названия связаны с именами первоначальных жителей или владельцев того или иного места. Эти имена часто представляют собой старинные славянские имена, которые не всегда легко узнать, но которые были распространены в свое время и уцелели только в топонимии. Тем самым они свидетельствуют о давности их носителей и в то же время легко отличимы от позднейших владельческих наименований, возникавших еще в начале XIX в. Весьма возможно, что некоторые из названий, отнесенные нами к молдавским или оставленные без точного приурочения, только в недавнее сравнительно время приняли похожую на молдавскую форму, а в прошлом принадлежали к чисто славянским. Но общая картина, получаемая из анализа топонимии, ясна: славяне занимали исконно всю северную часть Бессарабии; центр и юг после печенегов и половцев оставались некоторое время безлюдными. И только в центре области, вокруг Кишинева, пустопорожние места стали заселяться молдаванами с XV в., когда они же присоединились к сидевшим в северной части области восточным славянам.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. *Gamillscheg E.* Zum Donaunamen (Zeitschrift slav. für Philol, 1926, s. 149-154). Это обстоятельство, по мнению Гамильшега, служит лишним подтверждением того факта, что романское население всегда оставалось в Траяновой Дакии, так как если допустить только позднейшее его появление здесь (вторично) из Мезии, сохранение прежнего фракийского названия реки было бы непонятным: в самом деле, аромуну его уже не имеют, употребляя название Дуна, взятое из турецкого языка. «Олтения и Банат и, вероятно, область к северу и югу от Юго-Западных Карпат были теми районами, которые продолжали без перерыва латинскую традицию».

2. См. *Drăganu.* Români în veacurile IX-XIV pe baza toponimici. Bucur., 1933, p. 574-575 и приведенную там литературу.

3. *Weigand.* Ursprung der südkarpatischen Flussnamen in Rumänien (XXVI-XXIX. Jahresbericht des Instituts der rumänischen Sprache zu Leipzig, Lpz., 1921, 83).

4. Ibid. P. 94.
5. *Ștefanescu M.* Cuvinte Grădiște și Horodiște în toponimica românească (Arhiva, 1921, p. 76-80); Elemente rusești în toponimica românească că (ibid., p. 218-228); Alte cuvinte rusești de nuanță rutenă în toponimica românească (Arhiva, 1922, p. 64-75; 372-384); Toponimici românești cu terminațiunea-ăuți (ibid., p. 499-514); Rusismele – rutenismele din toponimica românească (Arhiva, 1924, p. 199-206).
6. См. о том рецензию проф. Селищева А.М. «Истории русского языка», Н.Н. Дурново в «Известиях» II отд. Академии наук, т. XXXII (1927), с. 312.
7. *Barbulescu I.* Inceputurile scrierii cirilice în Dacia Traiana (Arhiva, 1922, p. 161-195).
8. Т. е. к южным славянам.
9. Т. е. восточнославянские.
10. Op. cit., 162-163.
11. *Шахматов А.А.* Введение в курс истории русского языка. П., 1916, стр. 44 и сл.
12. Назв. соч., стр. 48.
13. Там же, стр. 99.
14. *Берг Л.С.* Население Бессарабии. П., 1923. С. 15.
15. См. *Венелин.* Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты, СПб., 1840, стр. 60 и ссылку на них у Берга, назв. соч., стр. 31.
16. См. Documente privitoare la istoria românilor publ. da E. Hurmuzaki. Vol. II. P. 832.
17. Ibid. P. 870.
18. См. *Уляницкий.* Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV-XVI вв. М., 1887, стр. 78 и сл.
19. Там же. С. 67, 68-69.
20. Documente lui Ștefan cel mare publ. de I. Bogdan. Т. I-II, Bukur., 1913. Ниже я привожу при каждом названии ссылки на том и страницы этого издания.
21. Приводимые ниже названия взяты нами из книги А. А. Артемьева «Бессарабская область. Список населенных мест по сведениям 1859 г.». СПб., 1861. В этом списке отсутствует Измаильский уезд, в то время не принадлежавший России.
22. Именем «липков» или «липкен» обозначались в XVI-XVII вв. литовские татары, поселенные турками в Хотинском уезде. От них, очевидно, ведут свое начало и немногие тюрко-татарские названия, встречающиеся на севере Бессарабии.
23. См. *Берг Л.С.* Назв. соч.
24. См. *Селищев А.М.* Из старой и новой топонимии (Труды Московского ин-та истории, философии и литературы, т. V. М., 1939).
25. См. *Jordan J.* Rumänische Toponomastik, I-III, Bonn, 1924-1926, где имеется много интересных параллелей и разъяснений.

Источник: Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. Т. V. Вып. 4. М.: Издательство Академии наук СССР, 1946. С. 333-350.

РУСЬ, РОССИЯ, МОСКВА (Из богемской газеты «Narodni Listy»)

В современных чешских периодических изданиях часто встречаются выражения: русский, русинский, малорусский, московский, руссы, русины, малорусы, москали (последнее название, впрочем, в одной только газете) - и притом в такой смеси, что читатель не знает, каким образом выбраться ему из этого лабиринта. Некоторым даже покажется, что значение одного и другого выражения совершенно одинаково, но, вероятно, он получит совершенно другое понятие, когда увидит, что в этих выражениях надо искать глубокое и отдельное значение, которое могло ускользнуть при первом на них взгляде.

Кто занимается польскою литературою, тот знает, что поляки делают точное и обстоятельное различие между названиями: Русь, русин, русский и Россия, Россияния, российский. Первые выражения «Русь, русин, русский» означают у них обыкновенно употребляемые нами названия: Малороссия, Белоруссия и т. п., другие же означают то, что вся Европа называет словом Россия (в научном смысле Великобритания). Слово Россия заменяют они (в особенности в последнее время) словами: Москва, московский, москаль, не обращая внимания, что они не живут в XV или XVII веке, когда обыкновенно писали: царь московский, правительство московское (вроде: двор парижский, варшавский) и пр.

Мы разделим наше сочинение (рассуждение) на две части и скажем, во-первых: о начале, значении и объеме имени «Русь» (в его оттенках), во-вторых: о начале и значении имени «Россия» и «Москва» (с их оттенками).

До X столетия после рождения Христова на обширном пространстве теперешней Российской империи обитали различные славянские племена, которые не были еще соединены друг с другом тесным государственным союзом. К северу, близ озера Ильменя жили *славяне*, за ними, у Верхнего Днепра и к востоку до реки Москвы, единоплеменные им *кривичи*, далее на юг по течению Днепра и его протоков, к западу, к рекам Буг и Сан, к югу, к хребту гор Татры и к Черному морю, к востоку до верховьев Дона поселились *дреговичи*, *радимичи*, *вятчи*, *хорваты*, *дулебы*, *древляне*, *поляне*, *северяне*, *уличи*, *тиверцы* и другие. Весьма пространно писал об этом Шафарик в своих «Славянских древностях». В § 28 он говорит, что при таком множестве племен и при такой великой растянутости их жилищ существовало известное между ними различие, в особенности в их наречиях: это очень понятно, если бы даже древний русский летописец и не оставил

нам сведения, что племена *вятичей* и *радимичей*, котрые жили далее всех к северу, вели свою отрасль от ляхов, т. е. от тепершних поляков.

Эти славянские племена в течение второй половины IX столетия подпали под власть варяго-русов (норманнов) и получили название россос, русских. Из них племена северные покорились варяго-русам добровольно, южные были покорены оружием.

Что эти варяго-русы были норманны, с этим соглашаются все важнейшие русские и нерусские писатели, поэтому мы пройдем молчанием вопрос: происходили ли варяго-русы от славян, норманнов или литвинов? Эти русы в короткое время смешались с народом, признавшим власть их над собою, и они не оставили ему ничего, кроме имени русов, которое с тех пор сделалось общим именем для всех славянских племен, подчиненных варяго-русскому господству.

Поэтому в славянских письменных памятниках от XI столетия названия «Русь» (земля), «русин» (нация), «русский» (прилагательное) употребляются вместо тех некогда собственных имен, которые отличали известное племя или славянскую землю. И хотя составившееся из соединения различных славянских племен одно государство русское, российское впоследствии раздробилось на удельные княжества, получившие разные названия, но название Русь осталось навсегда общим названием для всех этих княжеств. Так, на севере после смерти великого князя Владимира св. образовались княжества: Новгородское, Смоленское, Полоцкое, Черниговское, Переяславское, Владимирское и проч., которые беспрерывно распадались еще на меньшие части (уделы); но все эти княжества были русские и все вместе назывались Россия (Русь) – как в Киеве, так и в Новгороде, близ реки Тверки (позже) Москвы, Оки и близ Верхнего Дона. Потомки старых кривичей, вятичей, северян и вообще всех этих и других славяно-русских племен были соединены общей династией, одинаковым письменным наречием (перенесенный русизм) – старым болгарским - и одной греческой православной верой.

В половине XII столетия границы России далеко раздвинулись к востоку за реку Оку и почти до реки Камы, и в пределах финских, мордовских, муромских и друг. возникли княжества: Суздальское, Владимирское, Рязанское, Ростовское и друг., которые впоследствии разделились на множество меньших уделов; русские с берегов Днепра (из-за леса) толпами переходили в эти страны, селились в них и основали множество так называемых залесных областей (то есть находящихся по ту сторону лесов), получавших названия по городам Южной России, от чего произошли Владимир на Клязьме (подобно Владимиру на Вольни), Переяславль-Залесский (подобно Переяславлю-Поднепровскому), Суздаль, Юрьев, Ярославль, Галич (подобно Ярославлю, Галичу в Галиции), Кострома, Рязань, Курск, Москва (1147 г.)

и множество других городов и оседлостей. Русский элемент поглотил в весьма короткое время немногочисленных жителей финского происхождения и теперешние великороссийские губернии: Ярославская, Костромская, Рязанская, Тульская, Калужская и Орловская к концу XII столетия составляли уже в полном смысле русские области, населенные большинством жителей славяно-русских, перешедших сюда на жительство, как мы заметили выше, из приднепровских стран или из Новгорода, который в XIII и XIV столетиях занимал несколько пространств теперешней Архангельской и Вологодской губерний и там распространял русскую стихию. Вновь возникавшие княжества были русские (чего никто не может оспорить) и составляли часть обширной России, о которой тогда уже так писал епископ Краковский Матвей: «Россия подобна другому миру, русский народ, по своему бесчисленному множеству, подобен созвездию».

Эта целая и раздробленная на многочисленные княжества Россия имела главой великого князя, сперва киевского, потом владимирского и, наконец, московского. Мы находим излишним объяснять причины перемены местопребывания (столицы) великих князей русских, но заметим только, что южная и западная часть России, совершенно опустошенная и ослабленная монголами в XII и XIII столетиях, потеряла свою самостоятельность и большей частью подпала под верховную власть сперва князей литовских, а потом королей польских. Северо-восточная часть России названа Восточной Русью, а впоследствии, от пребывания великих князей Восточной России в Москве, – Московским великим княжеством, хотя тоже подпала под власть монголов, но московские великие князья, пользуясь отдаленностью ханов, не мешавшихся во внутренние дела подвластной им России, с течением времени мало-помалу усиливали свое влияние, а потом и власть над другими удельными, соседственными русскими княжествами и постепенно увеличивали значение своей верховной власти, понимая хорошо, что без сплочения разорванной России на уделы в одно целое, под скипетр одного государя, свержение монгольского ига немислимо. Так, в княжение Иоанна Калиты (1328-1340) были уже подвластны Москве княжества: Муромское, Владимирское, Рязанское, Суздальское и другие; церковная иерархия русская была подчинена Киевскому митрополиту, перенесшему свое местопребывание сперва во Владимир, а потом в Москву, но в то же время не перестававшему управлять церковью и Юго-Западной, подвластной Литве России, а преемник Калиты Симеон Гордый (1340-1353) к титулу великого князя московского присоединил титул и всея России, хотя Южная и Западная Россия находилась под чужим владычеством. Из всего сказанного нами читатель может видеть, что с XIV столетия должно различать двоякую Россию: Юго-Западную, подлежащую власти ли-

товских князей, и Северо-Восточную, или Московскую Россию; это значит, что Великое русское княжество Московское наконец подчинило своей власти все прочие русские княжества, в том числе и самое сильное Тверское – своего старого соперника.

В области Великого княжества Московского обитали русские в полном значении этого слова, которые исповедовали одну православную веру и с единокровным русским народом Западной России, даже оба эти народа до времен Витовта в делах веры подчинялись одному киевскому митрополиту, титуловавшемуся поэтому митрополитом всея России; говорили одним русским языком, отличавшимся только в немногом местными провинциализмами; язык же письменный, на котором тогда писались книги, официальные акты и бумаги, договоры и на котором говорили при дворах князей и бояр, был общерусский (старо-болгарский), из которого образовался нынешний язык образованного класса России – язык литературный. Богослужение также в обеих частях России совершалось в церквах на одном и том же славяно-церковном языке. Кроме того, обе эти Руси связывали тесным союзом одни и те же предания, обычаи, нравы и вообще одна история.

Что же касается того, что между Восточной и Западной Русью после их политического разъединения случались международные столкновения, взаимные набеги, грабежи и войны, как, например, ограбление Киева Андреем Боголюбским, князем Суздальским в 1169 году, – тут ничего нет удивительного: это вещь самая обыкновенная. Разве до покорения Руси монголами, во время ее независимости, не ссорились между собой удельные князья, не восставали братья на братьев, близкие родственники на своих родственников, не вели кровавых войн русские княжества с русскими же княжествами, города с городами?! Подобные явления история указывает и между всеми другими европейскими, единоплеменными народами. Довольно указать на известные кровопролитные брани между северными и южными германцами, между Северной и Южной Францией, между сербами и кроатами и между другими славянскими племенами. Политике Иоанна Калиты – сделать Великое княжество Московское ядром нового могущественного государства уничтожением удельных княжеств и расширением границ – следовали все его преемники, и эта политика весьма естественна и благоразумна, примеры ее история представляет нам и между всеми другими европейским народами, из которых составились могущественные государства, поэтому должно удивляться, что в теперешнее время явились люди, которые поносят подобные действия! Так поступали все древние и новые монархи, если им было только по силе, от Рамзеса до Наполеона, так поступали Гедимин, Сигизмунд III и король Иоанн Богемский, чтобы увеличить свое го-

сударство – по добровольному ли договору, или же силой меча – говорим, в политике это, пожалуй, и не оправдывается.

Могущественный Иоанн III Васильевич (1462-1505) именовался уже «Божьей милостью великий государь Русской земли, великий князь Иван Васильевич, царь всея России», и с присоединением новых земель русские венценосцы присоединяли и новые титулы, в особенности Иван IV Грозный (1547-1584), покоривший Казань, Астрахань и Сибирь.

В этих трех землях искони обитали жители финской и турецкой народности, и славяно-русская стихия не отражалась в их жизни, однако же взглянем теперь на этнографическую карту этих прежде бывших татарских ханатов. Эти земли теперь большей частью обрусели или же прорезаны русскими оседлостями; русский язык и православную веру, а с ней и русскую народность приняли, большей частью, прежние мешчеряки, мордовцы, черемисы, чувашаи и другие не славянские племена, так что недалеко то время, когда и память о них изгладится.

Это значит, что в областях ханата Казанского, Астраханского и Сибири перемешаны настоящие русские с прежде бывшими волгоуральскими племенами, однако кто может сказать, что эти люди, говорящие по-русски и исповедующие православную веру, потомки древних татар и чуди – теперь не русские? Кто бы вздумал это оспаривать, тот не должен признавать немцами большую часть жителей Саксонии и Пруссии, как происходящих от славянского племени, именно: от бодричей, велетов, поморян и сербов. Кто бы, например, вздумал утверждать, что теперешние русские потомственные дворяне: Черкасские, Годуновы, Урусовы, Юсуповы, Хитровы, Кочубеи, Головины, Мешчерские, Мусины–Пушкины и многие другие – не русские, потому только, что предки их были татарами, - тот в свою очередь должен был бы согласиться, что теперешние польские дворяне: Радзивилы, Сангушки, Сапегы, Хрептовичи, Четвертинские, Чарторийские, Друцкие, Корецкие, Вишневецкие и многие другие - не поляки, потому что они литовского или русского происхождения. Вывод неизбежный! (Аналогий найдется множество в Италии, Франции, Венгрии, Мекленбурге, Бранденбурге, Померании и т. д.).

Из вышесказанного видим, что великие князья московские именовались прежде великими князьями всея России, а после царями всея России; вследствие присвоенной власти старейшим над остальными князьями по закону (*de jure*), но никак не на деле (*de facto*), потому что, как известно, вся Юго-Западная Россия была под властью Литвы (позже Польши), которая там властвовала вследствие завоеваний и вследствие договоров.

Нечто подобное можно сказать и о русской церкви. Митрополит всея России (впоследствии патриарх), живший первоначально в Киеве, потом, по случаю разорения Киева татарами, во Владимире на

Клязьме и, наконец, в Москве, в начале XV столетия лишился духовной власти на самом деле (*de facto*) над Литовской Русью, получившей по воле своего великого князя Витовта, особого митрополита, но он остался однако же не менее того по закону (*de jure*) митрополитом всея России и продолжал титуловаться кроме Московского и Киевским.

Политика великих князей московских после освобождения от татарского ига стремилась к тому, чтобы титул царя всея России осуществить на деле, в особенности во времена Иоанна III и Василия III (1462-1533), в царствовании которых отделившиеся было от единства России Новгород и Смоленск принуждены были признать верховную власть великого князя московского; в этом отношении большие успехи имели цари русские в XVII столетии, как это увидим ниже.

Здесь нелишним будет сказать несколько слов о названиях: Белоруссия, Черная Русь, Червонорусь, Великоруссия и Малоруссия. Это только географические наименования разных земель одной и той же России, начало которых не совсем ясно. Название Белорусь не встречается до Иоанна III (1462-1505), и может быть, что оно имеет одинаковое значение с названием Великорусь, так как в славянском наречии белый с великим часто имеют одно значение (в «Славянских древностях» Шафарика § 38, статья 751 и нота): белый царь, великий царь. Итальянский историк Павел Иовиус (Jovio, 1483-1552) говорит в одном своем сочинении «*De legatione Moscovitarum liber*» следующее: «*Lithuaniae partem Rusjiam appellant inferiorem, cum ipsa Moscovia Rusjia alba nuncupetur*». Так точно пишет также польский историк Гвагнин (1538-1614): «*Ruś pod kniazciem Moskiewskim Biala Rusia nasvano, a tę która do Polski należała, Czarną*» etc. (польский перевод).

Впрочем, названием Белорусь означались обыкновенно северо-восточные русские пограничные уезды (округи Великого княжества Литовского), именно: княжества Смоленское, Полоцкое, Мстиславское, Ржевское и Бельское, из которых впоследствии образовались Польские воеводства.

К юго-западу от Белоруссии находилась Черная Русь, и этим именем первоначально называли (в XIII столетии) населенные литвинами княжества Новогрудское и (частью) Минское (у Лаоникаса Халкодилоса тоже встречается название Чернорусь, 1463). Червонорусь называлась нынешняя Восточная Галиция, по имени города Червьена, который упоминается в летописях в X столетии, впоследствии из Червонной Руси образовались два польских воеводства: Русское и Белзское.

Название же Великороссия, как риторическая формула в книгах, появилось уже в XVI столетии; официально стали употреблять это название только со второй половины XVII столетия, и этим означа-

лось все русское независимое государство, государи которого жили в Москве. Очевидно, что эта самостоятельная и независимая часть России названа *великой*, в отличие от других, меньших частей России, потерявших свою самостоятельность и находившихся под владычеством Польши. Здесь должно заметить, что польский историк *Длугош* (ум. 1480) не иначе называет бывшее Великое княжество Московское как Руссия Великая (Russia Major), но не Москва. Название Малороссия встречается довольно рано; и прежде всего в 1192 году у греческого летописца Кодина (Μιχαη Ρωσια) в «Notitiae Graecorum episcoporogum», а князь Галиции «с городами Хелмом, Владимиром (в Волыни), Перемыслом, Луцком и Туровом именуется в одной грамоте»: «Nos Jeorgius Dei gratia natus dux totius Rusjiae minoris». Но название это сделалось самостоятельным и общеупотребительным не раньше половины VII столетия, когда гетман Богдан Хмельницкий отдал себя под власть царя Алексея Михайловича (1654), который с этого времени титуловался «Царь Великой, Малой и Белой Руси». Впрочем, название Малороссия появляется и несколько раньше в одном из универсалов гетмана Острияцы (1638), где именуется: «Малая Россия по обеим сторонам Днепра», «Украина малороссийская» и т. д., и словом Малороссия означались земли, лежащие на Днепре, земли козацкие (прежние польские воеводства Киевское и Черниговское), и название малороссы было введено в науку между тем, как этим именем означалась целая южная отрасль одного и того же русского народа, единоплеменного с великороссами.

Из вышесказанного можно видеть, что слова Русь, Россия, русский употреблялись безразлично не только во всех лучших русских сочинениях, но и в дипломатических статьях великих князей литовских и царей всея России. Мы уже приводили, например, титулы в оригинале московских властителей и повсюду безразлично встречаем выражения «великий князь всея Руси», «царь всея Руси» до конца XVI столетия, где еще царь Феодор именуется «самодержец всея Руси (Selbstbeherrscher aller Reussen)». Выражения Русь, русский и другие, употребляемые древнейшим летописцем русского народа достопамятным Нестором (ум. около 1116 г.), остались и в следующих столетиях во всеобщем употреблении в русском народе, обитающем на всем пространстве России (в Великой, Малой и Белой Руси), и на северо-востоке, в землях близ Волги и в окрестностях Москвы, народ именуется свой говор языком русским и говорит: «он русский человек; житель святой Руси»; так и народ Галичской России называется – русским (русин) и его язык – русский.

Вероятно, никому и в ум не приходило назвать свой язык «киевским» и «московским», что, конечно, не исключает применения различных колких названий и основанных на истории прозваний, как,

например, у южных россиян (малороссы) северороссы высшего и среднего сословия называются великороссами и прямо русскими, крестьяне, мещане и купцы с бородами и в национальном русском костюме – кацапами, то есть, от длинной бороды, козлами, а солдаты, какого бы ни были они происхождения, не исключая и малороссов, – москалями¹, и наоборот, северороссы южнороссов называют малороссами и хохлами, но ни те, ни другие сами себя этими прозваниями никогда не называют.

Разговорный и письменный русский язык, хотя бы и со славянскими буквами, какого бы то ни было наречия, с самых древних времен всегда и везде называется русским. И в грамотах великих князей московских, в Судебнике, в Уложении, равно как и в статутах литовских и в грамотах великих князей литовских и польских королей употреблялся один и тот же язык, различающийся только некоторыми идиоматизмами, всегда называвшийся русским. Теперь обратимся к вопросу: как зовут русских чужеземцы? Немецкие летописцы (Луитиранд, Адам Бременский, Гельмольд и др.) пишут Рузиа, Рузи, Русьциа, Россия и т. п., польский летописец Мартын Галлус называет землю русскую Руссию, но название русского народа рутенами произошло, по всей вероятности, от испорченного немецкого слова *Ruti* вместо *Russi*, от перемены буквы *s* на *t*. В латинском слове *ruthenus* совершенно видно название русин.

Это выражение означает вообще русский народ, точно так, как *Ruthenia* – Россия, без всякого такого ограничения, какое теперь приписывают этому слову, понимая под ним только одних малороссов.

У арабских писателей русские называются русс, у татар – урус, маджаров (венгров) – орос и т. д.; у чехов издревле употребляемо было название *Rus*. Слова русин, Русь находятся у Далемилля, где говорится «архиепископ Мефодий был русин»; и древние поляки не знали другого названия, как Русь (как выше сказано Длугошем). В старосербских памятниках встречается прилагательное *russkij* вместо сокращенного *ruskij*.

У греков русские издревле называются *Ros* (Ρωσς), в Россия – *Rosia* (Ρωσια), и именно название это находится в одном окружном послании патриарха Фотия, 866 года; впоследствии являлось оно чаще в статьях Константина Порфирородного и у всех следующих византийских летописцев.

Известно, что Россия приняла христианство от греков и что Россия была в постоянном союзе с константинопольским патриархом, от которого зависело назначение и посвящение русских митрополитов. Из Греции принесены к русским церковные книги – или прямо, или же посредством болгар. Эти книги часто исправляли по греческим оригиналам, и таким образом древнее народное название «Русь» должно

было уступить огречившемуся слову «Россия», подобно древнему названию «словьян», «словен», огречившемуся «славян».

Греческие монахи как исправители славянских церковных книг ввели под конец XVI и в половине XVII столетий вместо названия русы, от IX столетия и до сих пор употребляемое между русскими (по-гречески Ρώς), огречившееся россияне, подобно тому, как вместо издревле двухсложного имени Иисус, огречившееся трехсложное Иисус (по-гречески Ιησοῦς)² - и не без затруднения - внесли в церковные книги и этой переменной подали повод грубым невежам отпасть от церкви; тоже они, по греческому образцу Sklavi и Sthlavi, ввели в славянскую грамматику и в церковные книги лучшее, по их ошибочному взгляду, название *славяне*. Эти поправки начались в первой половине XVI столетия, в период совершенного господства в России грубого невежества. Максим Грек, монах Афонской горы (ум. 1556), первый выступил публично с этими нововведениями. (Шафарик в «Славянских древностях» § 25 е 474-75 и § 28 е 521). Названия Россия, россиянин, российский в течение XVII столетия одержали верх над названиями Русь, русин, русский и употреблялись писателями как восточной (московской), так и западной (польской) России, хоть народ как в первой, так и в последней, остался при первобытном названии Русь; новое название перешло также в дипломатические статьи, и царь Алексей Михайлович именуется в 1655 году «государь царь и великий князь всея Великая, Малая и Белая России», и с тех пор все уже русские государи титулуются «императорами и самодержцами всероссийскими». Новое это название обратилось, так сказать, в закон – однако ж не без исключений. Иногда как у писателей, так и в официальных бумагах употреблялись и прежние названия: Русь, русский. Впрочем, название Россия и российский встречается гораздо ранее Алексея Михайловича; так, в письме Пожарского (1612 г.) к императору Рудольфу II говорится: и великих государств российского³ царства бояре и т. д., и после повсюду «государь царь и великий князь всея России» (это письмо напечатано в «Славянской библиотеке»).

В «Уложении» царя Алексея (в 1649 году) в издании 1780 года мы читаем: «государь царь и великий князь всея России» и т. д.; в настоящее время и русские в литературе начинают возвращаться к прежнему названию. Название Россия не принято ни одним европейским народом, исключая поляков, и то новейшего времени, чем они доказывают, как уже сказано, старопольскую Москву. Кто читал с вниманием сказанное нами о происхождении названия Россия, тот в состоянии сам решить: есть ли какое-нибудь различие между названиями «Русь» и «Россия». Если бы кто после этого продолжал видеть различие между этими названиями, то должен признать еще большее различие английского Palad и французского Pologne от польского названия Polska.

Принятое русскими учеными греческое название Россия (Russia) есть совершенно тождественное с названием Русь (Rus). К сожалению, эти ученые (некоторые) не хотят удовольствоваться этим простым объяснением, но даже ссылаются на библейскую мифическую нацию Ρωσ (Иезекииля 38, 2); точно так же поступают они с Москвой, как мы вскоре увидим.

Мы не знаем, что древнее: название ли реки или города Москвы, не знаем также славянское ли это слово или финское. Некоторые выводят его из финских слов *musko* (темно) *va* (вода), и, судя по этому, река старше; но другие, напротив, производят его от славянского слова *most* (мост). Трудно сказать об этом предмете что-нибудь положительное, и если бы кто захотел о нем спорить, то из него вышло бы «*gixari de lana carina*».

Все, что известно о начале Москвы, есть следующее: боярин Стефан Иванович Кучка в половине XII столетия имел в русском Суздальском княжестве несколько деревень. В одной из них, именно в Москве, Кучка принимал в своем доме в 1147 году Георгия Долгорукого, князя Суздальского, который, будучи очарован чудным местоположением, купил эту деревню у Кучки и построил в ней церковь и свой терем и таким образом положил основание города, продолжавшего называться прежним именем «Москва». В нем любили в летнее время проживать и его преемники, а в начале XIV столетия Москва сделалась постоянной резиденцией великих князей. И Семеон Гордый, как было уже сказано выше, титуловался: великий князь всея России, в качестве старейшего между другими князьями русскими. К этому титулу великие князья стали присоединять и титул московских вместо владимирских и суздальских и затем вместо великого князя всея России приняли титул царя всея России, который титул и по настоящее время служит символом самодержавия русских венценосцев над всеми русскими областями.

Так понимали и понимают название Москва, московский, сами русские, но иностранцы, как мало знакомые с этими делами, думали иначе. Польский историк Длугош, как сказано выше, под именем Москвы разумел не государство Московское, а Великую Россию (Russia Major). В XVI столетии сначала у поляков, а потом и у других самое обыкновенное (хотя не без исключения) было употребление названия Москва в смысле московитянского государства, но государство это всегда считалось и у них русским.

Известный барон Зигмунд Герберштейн пишет в предисловии своего «*Rerum moscoviticarum commentarii*» (1549): «*Moschoviam mihi descripturo, quae Russiae caput est etc.*». Герберштейн однако же, смешивает имена Russia, Rasscia, Roscolania, Rutheni и Moscici как ему вздумается и не делает особенного различия между ними. «*Principum,*

qui nunc Russiae imperant, primus est magnus dux Moscoviae, qui majorem ejus partem obtinet; secundus, magnus dux Lithuaniae; tertius est rex Poloniae, qui nunc et Lithuniae et Poloniae praeest».

Герберштейн, которому вообще хорошо известны были русские отношения, называет здесь Великое княжество Московское частью России.

У Ельзевира «*Respublica Moscoviae*» мы читаем: «*Moscovia Russiae vel Ruthenorum caput*». Польский историк Матвей из Мехова (ум. 1523 г.) Рязанскую область называет частью России. Известный польско-литовский историк Коялович (в XVII столетии) в своей «*Historia Lithuaniae*» Тверь полагает в глубокой России.

Французский писатель де Ту (ум. 1617 г.) оба эти выражения (Россия и Москва) смешивает между собой и пишет обыкновенно «русские или московские», Киев называет столицей Польской России (*Russiae Poloniae*), с которой граничит Московская Россия (*Russia Moschovitica*). Это, по моему мнению, достаточно доказывало бы, что москвитяне были почитаемы за истинно русских, как чужеземцами, так и поляками, хотя именовали их различно. Название Москва окончательно уступила место, как известно, со времен Петра Великого, названию Русь (Россия) даже и в чужих государствах, и русские венценосцы признаны были всей Европой государями всей России. Прежнее же название Москва, если после того и употреблялось и теперь употребляется иностранцами, в особенности поляками, то только по грубому невежеству или по злобе.

Лакомб в своем «*Abregé de L'histoire du Nord*» (Paris 1762) говорит, что германцы и другие *per abusum* дали русским название москвитян. Швед Штралемберг почти за полстолетия перед тем в своем описании России восстает против употребления слова Москва. Он говорит: «Некоторые германские писатели ввели с особенным пристрастием выражение *Moscovien* и *Moscoviten* для обозначения целого русского народа и страны, и другие позднейшие писатели следовали их примеру, описывая это государство; но я не понимаю, на каком основании можно называть этим именем целое государство и целую нацию, когда таким именем не называют себя сами мнимые москвитяне?»

Из всего сказанного нами всякий любящий правду человек в состоянии видеть, что во всей Русской империи (и частью Австрийской) существует только одна русская нация, вследствие различных событий разделенная на две части и вновь правительственно и литературно соединенная; эти части были: западная (близ Днепра – белорусы и малороссы) и восточная. Эта нация употребляет один русский язык, раздробленный на множество наречий, впрочем, весьма мало различных между собой, а что при 65-миллионном населении нации люди не все равны и что язык имеет некоторые различности, проис-

хождение которых весьма натурально, – этого никто не станет отрицать, тем более, что русская нация долгое время разделена была на две, иногда враждебные друг другу, половины и очень много приняла чуждых стихий; но что юго-западные русские (мало- и западорусы) составляют будто бы отдельную нацию от северо-восточных русов (великорусов), то с этим никто не должен согласиться.

Мы хотели здесь сделать точное пояснение названий Русь, Россия и Москва и думаем, что достаточно указали, что слово Россия одно и то же самое означает, что и Русь, а название Москва уже не принадлежит к настоящему, и им только выражается название древнего русского государства, мы также нашли, что название Русь, русин употреблялось и употребляется в таком же значении, как Srb и Srbin, Blgar и Blgarin, Rimlan и Rimlanin, Ugor и Ugrin, Slovjan и Slovenin и т. д. Кто хоть несколько знает состав славянского языка, тот не составит из этих имен прилагательных Srbinsky, blgarinsky, ugrynsky и т. д., но скорее: srbsky, blgarsky, uhorsky и т. д. Поэтому не может также от имени русский произвести прилагательное rusinsky, но по правилам этимологии только rus-sky, вместо соединенного rusky (как cesky st. ces-sky, vlasky st. vlasky).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Впрочем, с недавнего времени хохломаны и другие последователи учения Духинских, Костомаровых, Кулишей, Шевченка и К^о этим словом, даже печатно, стали называть всех великороссиян. Но это не закон, а мания (Ред.).

2. Еврейское lenoszua лучше выражается греческим Ιησους, нежели Иисус (Ред.).

3. Название это встречается в изданной во Львове в 1591 г. греческо-славянской грамматике, где именно говорится: к назиданию многоименитому российскому народу. Изданные в 1606 г. проповеди львовского епископа Гедеона Балабина посвящаются «великоименитому российскому народу». Известный словарь Памвы Беринды, изданный в 1633 г. в Киеве, озаглавлен: «Лексикон славяно-русский». В универсале гетмана Остреницы (1939 г.) встречаются названия «Малая Россия, малороссийский». В протесте князей, дворян и обывателей королевства Польского и Великого князя Литовского против намерения правительства забрать на унию Петропавловский монастырь в Минске в 1619 г. они сами называют себя народом российским (См.: Вестник Юго-Западной России, кн. 4).

4. Киевские митрополиты самых древних времен титуловались: митрополиты всея России.

Источник: Вестник Юго-Западной и Западной России. Историко-литературный журнал, издаваемый К. Говорским. Т. IV. Киев, 1864. Май. С. 29-44.

Василий СТАТИ

МЕЖДУ СТРАСТЯМИ И ИДЕОСИНКРАЗИЕЙ

О книге И. Евсеева «*Slavismele românești*»

В 2009 г. бухарестское издательство CRLR (*в переводе: Община русских липован Румынии*) выпустило неожиданную книгу о замалчиваемой по внеучным соображениям проблематике – о славянских элементах в румынском языке: «*Slavismele românești*» Ивана Евсеева (446 страниц, включая *Библиографию*). Поскольку в современный период этноисторические, культурные и языковые контакты славян с восточными романцами отмечаются лишь в негативной коннотации или откровенно замалчиваются до такой степени, что даже преподаватели имеют смутное представление о значимости славянского фонда для молдавского и валашского (ныне румынского) языков, напомним лишь некоторые давно известные, но табуизированные истины. Молдавские языковеды, чьи исследования в этой области весомее, в силу исторических, этноязыковых обстоятельств более свободные в выборе и трактовке этих вопросов, выделяют *древнеславянский язык* – язык Кирилла и Мефодия с 862–863 гг. до конца XI в. Все более отдаляясь от живой речи, он с XII в. приобретает определенные особенности, постепенно превращаясь в так называемый славянский язык, известный в нескольких вариантах или редакциях: болгарской, сербской, русской и т. д.

Напомним также суждения и выводы некоторых известных румынских историков и языковедов о значении славянских заимствований, о роли славян вообще в становлении культуры и государственного устройства валахов (ныне румын) и молдаван. Уже с конца XIX в. авторитетный историк и языковед академик Иоан Богдан неоднократно всесторонне обосновал, что в молдавском и валашском (ныне румынском) языках «укоренилась огромная сумма славянских элементов», заимствованных непосредственно в процессе как длительного совместного проживания, так и политико-литературным путем. «Славянский язык, – подчеркивал И. Богдан, – употреблялся в церкви, в государстве и даже в повседневных делах до XVI–XVII вв., а в государственной жизни почти все наши учреждения славянского происхождения или имеют, наряду с немногими элементами, унаследованными от римлян, значительную сумму славянских элементов»

(I. Bogdan, 1894 г.). Даже сама столица Унговлахии/Валахии называлась, как в Болгарии, Тырговиште. Эту культурно-политическую и этноязыковую действительность подтверждали и румынские языковеды Овид Денсусяну, Секстил Пушкарю.

В 1905 г. после долгих и глубоких исследований академик И. Богдан заключил: славяне являются *конститутивным* элементом восточно-романских общностей: «Влияние славянского элемента на формирование нашей национальности настолько очевидно, что можем сказать без преувеличения, что и речи быть не может о румынском народе до впитывания славянских элементов местным романским населением на протяжении VI–X вв.» (I. Bogdan, 1905 г.).

В наше время академик К.К. Джуреску подтвердил эту истину. Тем не менее, со второй половины прошлого века, после работ Э. Петровича, Г. Михэилэ, программа исследований этой исключительно важной проблематики для обоснования древности, для утверждения своеобразия валашской (ныне румынской) общности, валашского (ныне румынского) языка, была свернута. Хотя очевидно, что бесконечное множество повторяющихся, набивших уже оскомину страданий о только романстве и только румын ничуть, никак и никогда не смогут затенить славянский фондообразующий компонент валашской (ныне румынской) этноязыковой общности. В этой обстановке избыточной идеосинкразии ко всему славянскому, русскому вышел в свет новый свод славянских заимствований: «*Slavismele românești*» Ивана Евсева.

Эта весомая, не только по количеству страниц, книга, как любое подлинно **научное исследование**, во многих отношениях поразительна.

Во-первых, никогда раньше не составлялось и не издавалось столь богатое и широкое по содержанию, разнообразное по критериям отбора собрание славянских заимствований в валашском (ныне румынском) языке.

Во-вторых, впервые столь объемный лексикон распределен по тематическим группам – операция, свидетельствующая о широких и глубоких познаниях Ивана Евсева в истории языков, в лексикологии и этимологии.

В-третьих, издание данного богатейшего свода – свидетельство тому, что в этой стране есть еще рыцари науки без страха и упрека. Само обращение, а тем более издание работы по «предельно деликатной (*в Румынии, разумеется – В.С.*) проблеме», с предельно раздражающим (*в Румынии, разумеется – В.С.*) заглавием – «*Slavismele românești*», потребовали от И. Евсева не только мобилизации всего своего богатого научного потенциала, но и огромного гражданского мужества.

В-четвертых, стремясь быть беспристрастным, автор не предваряет свой несомненной научной ценности труд хотя бы обзором истории вопроса. Тем более, что его свод «славизмов» выгодно отличается от глоссариев Я. Гинкулова (1840 г.), Ф. Миклошича (1861 г.), от словаря А. Чихака (1879 г.). Видимо, автор хотел избежать идеосинкразии. Его можно понять. Хотя вряд ли его минует чаша сия.

Заглавие «*Slavismele românești*» чрезвычайно широкое. Было бы опрометчивым попытаться представить здесь лексикографический анализ работы. Эти строки – всего лишь скромная презентация долгожданной, удивительной и увлекательной работы, которая (мы разделяем надежды автора) «послужит отправной точкой для последующих исследований». Вероятно, самые горячие споры вызовут, например, мадьяризмы, грецизмы (ортодоксизмы) и др., заимствованные (не всегда) посредством славянских языков. Определенные вопросы возникают в связи с тем, что происхождение некоторых лексем у И. Евсеева (и в DEX) не совпадают с этимологиями, установленными в 1978 г. молдавскими лингвистами, признанными авторитетами в этой области.

Как известно, безответственные политические игры отрицательно сказываются на плодотворном изучении общих проблем в общественных науках. Самоизоляция румынских обществоведов, беспочвенное, смехотворное высокомерие некоторых румынских авторов, незнание достижений молдавского языкознания до 1990 г. (в данном случае) нередко ставит их в неудобное, чтобы не сказать глупое, положение. Знакомство с уникальными в своем роде «*Dicționarul explicativ al limbii moldovenești*», vol. I –II. (Chișinău, 1977, 1985), «*Scurt dicționar etimologic al limbii moldovenești*». Redactori: N. Raevskii, M. Gabinschi (Chișinău, 1978), с фундаментальным исследованием Н. Раевского «*Contactele romanicele răsăriteni cu slavii. Pe bază de date lingvistice*» (Chișinău, 1988) и др., с одной стороны, существенно обогатило бы свод славянских заимствований И. Евсеева, а с другой – исключило бы, надо полагать, ряд спорных словарных статей.

Для молдавского национального языка, для молдавского языкознания свод славянских заимствований И. Евсеева имеет исключительно важное значение. Хотел того автор или нет, его научный труд, сам по себе словарный состав является дополнительным, блестящим и бесспорным доказательством «молдавской языковой специфики» (С. Бережан), своеобразия молдавского национального языка, литературная форма которого – общая и для других народов.

Печально, что в Республику Молдову поступило лишь 2 или 3 экземпляра этой редкой книги; печально, что мы не можем ее переиздать.

Георгій КОЖОЛЯНКО,
Олександр КОЖОЛЯНКО

ЕТНОПОЛІТИЧНІ ПРОЦЕСИ В УКРАЇНІ: МИНУЛЕ І СУЧАСНІСТЬ



У світі існує кілька тисяч народів, кожен з яких має свою історію етногенезу. Не завжди можна знайти точну відповідь у історичній літературі про початки того чи іншого народу, про його зміни і етнічні процеси від минуло до сучасності. Через цілий ряд обставин як об'єктивного так і суб'єктивного характеру питання етногенезу українського народу в історичній і етнологічній літературі висвітлено недостатньо. Особливо складним є питання етнічних груп

українського народу (бойків, лемків, русинів, гуцулів), які склались на протязі значного історичного періоду.

Навколо етнічної групи українського народу русинів уже на протязі більше ста років ведуться наукові і політичні дискусії. Науковці і політики намагаються визначити місце і роль цієї етнічної групи в світовій цивілізації.

Монографічне дослідження буковинського етнополітолога Ігоря Буркута присвячене актуальній проблемі етнонаціональних відносин в Україні – русинства.

Громадянські, політичні та науково-теоретичні аспекти етнічних процесів в Україні кінця XIX – початку XXI ст. дискутуються на сторінках журналів, монографічних видань та у газетних статтях. Особливо це стосується етнічних процесів на Закарпатті. Значною мірою автори публікацій, до кінця не знаючи етнічної термінології, не розуміючи поняття «етнос», «нація», «народ» та їх структури, з позицій партійно-політичних інтересів різних країн, вузькокорпоративних планів, а часто і суб'єктивних інтересів окремих осіб ведуть дискусію щодо етнічної групи українців – русинів.

У передмові до книги Ігоря Буркута доктор політичних наук В.Бурдяк, пишучи про русинський рух, вказала: «Його необхідно ретельно досліджувати і виділяти у цьому русі політичний авантюризм окремих амбіціозних осіб та діяльність зарубіжних чинників антиукраїнської спрямованості від копіткої й плідної праці народознавців, істориків, філологів, фольклористів» [1, с. 3].

Праця І. Буркута, на нашу думку, а також на думку істориків (О.Добржанський), політологів (А. Круглашов), етнологів (І. Гутковська) і навіть фізиків (В. Старик, В. Павлюк), якраз є результатом копіткої і наполегливої праці буковинського науковця. Вона є вагомим внеском у дослідження феномену русинства в його історичному розвитку, із зазначенням причин його появи в політичному житті сучасної України.

У вступній частині монографії Ігор Буркут звертає увагу читача на актуальність теми дослідження, вказуючи на загострення дискусії навколо появи у 90-х рр. XX ст. політичної «проблеми русинізму», яка відрізняється від «політичного русизму» другої половини XIX ст., хоча з останнім має генетичний зв'язок.

На думку українських дослідників політична «проблема русинізму», штучно створена для майбутнього порушення територіальної цілісності України, послаблення внутрішньої єдності української нації [2], особливої гостроти набула у 90-х рр. XX ст. та у першому десятилітті XXI ст., власне після набуття Україною незалежності. Ужгородський етнолог М.Тиводар ще у 1994 р. зазначав: «Політичне русинство народилося в надрах Закарпатського обкому КППРС як альтернатива Рухові» [5, с. 11].

Проблема політичного русинізму у кінці XX – на початку XXI ст. стала предметом дискусій політиків, громадських діячів, журналістів та науковців як в Україні, так і поза її межами – у Словаччині, Польщі, Канаді, Росії, Сербії, Молдові. Частина диспутантів вхопилась реанімувати ідеї «політичного русинства» галицьких, закарпатських та буковинських москвофілів другої половини XIX ст., за якими проголошувалось існування окремої русинської нації і пропо-

нувалось створення власної держави («Русинська держава») на основі Закарпатської області України та прилеглих до неї територій Словаччини, Румунії, Угорщини, а також Польщі та Сербії.

Особливо варто звернути увагу на сучасні ідеологічні тенденції російської етнологічної науки, відповідно до якої русини трактуються як складова частина російського народу.

І. Буркут у вступі до монографії наводить приклад з російських публікацій кінця ХХ ст. щодо проросійського трактування походження русинів. Так, у 1998 р. у Москві Російською академією наук (Інститутом етнології та антропології) було видано енциклопедію «Народи та релігії світу», де вказується, що, на думку дослідників, нащадки корінного населення Карпатської Русі, частково Київської Русі за самоназвою русини, тобто русичі, галицькі і буковинські русини як мешканці основних історичних регіонів сучасної Західної України, які також проживають у Польщі, Словаччині, Сербії, Франції, США та ін. країнах, незважаючи на довготривале існування у складі різних держав, відірвано від Росії, зберегли російську етнічну самосвідомість, російську мову і православну віру [3, с. 449].

І. Буркут пише, що неважко уявити, як сприймуть свідомі галицькі українці – греко-католики – те, що московські науковці приписують їм начебто збережену «російську етнічну свідомість, російську мову та православну віру» [1, с. 7].

Далі у монографії зроблено аналіз літератури та джерел з даної проблематики. Через огляд історичних та народознавчих праць В. Шухевича, І. Франка, Р.Ф. Кайндля, праць канадського дослідника П. Магочі, чеського слов'янознавця І. Попа, львівського дослідника Є. Наконечного, закарпатського літературознавця О. Мишанича, київського етнолога Г. Скрипник, буковинського історика О. Добрянського подано історію русинства та етноніма «русин».

Автор монографії використав широке коло джерел. Це літописи, повідомлення мандрівників, публіцистичні твори та листи діячів русинського руху, документи та матеріали сучасних русинських організацій, юридичні джерела (конституційні та законодавчі акти у країнах проживання русинів), матеріали періодичної преси різних країн.

При дослідженні русинства найперше автор звернув увагу на історичні аспекти розвитку русинів та русинства, відповідно і назвавши перший розділ «Русини та русинство – історичні аспекти», де простежено походження етноніма «русини» та його початкову історію, зародження та розвиток політичного москвофільства, традиційне трактування терміна «русин» та долю етноніма «русин» у роки Першої світової війни. Тут же показано русинську еміграцію до США і Канади.

Щодо походження назви «русини», автор зазначає, що в цьому питанні залишається чимало дискусій і гіпотез, але більшість дослідників, як і сам автор монографії, вважають цей етнонім генетично пов'язаним з терміном «Русь» – в усіх можливих його значеннях (географічному, політичному, етнічному).

Розглядає І. Буркут також варіанти етноніма русини: руснаки (русняки), руські люди та ін. При цьому наводить ряд точок зору вчених різних історичних періодів (лінгвіста Г. Геровського, філолога Г. Костельника та ін.).

Досить важливим, на нашу думку, в книзі є розгляд питання про ототожнення багатьма російськими істориками населення Київської Русі і Росії, ствердження ними генетичного зв'язку між «русинами» та «росіянами» й формування концепції «єдиного русского народа – великороссов, малороссов и белорусов». Автор книги подає точки зору на це питання російських істориків Карамзіна, Погодіна та, спираючись на джерельні матеріали і дослідження різних авторів ХІХ – ХХ ст. (російсько-українського етнографа Г. Булашова, американського історика Е. Кінана, українського історика О. Толочка та ін.) робить висновок, що не можна ототожнювати ні два, ні три східнослов'янські народи як одне етнічне ціле у минулому. Підкреслюється виняткова етноутворююча роль для російського народу неслов'янського населення Північно-Східної Європи (єрзя, мокша та ін.), фактична асиміляція останніми слов'янського населення і створення на цій основі московського, суттєво відмінного від українського, а з кінця ХVІІІ ст. російського, за назвою, народу.

Цю відмінність відзначали вчені і мандрівники ще у першій половині ХІХ ст. Автор книги наводить приклад з книги німецького антропогеографа Йогана Георга Коля, який у 1838 р., подорожуючи по Галичині і Буковині, відзначив характерні риси українців. Й. Коль зазначив наступне: «Їхня мова, звичайно, суттєво відрізняється від великоруської, і це є чимось значущим, ніж відмінність діалектів, але ми все ж дуже часто розмовляли з ними російською мовою. Неабиякі відмінності російських та рутенських кожухів, мабуть, передають приблизний масштаб відмінностей обох народів в одязі, характері та мові» [1, с. 34; 4, с. 55]. До наведеного в книзі прикладу можна додати ще досить наочну рису відмінностей українців і росіян, вказану Й. Кодем: «Рутени також не мають у своєму характері тієї чарівності і привабливості до чужих, як і до великоросів ... колись на рутенській землі все було рутенським: селянин, аристократія, духовенство і навіть князі краю. Ще й досі деякі знатні сім'ї пишаються тим, що ведуть рід від старих князів Галичі. Рутенський селянин повсякчас дбає про дотримання старих звичаїв, з людьми чужого роду одружується

ще рідше, ніж поляки, мадяри, словаки і інші сусідні народи. Перш за все він боїться зав'язати стосунки з поляками, яких, як і росіян, він ненавидить і має до них природну відразу. Як і шляхтичі, він залишався повністю рутенським за мовою, вбранням та облаштуванням» [4, с. 55-58].

У книзі дається аналіз політичного москвофільства від часу його зародження у середині XIX ст. При цьому автор досить ґрунтовно підійшов до з'ясування причин симпатій русинів на західноукраїнських теренах як до російської армії, що у червні 1849 р. здійснила інтервенцію в революційну Угорщину, так і до російських військ у період Кримської війни 1854 р. Пишучи про етнічну ситуацію на західноукраїнських землях у другій половині XIX ст., І. Буркут зазначає: «Етнічний ренесанс у західноукраїнського населення відбувався на фоні пригнобленого становища цього етносу. На Закарпатті русини, як і раніше, перебували в повній залежності від угорської еліти. Панівні позиції в Галичині зберегла польська шляхта. А на Буковині навіть посилися позиції великих землевласників румунського походження, які здійснювали кроки у напрямі румунізації буковинських українців, перш за все через контрольовану ними місцеву православну церкву. Звичайно, ці фактори неминуче повинні були викликати спротив серед русинів, у середовищі яких внаслідок "весни народів" поступово зростала національна свідомість. Проте вона ще не могла чітко оформитися і знайти адекватні орієнтири, тому пошук таких орієнтирів і заводив частину русинів на манівці "єдиного руського народу"» [1, с. 40].

У монографії висвітлено роль передової галицької інтелігенції у розвитку москвофільства. Проаналізовано громадсько-політичну діяльність відомих історичних постатей: Івана Наумовича, Богдана Дідицького, Івана Гушалеви́ча, Якова Головацького, а також проросійську спрямованість галицьких товариств «Согласіє» та «Товариства М. Качковського».

Досить об'єктивним є аналіз автором монографії причин активізації і оформлення українського національного руху, починаючи з 60-х рр. XIX ст. При цьому автор показав, поряд з об'єктивними причинами оформлення українського національного руху, стимулюючу роль для останнього антиукраїнської політики російського царизму в Росії (наступ на українську мову і українське книговидання: Емський едикт, Валуєвський указ).

І. Буркут спробував оцінити роль слов'янофільства кінця XIX – початку XX ст. у справі підкорення слов'янських народів російському. На нашу думку, автору рецензованої книги вдалося показати не лише негативні сторони слов'янофільства стосовно українського та інших

слов'янських етносів, а й звернути увагу на об'єктивно позитивні моменти. Він пише: «Але слов'янофільство не варто розглядати лише через призму політичних вимог. Більше того, у жодному випадку його не можна зводити до примітивних політичних схем. Воно було складним і багатограним явищем, яке залишило значний слід в історії самої Росії, а також в історії інших слов'янських народів. Представники цього напрямку чимало зробили для вивчення російського, українського та білоруського фольклору й етнографії, але трактували зібраний фактичний матеріал, виходячи не з реальних фактів, а з власних абстрактних концепцій» [1, с. 69].

Окремий розділ монографії присвячений формуванню і стану сучасного русинства. Автор книги констатує, що на терені сучасної України русинами твердо і послідовно вважають себе 10 183 особи, які мешкають у Закарпатті й так самовизначились за переписом населення 2001 р. Етнонім «русин» у наш час використовують частина населення Словаччини, Чехії, Угорщини, Польщі, Румунії, а також нащадки переселенців із Закарпаття і Пряшівщини на терени Сербії та Хорватії. Русинами називає себе частина нащадків переселенців із західноукраїнських земель до Канади, США, Австралії та інших країн. Прибічники політичного русинізму вважають, що у світі потенційно є 1,6 – 2 млн русинів. Так, канадський науковець П. Магочі відносить до русинів все населення Закарпатської області України (977 тис. чол.), частину населення Словаччини, Сербії та Хорватії (більше 160 тис. чол.). Проте, як вказує І. Буркут у своєму монографічному дослідженні, загальна кількість русинів у світі може сягати трохи більше 100 тис. чол. [1, с. 153-154]. Це, до певної міри, підтверджується переписами населення у слов'янських країнах, проведених на початку ХХІ ст.

Для кращого розуміння проблеми русинства автор книги вирішив науково розібратись з етнологічним питанням існування субетносів у середині окремого етносу. Для цього він піддав аналізу етнографічні групи українців – бойків, лемків, гуцулів, які здавна розселились у Карпатах. Необхідність такого дослідження обумовлена тим, що окремі сучасні дослідники русинів (П. Магочі) вважають, що краще ділити русинів Закарпаття і сусідніх країн Європи не на русинів, бойків, лемків, гуцулів, а за схемою німецьких та угорських вчених кінця ХІХ ст., де карпатські русини поділяються на західну і східну групи.

Автор книги провів аналіз особливостей культури цих етнографічних груп, використавши попередні дослідження як вітчизняних, так і зарубіжних авторів, і резюмував, що ці етнографічні групи є невід'ємною частиною українського етносу. І. Буркут пише:

«Подібно до бойків і лемків, карпатські гуцули зберігають своєрідні етнографічні риси, але вважають себе невід'ємною частиною українського етносу. Етнонім русини в їхньому середовищі поступово зникає приблизно в той час, що і в населення рівнинних місцевостей Галичини та Буковини, тільки з деяким запізненням. Адже архаїчні риси найбільше консервуються в середовищі, що існує замкнено і має слабкі зв'язки з іншими, подібними до себе середовищами» [1, с. 106].

Окремо автор дослідив русинів Сербії, Хорватії, Боснії, Герцеговини як однієї з найдавніших українських діаспор у світі (початок переселення русинів з Карпат і Прикарпаття припадає на середину XVIII ст.). При цьому найкраще, на нашу думку, досліджено етнічний і культурний розвиток русинів на Дунаї – поселення русинів Бачки і Срему.

Особливо заслуговує на увагу дослідження становища русинів Сербії, Хорватії й Боснії під час балканських воєн 90-х рр. XX ст. Ми багато знаємо з матеріалів преси та судових процесів над лідерами Сербії та інших балканських країн про «етнічні чистки», переслідування етнічних меншин (переважно мусульманських), а от як жилося у цей час українцям-русинам у цьому регіоні світу, якими були політичні орієнтації русинських громад і їхніх лідерів, відомостей мало. Тому дослідження І. Буркутом русинської спільноти цього періоду і цього регіону є надзвичайно цінним.

Окремо автор монографії дослідив етнічний розвиток і політичне становище русинів Словаччини, Чехії, Польщі, Угорщини, Румунії, Росії та Молдови.

І. Буркутом виділено в окремий розділ питання сучасного русинізму: створення русинських організацій, формування русинської політичної міфології, зародження і розвиток сучасного русинознавства та ін.

У кінці книги автор відзначає, що активна стимуляція проблеми сучасного русинства з боку зарубіжних сил проявляється, зокрема, у розгортанні міжнародного русинського руху та координації його діяльності. І. Буркут відзначає тенденцію створення головного центру цього руху в Закарпатті, у м. Мукачевому. При цьому русинський рух проявляється у двох напрямках – рух народознавців, філологів, істориків, краєзнавців, які зацікавлені у збереженні та розвитку духовних скарбів автохтонного населення Закарпаття, та рух політиканів сепаратистського характеру, що повинно зумовлювати диференційоване ставлення українського суспільства до русинства.

З критичних побажань до рецензованої книги відзначимо наступне:

- на нашу думку, бажано було б ширше показати роль комуністичної ідеологічної машини СРСР 80-х рр. XX ст. у становленні політичного русинізму, оскільки в роботі акцент зробле-

ний переважно на громадські настрої та зовнішні чинники щодо становлення політичного русинізму в останніх десятиліттях ХХ ст. (до проголошення незалежності України);

- як на нашу думку, потрібно було автору книги більше звернути увагу на русинів Буковини міжвоєнного періоду та роль румунського ідеологічного тиску на буковинців. Відповідно і зрозумілішим було б зникнення терміну «русин» на середину ХХ ст. серед буковинців.

- фотоліustrативний матеріал, який використав автор монографії, не має прив'язки до джерела походження, відповідно, знижується наукова цінність праці. Правда, до позитиву віднесемо те, що автор намагався максимально залучити раніше не опубліковані фотографії з життя русинських громад та фотопортрети відомих діячів русинства.

Загальний висновок щодо рецензованої книги є позитивним. Книга І. Буркута дійсно є першим комплексним науковим дослідженням проблематики русинства і може бути корисною для науковців-політологів, етнологів, істориків, філологів, для всіх, хто цікавиться етнополітичними процесами в Україні і світі. Сподіваємось, що вона буде належно оцінена не лише в Україні, а й світовою історичною та політичною наукою.

Книга Ігоря Григоровича Буркута «Русинство: минуле і сучасність» є надзвичайно актуальною і потрібною як в Україні, так і поза її межами, зокрема, у сусідніх державах: Угорщині, Молдові, Словаччині, Румунії, Польщі, Росії.

ЛІТЕРАТУРА:

1. *Буркут І.* Русинство: минуле і сучасність. Чернівці: Прут, 2009.
2. *Мишанич О.* Карпато-русинство, його джерела й еволюція у ХХ ст. // Карпатська Україна. 1992. 19 листопада.
3. Народы и религии мира. Энциклопедия. М., 1998.
4. Німецький вчений Йоган Коль про Буковину та Галичину. Передмова П. Брицький, переклад на українську мову П. Бочан. Чернівці, 2007 (Die Bukowina, Galizaien, Krakau und Mahren. Drezden und Leipzig, 1841).
5. *Тиводар М.* Політичні та теоретичні аспекти етнічних процесів на Закарпатті ХХ ст. // Срібна Земля. 1994. 12 лютого.

Максим ЖИХ

К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА ГАЛИЦКОЙ И ВОЛЫНСКОЙ ЗЕМЕЛЬ ДОМОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ¹

Современный этап историографии проблем социально-политического устройства Древней Руси характеризуется отказом от ещё сравнительно недавно доминировавших теоретических рамок и поиском новых концептуальных положений, в которые историки могли бы «встроить» положения своих конкретно-исторических исследований. Поэтому особенно актуальной для каждого исследователя, занятого изучением древнерусской истории, является задача определения своего места в этом многообразии историографических школ и направлений, которое способно помочь ему в верной интерпретации сделанных им на основе анализа источников конкретно-исторических выводов. Не все ученые, однако, способны грамотно определить свое положение в современном теоретическом и историографическом контексте, что нередко приводит к появлению чисто описательных работ, либо к повторению выводов, давно уже сделанных в исторической науке, либо к тому, что автор не может связать собственные выводы с выводами других ученых.

Все эти «теоретические» соображения имеют самое прямое отношение к вышедшему недавно монографическому исследованию П.С. Стефановича, посвященному социально-политической истории одного из ключевых регионов Древней Руси – Галицкой и Волынской земель с начала их политической самостоятельности и до конца XII в.²

Несмотря на отмеченную выше плюралистичность современной историографической картины общественно-политического устройства Древней Руси, в ней отчетливо выделяются две «генеральные» линии: взгляд на древнерусские земли как на общинные по своей природе города-государства (полисы) и взгляд на них как на раннефеодальные монархии-княжества³. Вторая из названных концепций тесно связана с общим взглядом на Киевскую Русь как на раннефеодальное общество, оформленное в виде раннефеодального государства и еще совсем недавно доминировала в отечественной историографии, однако ныне, после падения господствовавших в СССР теоретических

установок, очевидно, находится в глубоком концептуальном кризисе, и ее сторонники в последнее время предлагают различные варианты модернизаций названной концепции в современных историографических условиях⁴, которые, впрочем, не снимают встающих перед ней вопросов, сама множественность вариаций ответов на которые говорит, на наш взгляд, о неспособности в рамках данной концептуальной парадигмы дать ответы на ключевые вопросы социально-политической жизни русского средневековья⁵. Это весьма наглядно показала рассматриваемая работа П.С. Стефановича, демонстрирующая недопустимое пренебрежение к теоретическим вопросам. Если говорить еще точнее – мы видим в ней полный теоретический вакуум. Автор нигде и ничего не говорит о том, как он понимает древнерусскую (и в частности галицко-волынскую) государственность, и она предстает у него чем-то аморфным и непонятным. При этом он постоянно употребляет применительно к существовавшим в домонгольский период в Галиции и на Волыни социально-политическим объединениям термин «княжество»⁶ – анахронистичный термин, не известный домонгольским источникам (а он встречается в источниках лишь с конца XIV в.)⁷, но несущий в себе вполне определенную смысловую нагрузку и подразумевающий существование в Киевской Руси института некоей княжеской монархии. Собственно, саму правомерность его употребления (повторюсь, это термин из другой эпохи) применительно к землям Древней Руси надо серьезно обосновывать, чего П.С. Стефанович не сделал, что, однако, не мешает ему бойко оперировать этим анахронистичным понятием. Дело доходит до явной нелепости, которую мы уже отмечали⁸: весьма странными нам кажутся слова П.С. Стефановича, который, полемизируя с А.В. Майоровым, заявляет, что целью автора было показать, что эти Галицкое и Волынское «княжества не являются исключением в ряду других "древнерусских земель-волостей"»⁹. П.С. Стефанович, упорно предпочитая реальным древнерусским понятиям *волость* и *земля*¹⁰ искусственный анахронистический термин *княжество*, в сущности, навязывает его древнерусским источникам и историческим реалиям с одной стороны и своим оппонентам – с другой. На наш взгляд, это абсолютно некорректно.

Теоретическая слабость работы П.С. Стефановича наложила серьезный отпечаток на его подход к историографическому материалу, который наш автор использует чисто «потребительски». Целью его работы является попытка вернуть в науку не получившие в ней особого распространения положения Н.П. Дашкевича и М.С. Грушевского¹¹ о «единстве и корпоративности в исправлении должностей по управлению территориями»¹² галицко-волынского боярства¹³, обусло-

вивших единство их «политических интересов» и ставших (вопреки мнению значительного числа ученых о крупном землевладении как основе могущества галицко-волынской аристократии) «экономической основой класса "местных бояр"»¹⁴. Согласно этой позиции,¹⁵ галицко-волынское боярство отличалось необыкновенной силой и сплоченностью (которой не было в других древнерусских землях) и препятствовало дроблению земли¹⁶. О самой этой концепции и ее перспективах в современном историографическом контексте поговорим ниже, а пока отметим, что современную историографию проблемы П.С. Стефанович знает явно недостаточно¹⁷. Достаточно сказать, что в его работе *вообще отсутствуют* упоминания о двух довольно давно защищенных диссертациях, посвященных общественно-политическому устройству Галицкой и Волынской земель – работах С.С. Пашина и Т.В. Беликовой¹⁸, последняя из которых посвящена непосредственно рассматриваемой П.С. Стефановичем теме – соотношению княжеской власти и боярства в Юго-Западной Руси, по причине чего незнакомство с ней П.С. Стефановича вызывает немалое удивление и определенным образом характеризует отношение автора к историографии.

Но этим пренебрежительное отношение к историографии у П.С. Стефановича отнюдь не исчерпывается. Как справедливо отметил недавно П.В. Лукин, «слабое знание историографии – большой недостаток. Однако гораздо хуже ее сознательное искажение»¹⁹, тем более такое искажение, которое имеет своей целью дискредитацию своих научных оппонентов. Увы, именно с этим явлением мы сталкиваемся в работе П.С. Стефановича²⁰.

Речь идет о том, что П.С. Стефанович выставил в ложном свете *целое историографическое направление*, которое всегда было одним из ключевых в российской исторической науке. Речь идет о концепции, согласно которой древнерусская государственность была представлена в форме городов-государств, типологически сходных с античными полисами, основным институтом которых являлась община. В древнерусских источниках этот социально-политический организм именовался «волостью» или «землей» и представлял собой территориально-политическую структуру, построенную на основе иерархии общин и состоявшую из общины главного города, общин подчиненных ему «младших» городов (пригородов) и сельских общин. Как отметил А.В. Петров, «развивавшие в разное время эту концепцию историки были едины в ряде важных концептуальных положений»²¹. Впервые в целостном виде она была сформулирована И.Д. Беляевым²² и постепенно широко распространилась в отечественной науке. Ее в тех или иных вариациях принимало большинство дореволюционных уче-

ных²³, существовала она в раннесоветской историографии²⁴, где была во многом искусственно прервана, ее продолжали полноценно развивать эмигрантские историки²⁵, а в советской историографии восстановили в правах²⁶ Ю.Г. Алексеев²⁷ и И.Я. Фроянов²⁸. Ныне этой концепции придерживается и развивает ее целая плеяда историков, занимающихся русским средневековьем²⁹.

Применительно к Галицко-Волынской Руси ее ныне разрабатывают И.Я. Фроянов, А.Ю. Дворниченко, Т.В. Беликова, С.С. Пашин (незнание П.С. Стефановичем работ двух последних ученых выше уже было отмечено) и А.В. Майоров, критике работы которого в значительной мере и посвящена работа П.С. Стефановича³⁰. Разумеется, научная полемика по ключевым проблемам социально-политического устройства Древней Руси в целом и Галицко-Волынской Руси в частности – вещь закономерная и необходимая, но позитивными ее итоги могут быть, на наш взгляд, лишь в том случае, если она ведется академически-корректно, без подтасовок историографического материала и стремления с помощью них умышленно дискредитировать оппонента. К сожалению, П.С. Стефанович в полемике с И.Я. Фрояновым и А.В. Майоровым избрал указанный весьма сомнительный путь – он все время пытается навесить на них ярлык «маргиналов», построения которых не имеют серьезной историографической опоры: «Нетрудно заметить в этих идеях (*в концепции общинного устройства Древней Руси – М. Ж.*) ориентацию на старые теории славянофильского толка. Стремление обозначить «особый путь» России представляет собой, очевидно, реакцию на настойчивые, однако далеко не всегда убедительные попытки советской историографии вписать историю России в европейские схемы. Конечно, можно понять неудовлетворенность И.Я. Фроянова и А.В. Майорова избитыми стереотипами, которыми в историографии характеризуется такое сложное явление как социально-политическая борьба в домонгольской Галицко-Волынской Руси, и тенденциозностью в интерпретации источников, свойственной многим (особенно советским) историкам»³¹. Таким образом, П.С. Стефанович выставляет дело так, что концепция И.Я. Фроянова и его учеников лишена серьезной опоры в отечественной историографии, идет вразрез с ней и является маргинальной и фантазийной. В качестве ее предшественников названы только какие-то непонятные «славянофилы» («ориентация на старые теории славянофильского толка»).

Это грубое искажение историографического процесса. Концепция И.Я. Фроянова, как уже выше было указано, – это всего лишь возвращение на новом уровне к *традиционной* для отечественной историографии линии. В.С. Брачев и А.Ю. Дворниченко верно отметили

недавно, что «подход И.Я. Фроянова к Киевской Руси – не что иное, как возвращение на новом уровне развития науки к магистральной... линии развития отечественной историографии»³². Таким образом, столь нелюбимые П.С. Стефановичем «идеи И.Я. Фроянова»³³ вполне традиционны для нашей историографии (в том или ином виде их разделяли многие историки, по праву считающиеся цветом нашей науки (см. прим. 23-25), а не какие-то безликие «славянофилы»). Ни о чем этом у П.С. Стефановича нет и речи. Даже намек. Все выглядит так, как будто И.Я. Фроянов и его ученики – маргиналы, построения которых не имеют ни историографических корней, не перспектив. Такого рода утверждение можно объяснить только двумя причинами:

- 1) слабым знакомством П.С. Стефановича с историографией;
- 2) умышленным стремлением путем подлога выставить своих оппонентов в невыгодном свете.

Поскольку первый вариант, скорее всего, приходится исключить, речь должна идти о втором. Разумеется, применение такого рода нечистоплотных полемических приемов не может не характеризовать определенным образом всю работу П.С. Стефановича.

Подобное отношение к историографии не позволяет, на наш взгляд, П.С. Стефановичу верно определить место своей работы и содержащихся в ней наблюдений в историографическом контексте. Многие конкретные наблюдения Н.П. Дашкевича и следовавших за ним (отчасти) М.С. Грушевского и Б.А. Рыбакова, а ныне П.С. Стефановича представляют несомненный исследовательский интерес и вполне обоснованы показаниями источников³⁴, однако, вопреки П.С. Стефановичу, они нисколько не противоречат общей концепции общественно-политического устройства Галицко-Волынской Руси, нарисованной в работах И.Я. Фроянова, А.Ю. Дворниченко, Т.В. Беликовой, С.С. Пашина и А.В. Майорова. Бояре, бывшие, как показали работы названных ученых, в домонгольское время не столько крупными землевладельцами, сколько лидерами городских вечевых общин, выражали, в первую очередь, интересы соответствующих общин (что, впрочем, не означает того, что у них не было собственных корпоративных интересов, которые по мере социальной дифференциации общества усиливались. Однако в домонгольское время этот процесс не достиг еще критической фазы, при которой боярство полностью отрывалось от общины и превращалось в правящее сословие). Отсюда и их сплоченность, и единство политических интересов, и препятствование дроблению земли (бояре и община главных городов не желали обособления пригородов). Таким образом, построения И.Я. Фроянова и его учеников, с одной стороны и Н.П. Дашкевича, и П.С. Стефановича – с другой, прекрасно стыкуются друг с другом и хорошо объясняют все

особенности положения галицкого и волынського боярства.

При этом характерно, что П.С. Стефанович фактически отходит от построений А.А. Горского, видевшего в древнерусских боярах лишь княжских людей³⁵, и приходит вслед за Н.П. Дашкевичем к выводу о существовании «в Галиче класса «местных бояр», подобных новгородским (добавим – не только новгородским)»³⁶, откуда шаг до столь нелюбимой им «общинно-вечевой теории И.Я. Фроянова» и бояр – общинных лидеров³⁷.

Хочется надеяться, что при написании второй части своей работы³⁸ П.С. Стефанович окажется внимательнее к историографическому контексту, теоретическим вопросам и построениям своих оппонентов, положения которых зачастую гораздо ближе стоят к его собственным выводам, чем ему кажется.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рецензия на: *Стефанович П.С.* Отношения князя и знати в Галицком и Волынском княжествах до конца XII в. // Средневековая Русь. Вып. 7 / Отв. ред. А.А. Горский. М.: Индрик, 2007. С. 120-220.

2. *Стефанович П.С.* Указ. соч. С. 120-220.

3. *Жих М.И.* О региональном политогенезе в Киевской Руси (к постановке проблемы) // Український історичний збірник / Редакційна колегія: Т.В. Чухліб (отв. ред) и др. Вип. 12. Київ, 2009. С. 42-48.

4. См., например: *Толочко А.П.* Князь в Древней Руси: власть, ответственность, идеология. Киев, 1992; *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003; *Горский А.А.* Русь: от славянского расселения до Московского царства. М., 2004; *Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С.* Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008; *Вилкул Т.Л.* Люди и князь в древнерусских летописях середины XI-XIII вв. М., 2009; и др.

5. *Жих М.И.* Указ. соч.

6. Оно присутствует даже в названии его работы.

7. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. СПб., 1893. Стб. 1400, 1404.

8. *Жих М.И.* Указ. соч. С. 48. Прим. 27.

9. *Стефанович П.С.* Указ. соч. С. 138.

10. Их конкретное содержание является дискуссионным (см.: *Журавель А.В.* С.В. Юшков – наш современник // Сборник Русского исторического общества. 2003. Т. 6 (154). С. 339-340; *Горский А.А.* Земли и волости // Древняя Русь: очерки политического и социального строя. С. 9-32; *Жих М.И.* О понятиях волость и земля в Древней Руси (предварительные замечания) // Славянские чтения, посвященные Дню свв. Кирилла и Мефодия: Материалы IX и X конференций студентов, аспирантов и молодых ученых. СПб., 20-21

мая 2007 г. СПб., 25-26 мая 2008 г. / Отв. ред. В.А. Якубский. СПб., 2010), однако это в любом случае реальные источниковые понятия, и противопоставлять их «кабинетному» княжеству, а уж тем более предпочитать им его совершенно недопустимо.

11. Это уже было отмечено П.П. Толочко: *Толочко П.П.* О «крамоле безбожных бояр галичских» // Київ и Русь. Вибрані твори 1998-2008. Київ, 2008. С. 331-332.

12. *Стефанович П.С.* Указ. соч. С. 220.

13. По верному замечанию А.В. Журавеля, «вопрос о политической роли боярства традиционно является ведущим при изучении истории Юго-Западной Руси» (*Журавель А.В.* О школе И.Я. Фроянова. Размышления о будущем: <http://www.hrono.ru/statii/2003/shkola.html>).

14. *Стефанович П.С.* Указ. соч. С. 220.

15. При этом П.С. Стефанович, как указал П.П. Толочко, не учитывает того, что впоследствии сходные мысли высказывал и Б.А. Рыбаков (*Толочко П.П.* Указ. соч. С. 333. Ср.: *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 477).

16. При этом П.С. Стефанович несколько упрощает дело и не учитывает того, что взгляды М.С. Грушевского на роль галицкого и волынского боярства были несколько более сложны, чем то получается в его «линейной» историографической схеме (*Толочко П.П.* Указ. соч. С. 332-333), а заодно и необоснованно обрушивается на В.Т. Пашуто, якобы заимствовавшего многие положения у М.С. Грушевского, но при этом практически не ссылавшегося на него (Там же. С. 332).

17. Что касается дореволюционной и советской историографии, то её привлечение в рассматриваемой работе отличается сугубой избирательностью. Рассматривая тот или иной летописный сюжет, П.С. Стефанович всегда приводит лишь некоторые произвольно отобранные мнения некоторых историков, рассматривавших его прежде.

18. *Пашин С.С.* Боярство и зависимое население Галицкой (Червонной) Руси XI – XV вв. Л., 1986; *Беликова Т.В.* Княжеская власть и боярство Юго-Западной Руси в XI – начале XIII в. Л., 1990.

19. *Лукин П.В.* Деконструкция деконструкции. О книге Т.Л. Вилкул по истории древнерусского веча [*Pavel V. Lukin, Deconstruction of Deconstruction. About the Book by Tatyana L. Vilkul on the History of the Old Rus' Veche (Political Assembly)*] // *Scrinium. Т. 4: Patrologia Pacifica and Other Patristic Studies / Edited by V. Baranov and B. Lourié.* СПб. Аxiōma, 2008. С. 406.

20. Выше уже были приведены отмеченные П.П. Толочко примеры искажения П.С. Стефановичем историографического процесса (см. прим. 15, 16), но по сравнению с тем, о чем у нас пойдет сейчас речь, они являются менее значительными.

21. *Петров А.В.* К вопросу о характере и итогах социально-политического развития Великого Новгорода в XI-XV вв. Новгородика – 2008. Вечевая республика в истории России: материалы международной научно-практической конференции 21–23 сентября 2008 г. Ч. 1 / Сост.: Д.Б. Терешкина, Г.М. Коваленко, С.В. Трояновский, Т.Л.Каминская, К.Ф. Завершинский; НовГУ им.

Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2009. С. 13.

22. *Беляев И.Д.* Земский строй на Руси. СПб., 2004. Нам совершенно непонятно, почему П.В. Лукин называет «автором» «земско-вечевой или общинно-вечевой теории» В.И. Сергеевича, бывшего учеником И.Д. Беляева и лишь развившего его концепцию (*Лукин П.В.* Вече: социальный состав // Древняя Русь: очерки политического и социального строя. С. 34). 23. См., например: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. СПб.; Киев, 1907; *Градовский А.Д.* Государственный строй Древней Руси. СПб., 1868; *Сергеевич В.И.* Вече и князь. М., 1867; *Забелин И.Е.* История русской жизни с древнейших времён. Ч. I. М., 1908; *Корф С.А.* История русской государственности. Т. I. СПб., 1908; *Никитский А.И.* Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1903; *Пасек В.В.* Княжеская и докняжеская Русь // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1870. Кн. 3; *Самоквасов Д.Я.* Древние города России. СПб., 1873; *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Часть I // *Ключевский В.О.* Сочинения в девяти томах. Т. I. М., 1987; *Пресняков А.Е.* Княжое право Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993; *Дьяконов М.А.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 2005; и т. д.

24. См., например: *Рожков Н.А.* Русская история в сравнительно-историческом освещении: (основы социальной динамики). Т. I. Пг.; М., 1918; *Насонов А.Н.* Князь и город в Ростово-Суздальской земле // Века. Исторический сборник. Вып. 1. Пг., 1924; *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке. Ч. 1, 2: От древнейших времён до второй половины 19-го столетия. М.; Л., 1931 (и любое предшествующее издание); *Юшков С.В.* Феодалные отношения и Киевская Русь. Саратов, 1925; *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. 2-е изд. Т. 1: Докапиталистические формации. Б. м., 1950. С. 83-106.

25. См., например: *Вернадский Г.В.* Киевская Русь. Тверь; М., 1996.

26. Разумеется, речь идёт не о механическом возрождении дореволюционной концепции, а о восстановлении её в науке на качественно новом уровне с учетом всех достижений советской историографии. О последнем аспекте см.: *Алексеев Ю.Г., Пузанов В.В.* Проблемы истории средневековой Руси в трудах И.Я.Фроянова // Исследования по русской истории и культуре. Сборник статей к 70-летию проф. И.Я.Фроянова. М., 2006. С. 3-23.

27. *Алексеев Ю.Г.* 1) «Чёрные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины) // Исторические записки. 1979. Т. 103; 2) Псковская Судная грамота и её время: развитие феодальных отношений на Руси XIV – XV вв. Л., 1980.

28. *Фроянов И.Я.* 1) Киевская Русь: очерки социально-экономической истории. Л., 1974; 2) Киевская Русь: очерки социально-политической истории. Л., 1980; 3) Киевская Русь: очерки отечественной историографии. Л., 1990; 4) Мятёжный Новгород: очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992; 5) Древняя Русь: опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995; 6) Рабство и данничество у восточных славян (VI-X вв.). СПб., 1996; 7) Киевская Русь. Главные черты социально-экономического

строая. СПб., 1999; *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988; *Фроянов И.Я., Юдин Ю.И.* Былинная история. Работы разных лет. СПб., 1997.

29. *Дворниченко А.Ю.* Русские земли Великого княжества Литовского: Очерки истории общины, сословий, государственности (до начала XVI в.). СПб., 1993; *Пузанов В.В.* 1) Княжеское и государственное хозяйство на Руси X-XII вв. в отечественной историографии XVIII – начала XX в. Ижевск, 1995; 2) Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007; *Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII-XIV вв. СПб., 2003; *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь: очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001; *Михайлова И.Б.* Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века: очерки социальной истории. СПб., 2003; *Петров А.В.* От язычества к Святой Руси. Новгородские усабицы (к изучению древнерусского вечаевого уклада). СПб., 2003; и т. д.

30. *Майоров А.В.* Указ. соч.

31. *Стефанович П.С.* Указ. соч. С. 139. Ранее П.С. Стефанович отметил, что «А.В. Майоров вслед за И.Я. Фрояновым пытается оживить старые теории русской дореволюционной науки о "земских боярах" и "общинном укладе"» (Там же. С. 138), но о том, кто в дореволюционной историографии придерживался этой концепции (а это весь цвет нашей исторической науки), равно как и о том, что она была в 30-е гг. XX в. искусственно и под воздействием во многом вненаучных причин оборвана (и ей на смену пришла теория «феодалных княжеств», которой, пусть и в сильно «смягченном» виде, придерживается сам П.С. Стефанович, что выше было уже отмечено), он умалчивает.

32. *Брачев В.С., Дворниченко А.Ю.* Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета. СПб., 2004. С. 332.

33. При этом нельзя не отметить какую-то совершенно иррациональную неприязнь П.С. Стефановича к И.Я. Фроянову и ученым его школы. В.В. Пузанов недавно справедливо заметил, характеризуя рецензию П.В. Лукина и П.С. Стефановича на «Домонгольскую Русь» М.Б. Свердлова (*Лукин П.В., Стефанович П.С.* [Рецензия на: *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь.] // Средневековая Русь. Вып. 6 / Отв. ред. А.А. Горский. М., 2006. С. 371, 382, 386, 390, 392, 400): «Следует отдать должное авторам рецензии, взявшим на себя труд прочесть и проанализировать весьма объемное и трудно читаемое сочинение. Рецензия в целом имеет критическую направленность. Создается впечатление, что основная (если практически не вся) заслуга М.Б. Свердлова, с точки зрения рецензентов, заключается в том, что он "совершенно справедливо", "очень дельно", "по существу", "критикует фантастическое", "противоречащие источнику и здравому смыслу" "построения И.Я. Фроянова"» (*Пузанов В.В.* Древнерусская государственность. С. 47-48. Прим. 128).

34. *Стефанович П.С.* Указ. соч. С. 143-220.

35. См.: *Горский А.А.* Указ. соч. С. 106-109.

36. *Стефанович П.С.* Указ. соч. С. 218. Ср.: *Дашкевич Н.П.* Княжение Да-

нила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873. С. 25.

37. О «княжеских» и «земских» боярах в Галицкой и Волынской землях см. в новых работах М.А. Несина: 1) Галицкое вече в событиях 1187-1188 гг. // Международный исторический журнал «Русин» [Кишинёв]. 2009. № 3 (17). С. 32-46; 2) Галицкое вече при Ярославе Осмомысле (в печати).

38. А оно в конце рассматриваемого исследования заявлено: «Анализ источников по истории Галицкого и Волынского княжеств в первой половине XIII в. должны подтвердить как эти выводы, так и последнее предположение» (Стефанович П.С. Указ. соч. С. 220).

В СОЮЗЕ С ЗАПАДОМ ПОЛЬША СЛАБЕЛА, А В СОЮЗЕ С РОССИЕЙ КРЕПЛА (Из интервью польского политика)

Профессор Болеслав Тейковски является, несомненно, одним из самых ярких представителей польской политической мысли наших дней. Панславист, искренний противник русофобии, столь свойственной польскому правящему классу, Тейковски всегда был убеждённым сторонником союза Польши с Россией, ратовавшим за необходимость объединения славянского мира. За несоответствие своих убеждений курсу официальной Варшавы Тейковски подвергался на своей родине судебным репрессиям, против него была развернута масштабная клеветническая кампания в СМИ.

ИА REGNUM Новости: Каким вы видите дальнейшее развитие Белоруссии и Украины? И Россия, и Польша рассматривают эти страны как свою сферу влияния. Как разрешить это противоречие?

Когда-то Русь была одна, со своей первой столицей в Киеве. Часть Руси сохранила самостоятельность со столицей в Москве и приняла название Россия. Другая часть Руси вошла в состав Польско-литовского государства и под его влиянием разделилась на Белоруссию и Украину. Это были русские страны, отчасти колонизированные. Окончательно они отошли от Польши после Второй мировой войны и были включены в состав Советской России. После распада СССР они стали независимыми государствами. Белоруссия и Украина были и есть ближе к России, чем к Польше, с учетом их русской национальной специфики и православного общества. С этой точки зрения не стоит рассматривать Белоруссию и Украину как территорию столкновения влияний Польши и России. Так считает Запад, используя славянскую Польшу для втягивания братских Белоруссии и Украины в НАТО и ЕС против России. Русский характер и польское влияние делают из Белоруссии и Украины ценную территорию для сближения русской России с Польшей. Конечно, будущее всех этих государств мы видим на одной лишь стороне - на стороне Славянской.

**ПОДПИСКА НА МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «РУСИН»**

Периодичность выхода – 1 раз в квартал.

Объем – 192 стр.

Формат – А5.

Тематика: история населения Карпатской Руси.

Язык: русский, русинский, украинский. По согласованию с редакцией допускаются публикации и на других языках.

Постоянные рубрики: история, языковедение, знаменитые русины, публицистика, русинская библиография.

На журнал объявлена подписка.

Стоимость подписки на 1 экз. с учетом почтовых услуг:

США и Канада: 8 USD (все комиссии платит подписчик; при перечислении просим указать факт оплаты комиссии в платежном документе);

Европа: 6 EURO (все комиссии платит подписчик; при перечислении просим указать факт оплаты комиссии в платежном документе);

Украина: 45 гривен;

Россия: 220 рублей;

Молдавия: 35 леев.

В платежном документе просим указать, за что перечислены деньги: за подписку на журнал «Русин», а также за какие номера и их количество.

Для того чтобы оформить подписку, следует перечислить необходимую сумму на счет **Общественной ассоциации «Русь»** и выслать письмо в адрес редакции или на электронный адрес sergei_suleak@rambler.ru

В письме необходимо указать почтовый адрес подписчика, номер платежного документа и перечисленную сумму. По возможности просим выслать копию платежного документа.

**SUBSCRIPTION TO THE INTERNATIONAL HISTORICAL JOURNAL
«RUSIN»**

Regularity of Publication - once quarterly.

Number of Pages - 192.

Format - A5.

Themes: History of the Population of Carpathian Rus'.

Languages: Russian, Rusin, Ukrainian. Other languages are permitted in consultation with the editor.

Rubrics: History, Linguistics, Famous Rusins, Publications, Rusin Bibliography.

The rate of subscription for each edition including postage:

USA and Canada: 8 USD (subscriber is responsible for all fees - please include all paid commissions and fees in the payment order);

Europe: 6 EURO (subscriber is responsible for all fees - please include all paid commissions and fees in the payment order);

Ukraine: 45 GRIVNA;

Russia: 220 RUBLES;

Moldova: 35 LEI.

Please indicate in the payment orders which editions of «Rusin» and the number ordered. Money orders and cheques are made payable to: Association «Rus» and mailed to the address of publication. Subscriptions may also be made by email sergei_suleak@

rambler.ru

With the order please include the address of subscriber, copy and reference number of payment order.

БАНКОВСКИЕ РЕКВИЗИТЫ ДЛЯ ОПЛАТЫ:

USD

Intermediary Bank: **Citibank N.A.**
New York, N.Y
SWIFT: **CITIUS33**
Corresp. Acc. - **36141833**
Beneficiary Bank: **BC Victoriabank SA**
Chisinau, Moldova
SWIFT: **VICBMD2X**
IBAN: **222400100181787**
Asociatia Obsteasca «Rusi»

EURO

Intermediary Bank: **Commerzbank AG**
Frankfurt am Main, Germany
SWIFT: **COBA DE FF**
Corresp. Acc. - **400886414200**
Beneficiary Bank: **BC Victoriabank SA Chisinau, Moldova**
SWIFT: **VICBMD2X**
IBAN: **22516031078**
Asociatia Obsteasca «Rusi»

ГРИВНЫ

Банк получатель: **Приватбанк**
г. Днепропетровск
МФО 305299
Получатель: **КБ «Victoriabank» АО, Кишинев, Молдова**
К/С 16000000324001
Назначение платежа: **за подписку на журнал «Русин»**
Для Общественной ассоциации «Русь»
счет № 222405100181787

РОССИЙСКИЕ РУБЛИ

Банк получатель: **Сбербанк РФ**
г. Москва.
БИК 044525225
К/с 30101810400000000225
ИНН 7707083893
КБ «Викториябанк» АО
Р/с 30111810200000000220
Назначение платежа: **за подписку на журнал «Русин»**
Для Общественной ассоциации «Русь»
счет № 22516031078

МОЛДАВСКИЕ ЛЕИ

Asociatia Obsteasca «Rusi»
Фискальный код **40038013**
Расчетный счет **225100000181787** в **BC «Victoriabank» SA,**
филиал 3
Код банка **VICBMD2X416**
Назначение платежа: **за подписку на журнал «Русин»**

Правила публикации в журнале «Русин»

Редколлегия журнала «Русин» принимает только статьи, присланные файлом, прикрепленным к электронному письму. Статья должна быть оформлена строго в соответствии с изложенными ниже требованиями и тщательно вычитана. В письме необходимо сообщить сведения о себе: фамилию, имя и отчество полностью, ученые степень и звание, место работы и должность, электронный адрес, почтовый адрес с индексом.

Статьи не должны превышать 1 а.л. (32 000 знаков с пробелами) с обязательной аннотацией на английском языке, сообщения – 0,5 а.л., рецензии – 0,2 а.л.

Члены редколлегии знакомятся с материалом и принимают решение о публикации. Отзывы членов редколлегии и рецензентов автору не сообщаются.

Формат текста

Абзац – отступ 1,27 см

Междустрочный интервал – 1,5

Шрифт Times New Roman, размер 14

Без переносов!

Буква ё ставится только в тех случаях, когда замена на е искажает смысл слова, во всех остальных случаях – только е.

Сокращения

При первом упоминании лица обязательно указываются И.О., И.О. отделяются пробелом от фамилии.

Годы при указании определенного периода указываются только в цифрах, а не в числительных: 20-е годы, а не двадцатые годы.

Конкретная дата дается с сокращением г. или гг.: 1920 г., 1920–1922 гг.

Не век или века, а в. или вв. (римскими цифрами): IX в.

Писать только полностью: так как, так называемые.

Из сокращений допускаются: т. д., т. п., др., т. е., см.

% ставится значком, а не словом, если связан с цифрой, и отделяется от цифры интервалом: 3 %.

Цифры: миллионы от тысяч и тысячи от сотен отделяются пробелом: 4 700 000, 1 560.

000 могут быть заменены соответствующими сокращенными словами и аббревиатурами: тыс., млн., млрд.

Названия денежных знаков даются по принятым сокращениям: долл., фр., руб., ф. ст., марка.

Кавычки – только «», если закавыченное слово начинает цитату или смыкает к концу цитаты, употребляются прямые двойные кавычки: «"раз", два, три, "четыре"».

Сноски и ссылки в тексте оформляются в порядке следования в тексте арабскими цифрами. Различия между сносками, отсылающими к примечаниям или библиографическому описанию источников, не делается. Авторские примечания и библиографическое описание источников даются в конце статьи единым блоком.

Фамилии И.О. авторов – курсивом.

Сноски не автоматические, пронумерованные арабскими цифрами.

Цифра сноски в конце предложения ставится перед точкой.

Иллюстрации предоставляются в форматах tif или jpg (разрешением не менее 300 dpi).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аникин Владимир - доктор политических наук, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института европейской интеграции и политических наук Академии наук Молдовы. vlad_anik@mail.ru

Бабилунга Николай - кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Института истории, государства и права Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко. babi05@rambler.ru

Буркут Игорь - кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и государственного управления Черновицкого национального университета им. Ю. Федыковича. 889393@inbox.ru

Данилец Юрий - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины Ужгородского национального университета, заместитель главного редактора международного исторического журнала «Русин». jurijdanilec@rambler.ru

Жих Максим - соискатель кафедры музеологии исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. max-mors@mail.ru

Кожолянюк Георгий - доктор исторических наук, профессор Черновицкого национального университета, председатель Черновицкого этнографического общества. g_kogolianko@ukr.net

Кожолянюк Александр - кандидат исторических наук, сотрудник кафедры этнологии Черновицкого национального университета. g_kogolianko@ukr.net

Мищанин Василий - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины Ужгородского национального университета. vvmichanin@rambler.ru

Несин Михаил - выпускник кафедры исторического регионоведения исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. petergof-history@yandex.ru

Петухова Ольга - журналист, специальный корреспондент ряда центральных российских газет, редактор отдела культуры журнала «Крестьянка», автор музыкальных теле- и радиопередач, печатных изданий об эстрадных исполнителях 30-70-х годов, главный редактор Всероссийской газеты Союза архитекторов России «Автограф», основатель и редактор сайта www.petrleschenko.ucoz.ru, директор Международного фонда «Петро» имени Петра Лещенко. od777@ya.ru

Пиковская Татьяна - аспирант кафедры Всемирной истории Винницкого государственного педагогического университета. Tetiana261285@i.ua

Сергиевский Максим (25.X.1892, Москва - 20.VI.1946, там же) - русский советский филолог-романист, заслуженный деятель науки РСФСР (1945), профессор Московского университета (1924-1946). Основатель московской школы романистов и советской молдавенистики. Автор многочисленных работ в области общего и романского языкознания, ряда учебников, словарей. С 1925 г. был членом Международного общества по романскому языкознанию.

Стати Василий - кандидат филологических наук, доктор исторических наук, профессор Академии публичного управления при президенте Республики Молдова, председатель патриотического движения «Про-Молдова». journalrusyn@rambler.ru

Суляк Сергей - кандидат исторических наук, главный редактор международного исторического журнала «Русин», президент Общественной ассоциации «Русь» (Молдавия). sergei_suleak@rambler.ru

Юрасов Михаил - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва), профессор Российской академии живописи, ваяния и зодчества. mihail_yurasov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir Anikin - Doctor of Political Science and Doctorate of Philological Sciences, Associate Researcher of the Institute of European Integration and Political Sciences of the Academy of Sciences of Moldova. vlad_anik@mail.ru

Igor Burkut - Doctorate of History, Associate Professor of the Faculty of Political Science and State Administration of the Fedkovich University of Chernovtsy. 889393@inbox.ru

Nikolai Babilunga - Doctorate of History, Professor, Director of the Faculty of Domestic History of the Institute of History, State and Law of the Shevchenko State University of Pridnestovye. babi05@rambler.ru

Iurii Danilets - Doctorate of History, Associate Professor of the Faculty of the History of the Ukraine, Uzhgorod National University, Associate Editor of the International Historical Journal "Rusin". jurijsdanilec@rambler.ru

Maksim Zhikh - Doctorate of the Faculty of Museum Studies of the Faculty of St. Petersburg State University. max-mors@mail.ru

Georgii Kozholianko - Doctor of History, professor of the Chernovits National University, chairman of the Ethnographical Society of Chernovtsy. g_kogolianko@ukr.net

Aleksandr Kozholianko - Doctorate of History, co-worker of the Department of Ethnology of the Chernovits National University. g_kogolianko@ukr.net

Vasilii Mishchanin - Doctorate of History, Associate Professor of the Faculty of the History of the Ukraine, Uzhgorod National University. vvmichanin@rambler.ru

Mikhail Nesin - graduate of the Faculty of Historical Regional Studies of St. Petersburg State University: petergof-history@yandex.ru

Olga Petukhova - journalist, specialist correspondent of a number of central Russian newspapers, editor of the department of culture of the journal "Krestianka", author of musical tele- and radio programs, printed editions about stage casts of the 1930's - 1970's., chief editor of the All-Russian

Newspaper of the Union of Architects of Russia "Autograph", founder and editor of the site www.petrleschenko.ucoz.ru, director of the International fund "Retro" in honour of Peter Leschenko. od777@ya.ru

Tatiana Pikovskaia - postgraduate of the department of World History of the State Pedagogical Institute of Vinnitsa. Tetiana261285@i.ua

Maksim Sergievskii (25.X.1892, Moscow - 20.VI.1946, Moscow) Russian soviet philosopher - specialist of Romance Studies, merited scientist of the Russian Federation (1945), professor of Moscow State University (1924-1946). Founder of the Moscow School of Romance Specialists and Moldavian Studies. Author of several works in the field of general and Romance linguistics, a number of textbooks, dictionaries. From 1925 was a member of the International Society of Romance Linguistics.

Vasili Stati - Doctorate of Philology, Doctor of History, Professor of the Academy of Public Management under the President of the Republic of Moldova, Chairman of the patriotic movement "Pro-Moldova". journalrusyn@rambler.ru

Sergei Suleak - Doctorate of History, chief editor of the international historical journal «Rusin», President of the Association «Rus'». sergei_suleak@rambler.ru

Mikhail Iurasov - Doctorate of History, Senior Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Professor of the Russian Academy of Art and Architecture. mihail_yurasov@mail.ru

SUMMARY***Sergei Suleak****"We return onto the Moldavian land as avengers".**

In the 65th year of the victory over fascism, the theme of the "Soviet Occupation" of Bessarabia arises once again. However, the events of those years show that the local population considered the Romanians as occupiers. After the beginning of WWII, the Bessarabians entered the ranks of the Red Army. In 1940, thirty-eight thousand Bessarabian soldiers deserted the Romanian army and joined the Red Army. Having occupied Bessarabia at the end of July 1941, the Romanian authorities created the province of Bessarabia. In the fall of 1941, forty-nine ghettos were created in Bessarabia and one hundred seventy in Transnistria. Over three hundred thousand Jews and fifty thousand gypsies perished in the concentration camps of Transnistria during the Romanian occupation. The war brought Moldavia irreparable damage. The economy of the land was totally destroyed and over six hundred fifty thousand people perished.

Nikolai Babilunga**"Voting with feet" by the population of Bessarabia in 1940 – a real referendum.**

During the years of the Romanian occupation the majority of Bessarabians did not consider themselves "Rumanians". The inhabitants of the Old Kingdom in the position of occupiers (bureaucrats, officers and policemen, colonizers and clergy, landowners and bankers, soldiers sent into the country from Romania itself, and a handful of collaborators linked to the occupiers) left Bessarabia in 1940. The basic population of Bessarabia did not think about leaving but greeted the liberating soldiers in exuberance with flowers, fruit and wine. Only an insignificant part of Bessarabians left – in total, no more than 2 %. This percentage includes the 1940 and 1944 exodus.

Vasilii Mishanin**The Sovietization of Transcarpathia in the second half of the 1940's.**

The article is about the first steps of the Sovietization of Transcarpathia during the period of activity of the People's Council of Transcarpathian Ukraine (1944-1945) and the politics of the Soviet government in imposing a Soviet way of life in the Transcarpathian Region, as an integral part of the

* annotations of the material published in the rubrics «History of the Rusins» and «Famous Rusins».

Soviet Union, where any independence in any sphere of life by the local authorities was completely excluded.

Iurii Danilets

Orthodox Church in the first year of Soviet rule in Transcarpathia (1944-1945).

In the first year of Soviet rule in Transcarpathia Orthodox clergy supported the policy of the Communists. The Orthodox were allies in the fight against the Uniates, wanted to go under the control of the Russian Orthodox Church.

Mikhail Iurasov

The question about the date of the baptism of the ancestors of the Rusins by St. Methodius.

In a recent publication by the Austrian historian P. Shrainger of the Byzantine manuscript of the 15th C. (cod. Par. gr. 2303), which is preserved in Paris, it is reported that in the year 6390 from the creation of the world (881-882 AD) the Ros people was baptised. Although, judging by the text of the document, the author of the manuscript was a contemporary of the documented events, historians are not certain which group of Rus' are under question. The main reasons of the uncertainty of the specialists is because of the heyday of paganism in Eastern Europe at the time and the firm belief that the Rus' lived only in the mid Dnieper region. Along with this, exactly in 881-882 AD, St. Methodius journeyed from Moravia to Constantinople. During this journey the primary teacher of the Slavs and his students could have been in the basin of the Upper Tisa and in the lower Danube region descending along the Siret and Pruth rivers. Having baptised a part of the East Slavs, who were considered Rus', Methodius informed the Emperor Basil the Macedonian and Patriarch Photius about this event resulting in the news of the baptism of the Ros people. This could have been noted by one of the Byzantine chroniclers, a contemporary of the event.

Maksim Zhikh

Concerning the problem of the ethnic self-identity of the early Slavs: according to the work of Florin Kurta.

On the basis of medieval sources of much research the author convincingly refutes several of the works of the known American Slavist Florin Kurta. Kurta considers that in general the Slavs did not exist before the 6th C. and that they were formed in the "shadow of Justinians fortresses and not in the bogs of the Pripiat". Their "making" (according to Kurta) "was a result not

so much due to ethnogenesis as to the invention, fabrication and labelling by the Byzantine writers". However, the analysis of the sources doesn't give a basis to consider the opinion of the American researcher correct with regard to the beginning of the ethnogenesis of the Slavs.

Mikhail Negin

The Galician Assembly under Iaroslav Osmomysl.

In the given work the assembly action of the Galicians during the reign of the Galician prince Iaroslav Vladimirovich Osmomysl is studied. The article is based on chronicle, archaeological and research data. Along with this, the earlier and later Galician assembly movements are studied which is necessary for an adequate evaluation of the time period under study. In conjunction with the specifics of the subject, the series of research questions are principally dedicated to the question of the interrelationship of the assembly, society and prince. In the work is included other material about the history of other Russian lands. The result of the research demonstrated the significant power of the Galician assembly which was capable of influencing state politics and accordingly taking matters into their own hands.

Igor Burkut

WW1 in the historical memory of Galicians and Bukovinians.

In the article the author characterizes the peculiarity of the historical memory of WW1 by the inhabitants of contemporary Galician and Bukovina. The conclusions drawn were: The "Great War" has been remembered first of all by the violence of the Russian soldiers and the repressions of Austro-Hungarian soldiery.

Tatiana Pikovskaia

The place of the Sub-Carpathian Agricultural Union (SAU) in the political life of Transcarpathia (1918-1938).

The article studies the political activity of one of the most popular parties in Transcarpathia during the period of its entry into the First Czech Republic - the Sub-Carpathian Agricultural Union (SAU). Particularly, considerable attention was focused on the attitude of SAU to the national problem which was one of the crucial political problems at the time. The importance of Hungary on the formation of the program principles of the SAU, in particular on its transfer to the opposition positions, has been clarified. The political program peculiarities of the SAU and its attempt to find allies among other political forces has been determined.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русин

2010, № 1 (19)

Кишинев
Республиканская общественная ассоциация «Русь»,
2010. - 192 стр.

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,
ул. М. Когэлничану, 24/1.
Тел.: (373 22) 27-02-84, 28-75-59, факс: 28-75-59.
E-mail: info@rusyn.md, journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Подписано к печати 20.07.2010. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Бумага офсет № 1.
Печать офсетная.
Гарнитура «Times New Roman».
Тираж 700 экз.
Заказ 330.

Отпечатано в типографии АО «Реклама»:
г. Кишинев, ул. Александр чел Бун, 111.

**Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.
Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.**



В 2010 году международный исторический журнал «Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир»

К ДНЯМ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И КУЛЬТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

Александр МИЛЯХ

Снова нас вдохновляет, славяне,
Слово верное дарит Господь.
То великое прошлое - с нами,
Не разрушить и не расколоть.
Наши души - святое богатство!
Возвращеньем любви и надежд
Слово, кровью омытое, - Братство
И могучее слово - Рубеж!
Двадцать первого века достойны...
Наших прадедов быт не забыт -
Пережил перестройки и войны,
Воспитал для труда и для битв.

Дни славян -
Глас небесных мелодий!
Вышей волей для смертных открыл
Букв значение - вещей Мефодий,
Знаков письменных мудрость - Кирилл!
Каждый век был последним и грозным,
Из истории их не украсть.
Мы осилим всемирные козни,
Коль прошли чрез
Вселенскую казнь!
Боль времён...
И забвеньё столетий...
Лет горенье...
Пожары веков...
Есть бессмертье народов на свете -
Это мудрая жизнь языков.

Дарят песню нам свадьба и тризна,
Бережёт совесть веру земли.
От нашествий спасали Отчизну,
Кто в лишениях её сберегли!
В том святое отличие наше,
Что в величии скромном своём
Где живём - дом построим и пашем,
О любви и о дружбе поём.
Сохранили старинные танцы,
Как былого - в грядущее - свет.
Наши чувства - не иностранцы,
А движение звёзд и планет!
Сберегли поколений творенья,
В них за истину с ложью - бои...
Мы не знали для наций презренье, -
А дарили прозренья свои!
Вспоминаем заветные веси,
Даль родную,
Просторов печаль,
Всех народов душевные песни
Гордой памятью предков звучат!

Как созвучно - Молдова и Слово!
Не забудем мы правду веков,
Как славян породнила Молдова,
Став единой судьбой языков.
То великое прошлое - с нами,
Не разрушить и не расколоть.
Снова мы подтверждаем,
Славяне -
Слово вечное дарит
Господь!

Александр Владимирович Милых родился в г. Красноярске в 1942 г., окончил Кишинёвский политехнический институт и Литературный институт им. Горького. Автор шести поэтических сборников, лауреат Всероссийской литературной премии «Традиция», член-корреспондент Академии поэзии (Москва), член Союза писателей России, «Мастер литературы Республики Молдова». Живёт в Кишинёве.

РУСЬ